

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

✱

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

✱

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотечарю немедленно.

✱

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

✱

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

✱

Возвращайте книги в установленные сроки.

✱

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

✱

Лица, виновные в злой порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

W 198
612

1-74
P 13709

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО МУСУЛЬМАНСТВУ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Составленъ

по распоряженію и указаніямъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генерала-отъ-Инфантеріи С. М. ДУХОВСКАГО.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. П. НАЛИВКИНА.

ТАШКЕНТЪ.

Ташкентскій Издательскій Домъ.
1900.

75m
67947

Печатано въ типографіи Туркестанскаго Генераль-Губернатора,
Генерала-отъ-Инфантеріи С. М. ДУХОВСКАГО.

1000

14423

Am.

W $\frac{198}{612}$

**СБОРНИКЪ
МАТЕРІАЛОВЪ
ПО
МУСУЛЬМАНСТВУ.**

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Составленъ

по распоряженію и указаніямъ Туркестанскаго Генераль-Губерна-
тора, Генерала-отъ-Инфантеріи С. М. ДУХОВСКАГО,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. П. НАЛИВКИНА.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія Бр. Порцевыхъ.
1900.

Б.И.

634

См

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

чность проповѣдника корана. <i>Н. П. Остроумова.</i>	5
одекъ приличій на Востокѣ. <i>Н. С. Лыкошина.</i>	23
лигіозныя возрѣнія туркменъ Закаспійской области. <i>Ө. Михайлова</i>	87
вѣ та. Очеркъ киргизскихъ правовъ. <i>С. Е. Артеменко.</i>	105
Очеркъ благотворительности у осѣдлыхъ туземцевъ Тур- кестанскаго края. <i>В. П. Наливкина</i>	131

Печатано съ разрѣшенія Туркестанскаго Генералъ-Губернатора,
Генерала-отъ-Инфантеріи *С. М. Духовскаго.*

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

69 829-55

100

и

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагаемая ниже статья „Личность проповѣдника Корана“ есть послѣдняя (IX) глава книги Н. П. Остроумова „Аравія и Коранъ“.

Личность проповѣдника Корана*).

Проповѣдникъ Корана, Мухаммедъ родился въ Меккѣ, въ семьѣ почетнаго корейшита—хранителя ключей Каабы, Абдуль-Мутталиба, отъ сына его Абдуллы въ 570—571 гг. по Р. Хр.**), извѣстномъ въ арабскихъ преданіяхъ подъ именемъ „года слона“. Въ то время почти весь западный историческій міръ находился въ положеніи крайняго разъединенія и внутренняго разложенія и потому не могъ оказывать на Аравію своего вліянія; только византійскій императоръ Юстинъ II и персидскій шахиншахъ Хорзой Нуширванъ продолжали еще оспаривать другъ у друга преобладаніе надъ Еменомъ, но и ихъ вліяніе на юго-западную Аравію черезъ полстолѣтіе съ небольшимъ совсѣмъ прекратилось, такъ какъ Аравія съ 622 г. постепенно подчинилась объединяющимъ началамъ Корана, установившимъ въ ней теократическое правленіе, подъ главенствомъ Мухаммеда, какъ пророка, и его преемниковъ—халифовъ.

Мухаммедъ былъ арабъ по рожденію, выросъ подъ арабскимъ небомъ, воспитывался подъ вліяніемъ условій патріархальнаго языческаго быта арабовъ, пережилъ раннее сиротство и бѣдность, не получилъ никакого образованія и

*) См. на рус. яз. Ирвингъ, Жизнь Магомета; Вейль, Введеніе въ Коранъ (Казань, 1875). Ренаъ. Изд. Чуйко (Сиб. 1882 г.) Магометъ и происхожденіе ислама. О. Смирновъ. Магометъ (Владикавказъ, 1891 г.). Магометъ. Очеркъ Вл. Соловьева (Сиб., 1896 г.).

**) См. у Шпренгера.

при всемъ этомъ оставилъ свое имя во всемірной исторіи какъ основатель ислама—новой религіи и выросшей на ея началахъ новой мусульманской культуры. Отецъ Мухаммеда былъ бѣднякъ; онъ умеръ еще до появленія Мухаммеда на свѣтъ. На седьмомъ году жизни Мухаммедъ лишился и матери (Амина) и находился сначала на попеченіи дѣда своего, престарѣлаго Абдуль-Мутталиба, потомъ родного дяди по отцу, Абу-Талиба. Абдуль-Мутталибъ былъ, по преданію, человекомъ добраго сердца и набожнымъ язычникомъ, пользовавшимся почетомъ среди соплеменниковъ, а Амина, мать Мухаммеда, была женщина нервная, болѣзненная. Эти основныя predispositions были унаслѣдованы Мухаммедомъ отъ дѣда и матери и развиты подъ вліяніемъ ранняго сиротства, соединеннаго съ одиночествомъ и бѣдностью. Мальчикъ росъ впечатлительнымъ и имѣлъ склонность къ религіозной мечтательности. Аравійская пустыня, въ которой онъ пасъ стада дяди своего, особенно величественное небо во время ночи, когда ему приходилось двигаться по пустынѣ съ караваномъ дяди, а потомъ съ караванами богатой вдовы Хадиджи, усиливали и поддерживали въ душѣ „вѣрнаго“ и цѣломудреннаго юноши господствующее религіозно-мечтательное настроеніе. Кому случалось проводить ночь съ караваномъ подъ открытымъ небомъ въ средней Азій, тотъ пойметъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ на мечтательнаго и религіознаго человека такая ночь: при полной тишинѣ и полумракѣ, окружающемъ васъ, вверху искрится многочисленными яркими звѣздами необъятный и необыкновенно чистый темно-голубой небосклонъ, который какъ бы спускается надъ вашей головой; вы хотите проникнуть взоромъ сквозь этотъ необыкновенный покровъ и видите таинственное мерцаніе многочисленныхъ огоньковъ, которые не пугаютъ, а скорѣе ласкаютъ вашъ взоръ своимъ тихимъ свѣтомъ; ваша мысль уходитъ въ безпредѣльную даль за этими огоньками; вы забываете о землѣ и ваше чувство невольно настраивается на религіозный ладъ. Въ тишинѣ такой очаровательной ночи, подъ величественнымъ небеснымъ покровомъ и при тепломъ воздухѣ забываются житейскія заботы и горести и вамъ становятся понятными] высоко-поэтическія, вдохновенныя

слова псалмопѣвца: „Къ Тебѣ воздвигаю очи мои, Живущій въ небесахъ! Ты дивно великъ, Ты облеченъ величіемъ и благолѣпіемъ! Ты простиеръ надъ нами небо, какъ коверъ. Ты покрылъ землю бездною, какъ одѣяніемъ... Подымаются горы, нисходятъ долины въ то мѣсто, которое Ты назначилъ имъ... Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи: все премудро сотворилъ Ты! Твое небо и Твоя земля! Небеса проповѣдаютъ славу Божію, и о дѣлахъ Его возвѣщаетъ твердь“... И чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ свободнѣе человекъ отъ житейскихъ заботъ, тѣмъ чаще и продолжительнѣе онъ можетъ предаваться такимъ возвышеннымъ мыслямъ въ тиши теплой лѣтней ночи въ Азіатской пустынѣ...

Господствующее настроеніе Мухаммеда было поддержано въ немъ случайными встрѣчами его съ христіанами и іудеями, которые заронили въ его душу мысль о ложности вѣры его соотечественниковъ, и онъ сталъ размышлять, подобно нѣкоторымъ своимъ современникамъ—арабамъ, объ истинной вѣрѣ въ Бога единого, сотворившаго небо и землю и вся, яже въ нихъ. Въ то же время, подъ вліяніемъ мессіанской идеи іудеевъ, онъ думалъ и о проповѣдникѣ, который долженъ былъ возвѣститъ арабамъ древнюю вѣру Авраама, родоначальника арабовъ. Такимъ размышленіямъ Мухаммедъ продолжалъ предаваться и послѣ того, какъ женился на Хадиджѣ, особенно въ мѣсяцъ Рамазанъ, когда онъ, по обычаю арабовъ, проводилъ время въ воздержаніи въ пещерѣ Хира, близъ Мекки. Такъ продолжалась жизнь Мухаммеда до 40 лѣтъ, когда онъ, по мусульманскому сказанію, увидѣлъ ангела, говорившаго ему:

„Читай во имя Господа Твоего, Который создаетъ ..

„Создаетъ человека изъ *сгустившейся крови*;

„Всеблагій Господь Твой, Который далъ познаніе о
письменности,

„Даетъ человеку знаніе о томъ, о чемъ у него не было
знанія“...

Послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній Мухаммедъ принялъ это видѣніе за небесное призваніе его къ проповѣднической дѣятельности и объявилъ себя пророкомъ арабовъ. Затѣмъ,

въ постоянной борьбѣ за свое ученіе и жизнь свою, онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ (612—632) проповѣдывалъ арабамъ новую вѣру—исламъ, составляющую содержаніе Корана.—Въ идею единства Божія, составляющую основу ученія Корана, Мухаммедъ вѣровалъ всею силою своей восторженной души, и подкрѣплялъ это вѣрованіе своеобразною, болѣе поэтической, чѣмъ метафизическою логикой, и съ такимъ духовнымъ оружіемъ робко выступилъ онъ противъ своихъ язычествующихъ соотечественниковъ. Сильная оппозиція принуждала его прибѣгать къ разнымъ доказательствамъ своего новаго ученія, отъ чего зависитъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ стиля Корана. Въ первыхъ, по времени появленія, главахъ Корана замѣчается постоянное безпокойство за успѣхъ новаго ученія вмѣстѣ съ усиленіемъ защитить его отъ возраженій противниковъ и оправдать личныя притязанія свои на роль пророка. Неувѣренный въ подробности своихъ историческихъ разсказовъ, Мухаммедъ предупреждаетъ возраженія слушателей, успокаиваясь на благочестивыхъ восклицаніяхъ: Богъ премудръ, Богъ лучше знаетъ, Богъ правосуденъ, Богъ знаетъ и видитъ все! Въ этомъ заключается своеобразная прелесть Корана и въ тоже время недостатокъ въ сравненіи съ Библіей, гдѣ нѣтъ этого безпокойства, этой предупредительности въ отношеніи слушателей, какая замѣчается въ Коранѣ; Мухаммедъ часто представляется резонеромъ, а не спокойнымъ проповѣдникомъ новаго ученія; болѣе поэтъ, чѣмъ философъ, онъ колебался въ частностяхъ своего ученія, но не забывалъ двухъ главныхъ положеній, что Богъ одинъ и Мухаммедъ—Его посланникъ. Убѣжденіе и одушевленіе своей идеей помогли ему устоять противъ многихъ соблазновъ, хотя эти соблазны иногда подавляющимъ образомъ дѣйствовали на его слабую волю. Съ перваго и до послѣдняго дня своей проповѣднической и реформаторской дѣятельности Мухаммедъ упорно отстаивалъ главные тезисы своего ученія, а поэтическое одушевленіе поддерживало его уступчивую волю. Какъ и всегда бываетъ съ людьми, посвятившими себя служенію высокой идеѣ, Мухаммедъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ преслѣдовалъ свою цѣль и былъ пылкимъ энтузіастомъ;

считая свои убѣжденія за высшую, божественную истину, онъ сражался за нее не только какъ воинъ, но и какъ проповѣдникъ, выдававшій себя за посланника Божія, вдохновеннаго Самимъ Богомъ на эту борьбу съ людьми и убѣжденіями своего вѣка. Поэтому-то онъ и является въ исторіи религіознымъ и самоотверженнымъ, хотя безъ истиннаго героизма. Древніе библейскіе пророки безболзненно смотрѣли въ глаза смерти, а Божественный Основатель христіанства Самъ понесъ крестъ, на которомъ Его должны были распять; напротивъ, Мухаммедъ укрывался въ пещерѣ и подъ покровомъ ночи совсѣмъ убѣжалъ изъ отечественнаго города въ Медину, въ 622 году по Р. Хр.

Обладая увлекающеюся, поэтической натурою, онъ былъ симпатиченъ въ обращеніи съ людьми всякаго рода; пожимая каждому встрѣчному руки, онъ никогда первый не вынималъ своихъ рукъ изъ рукъ другого; въ разговорѣ съ другими онъ никогда первый не начиналъ рѣчи и не прерывалъ другихъ. Онъ былъ ласковъ и довѣрчивъ, доступенъ каждому, общителенъ. Нѣкоторыя страсти затемняли его характеръ*), но въ общемъ онъ былъ для своихъ соотечественниковъ симпатичнымъ арабомъ: онъ былъ благороденъ, кротокъ, доброжелателенъ, безкорыстенъ и набоженъ**).

Вслѣдствіе доступности характера своего, Мухаммедъ болѣе чѣмъ кто другой подчинялся вліянію обвужающихъ его людей и обстоятельствъ. Обладая способностью быстро перенимать чужія мысли и взгляды, будучи, какъ говоритъ Шпренгеръ, гениальнымъ до уродливости, Мухаммедъ невольно отражалъ на себѣ добродушіе Абу-Бекра и суровость Омара. Подъ вліяніемъ постороннихъ вѣрушеній, Мухаммедъ укрѣплялъ въ себѣ идеаль пророка и поддерживалъ самообольщеніе мнимыхъ видѣній ангела. Съ главнымъ ученіемъ о единствѣ Божіемъ и своемъ пророческомъ достоинствѣ по преимуществу, онъ соединялъ частныя мысли и чувства, иногда даже прямо въ ущербъ своему нравственному авто-

*) См. ст. «Нравственный характеръ Мухаммеда», С. А. С. (Правосл. Собесѣд. 1887 г.) и ст. Смирнова «Мухаммедъ въ фактахъ жизни и въ словахъ Корана» (Правосл. Собесѣд. 1891 г.).

**) См. Коранъ въ разныхъ главахъ по указателю Г. Саблукова.

ритету, какъ это подтверждаетъ странное оправданіе его сладострастія. Когда ему пришлось защищать свою нравственность противъ обвиненія въ неумѣренномъ женолюбіи, онъ не усомнился сказать въ Коранѣ, что самъ Богъ почтилъ Своего послѣдняго и величайшаго посланника исключительнымъ преимуществомъ въ отношеніи права на многоженство*). Съ одной стороны привычка къ оборонительному положенію и убѣжденіе въ правотѣ своей миссіи, а съ другой внѣшній успѣхъ первыхъ побѣдъ надъ упрямыми мекканцами выработали въ немъ воинственный духъ, столь сродный арабамъ, который поддерживали въ немъ гордый Омаръ, добродушный Абу-Бекръ и могучій, пылкій рыцарь Алій. Родственные связи съ двумя послѣдними усиливали въ Мухаммедѣ самоуверенность, которая приводила его иногда къ мѣрамъ крайнимъ и жестокимъ. Такія рѣзкія противорѣчія простоты и мягкости съ одной стороны и величавой требовательности, соединенной съ хладнокровной жестокостью, легко объясняются изъ общихъ свойствъ характера арабовъ**).

Какъ семить по рожденію, онъ въ своей дѣятельности охотно подражалъ характеру Моисея, придерживался его ученія болѣе, чѣмъ ученія евангельскаго, и ввелъ въ Коранъ разныя постановленія о семейной и общественной жизни арабовъ, согласныя съ закономъ Моисея***). Успѣхъ его законодательной дѣятельности постоянно укрѣплялъ въ немъ личную самоуверенность, и подъ конецъ жизни своей онъ посылалъ пословъ въ Персію и въ Грецію съ предложеніемъ признать его пророкомъ Божиимъ и добровольно покориться его волѣ. Но представляя себя духовнымъ и свѣтскимъ главою новаго религіознаго арабскаго союза, Мухаммедъ и въ этомъ случаѣ оставилъ въ Коранѣ ясныя слѣды своего арабскаго происхожденія и личнаго своего прошлаго. Ученіе о рабствѣ, о бѣдныхъ, сиротахъ, вдовицахъ, плѣнныхъ и т. д. сложилось въ головѣ его подъ вліяніемъ обстоятельствъ его жизни. Рабы составляли довольно значительный классъ

*) Коранъ гл. 33, ст. 49—53.

**) См. гл. о характерѣ древнихъ арабовъ

***) См. соч. А. Свѣтлакова «Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана» (Казань, 1875 г.).

въ Меккѣ; изъ нихъ были первые послѣдователи ислама, и онъ на примѣрѣ раба Зайда показалъ арабамъ, какъ нужно относиться къ рабамъ. Испытанныя имъ самимъ бѣдность и сиротство напоминали Мухаммеду и о многихъ другихъ бѣднякахъ и сиротахъ Аравіи и содѣйствовали установленію болѣе гуманнаго взгляда на этихъ несчастныхъ жертвъ судьбы. Примѣръ матери — вдовы, конечно, не прошелъ безслѣдно въ сердца Мухаммеда, любившаго свою мать, когда онъ говорилъ о положеніи вдовъ и объ отношеніяхъ къ нимъ. Существованіе собственныхъ своихъ дочерей не могло не повліять на обнародованный въ Коранѣ законъ о сохраненіи дочерямъ жизни. Наконецъ многочисленныя распри его со своими женами яснѣе всего отразились въ законодательствѣ Корана о бракѣ и разводѣ.

Собственно догматическое ученіе Корана обязано было съ одной стороны вліянію евѣонизма, родственнаго арабамъ, а съ другой — разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, такъ или иначе направлявшимъ мысли проповѣдника Корана. Мухаммедъ не былъ религіознымъ мыслителемъ въ нашемъ смыслѣ слова; научныхъ знаній онъ не имѣлъ, даже не умѣлъ читать*) и потому всегда говорилъ о догматическихъ вопросахъ или языкомъ поэта или языкомъ профана. Русскій неграмотный простолюдинъ равняется съ Мухаммедомъ въ богословствованіи, когда идетъ рѣчь у перваго о громѣ, у втораго о падающихъ звѣздахъ. Еще ближе они сойдутся въ своихъ воззрѣніяхъ на устройство неба и земли, на мѣсто-нахожденіе рая и ада, на діаволовъ и ихъ дѣятельность въ горящемъ пламени по отношенію къ грѣшникамъ. Въ то же время Мухаммедъ находился подъ могущественнымъ вліяніемъ своего вѣка, ибо имѣлъ своихъ предшественниковъ и, самъ не сознавая того, подчинился ихъ идеямъ, которымъ придалъ болѣе опредѣленное направленіе и силу. Почва для дѣятельности Мухаммеда была подготовлена предшественниками его, которые пытались проводить въ массу своихъ соотечественниковъ извѣстный религіозно-нравствен-

*) См. ст. Вейля «Умѣлъ-ли Мухаммедъ читать и писать?» Рус. пер. въ Правосл. Собесѣд. 1884 г. и собственное признаніе его въ Коранѣ (гл. 29, ст. 47; гл. 7, ст. 156 и 158).

ный идеалъ; Мухаммедъ былъ охваченъ начавшимся въ Аравіи религіознымъ движеніемъ, держался направленія этого потока, но позволялъ себѣ иногда и нѣкоторыя уклоненія въ сторону, смотря по требованіямъ обстоятельствъ. Ученіе о единомъ Богѣ, о безсмертіи души, о раѣ и адѣ и особенно объ ожидаемомъ Мессіи, всѣ эти ученія во время Мухаммеда были извѣстны въ Аравіи. Не удовлетворяясь современнымъ состояніемъ языческой религіи, лучшіе арабы искали истинной вѣры въ Бога, но встрѣчались съ разными противорѣчивыми ученіями и потому естественно задавали себѣ вопросъ: какая изъ существующихъ формъ религіи самая совершенная, которая дала бы успокоеніе ихъ религіозному чувству. Вопросъ былъ очень трудный, потому что въ то время въ Аравіи было нѣсколько религій и религіозныхъ сектъ, и каждая выдавала свое ученіе за истину*). Вслѣдствіе этого искателямъ истины приходилось жить особнякомъ. Они живо помнили преданіе, что Авраамъ былъ одинаково праотцемъ для христіанъ, іудеевъ и арабовъ, помнили, какъ онъ боролся съ идолопоклонствомъ своего отца и вынужденъ былъ оставить родительскій кровъ. Въ положеніи Авраама можно было находить черты, соотвѣтственныя современному Мухаммеду состоянію Аравіи. И вотъ четыре передовыхъ араба рѣшились оставить свое отечество и странствовать съ цѣлію найти истину. Они приходили къ убѣжденію, что въ ихъ время необходимо долженъ явиться особый избранникъ Божій, который бы научилъ арабовъ истинной вѣрѣ**).

Такимъ образомъ три рода причинъ, или вліяній, нужно имѣть въ виду при разборѣ ученія Корана. Прежде всего необходимо указать, что въ извѣстномъ ученіи можетъ быть объяснено природнымъ предрасположеніемъ Мухаммеда, какъ семита; затѣмъ нужно опредѣлить, какія внѣшнія обстоятельства поддерживали эти предрасположенія и, наконецъ, какое отношеніе къ себѣ встрѣчалъ Мухаммедъ въ обществѣ, которому онъ проповѣдывалъ свое ученіе. Смотря по тому, сколь значительны были эти вліянія и дѣйствовали ли всѣ

*) Іудейство, христіанство, сабензмъ, магізмъ и мѣстное язычество. См. Коранъ, гл. 22, ст. 17; ср. гл. 2, ст. 59; гл. 5, ст. 73.

**) См. конецъ главы о религіозныхъ ученіяхъ въ Аравіи.

эти вліянія въ одномъ направленіи, или же они другъ другу противодѣйствовали, — можно опредѣлить, отъ чего зависѣло безсиліе или успѣхъ Мухаммеда въ извѣстномъ случаѣ. вмѣстѣ съ этимъ нужно представлять современную Мухаммеду Аравію и указывать, въ какомъ отношеніи новое ученіе находилось къ жизни арабскаго народа. Древняя языческая религія арабовъ, семейная и общественная жизнь ихъ должны были извѣстнымъ образомъ измѣниться подъ вліяніемъ ученія Корана. Религія арабовъ естественно должна была измѣниться, когда Мухаммедъ внесъ въ міровоззрѣніе арабовъ новыя взгляды на Бога и на человѣка; семейная и общественная жизнь ихъ также должна была измѣниться, такъ какъ Мухаммедъ и въ этой сферѣ подрывалъ своимъ ученіемъ прежніе порядки и вводилъ новыя. Подъ вліяніемъ Корана измѣнились и литературныя произведенія арабовъ, получившія почти исключительно религіозное направленіе, такъ какъ арабскіе авторы стали поддѣлываться подъ основной характеръ Корана. Коранъ, изложенный поэтической прозой, далъ начало новому періоду — прозаической литературы арабовъ, а затѣмъ вліяніе его отразилось и на литературахъ другихъ народовъ, которые должны были принять исламъ. Далѣе, въ эпоху появленія Корана арабы начинали сознать идею политическаго единства, и мы видимъ въ Коранѣ самое рѣзкое проявленіе этого сознанія соотечественниковъ Мухаммеда: ученіе о вѣрующихъ братіяхъ и невѣрующихъ врагахъ ислама сильно развито въ Коранѣ и породило особый взглядъ мусульманъ на всѣхъ инородцевъ, воспитало и воспитываетъ въ мусульманахъ всѣхъ странъ и временъ религіозную нетерпимость, проявляющуюся во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ иновѣрцамъ.

Въ эпоху появленія Корана въ Аравіи не было науки, что также отразилось прежде всего на Коранѣ, въ которомъ нѣтъ научныхъ обобщеній, заслуживающихъ такого названія, и усилія Ахунда Баязитова доказать противное отзываются или наивностью автора, или умышленностью, рассчитанною на легковѣріе читателей*). Коранъ способствовалъ усиленію

*) См. брошюру: «Отношенія ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ» (С.-Петербургъ, 1887 г.). Нѣсколько замѣчаній объ этой брошюрѣ можно

мысли и чувства, когда утверждалъ, что въ немъ объяснены для арабовъ всѣ тайны, и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовалъ ложному литературному вкусу своихъ послѣдователей. Выдавая себя за полный источникъ *всякаго* знанія*), Коранъ породилъ самодовольство въ послѣдователяхъ ислама, которое всегда и вездѣ было самою сильною помѣхою въ развитіи знанія. Что бы ни говорили объ истребленіи Омаромъ знаменитой Александрійской бібліотеки, во всякомъ случаѣ фактъ этотъ не стоитъ въ противорѣчіи съ духомъ мусульманства, если принять во вниманіе фанатизмъ мусульманъ по отношенію къ иновѣрцамъ, ихъ наукѣ, искусству и проч., что доказано исторіей: увлеченіе нѣкоторыхъ халифовъ науками было не въ духѣ Корана и потому скоро прошло**).

Въ Коранѣ изложены разнообразныя религіозно-нравственныя предписанія, и всѣ они возникли въ головѣ Мухаммеда не случайно, а подъ вліяніемъ современныхъ ему обстоятельствъ, хотя при всемъ этомъ у него было одно общее предрасположеніе, которое налагало свою печать на его мысли, чувства и дѣйствія.

Если такимъ образомъ смотрѣть на ученіе Корана, если каждой частной мысли Корана подыскивать соотвѣтственное основаніе, тогда въ Коранѣ можно будетъ читать до нѣкоторой степени психологію Мухаммеда, психологію аравитянъ. И чѣмъ болѣе находится въ Коранѣ данныхъ для воспроизведенія этой психологіи, тѣмъ большее значеніе будетъ приобретать для исторіи Коранъ, тѣмъ яснѣе будетъ представляться изложенная въ Коранѣ религіозно-нравственная система. Коранъ тѣмъ и отличается отъ современныхъ кодексовъ нравственныхъ и гражданскихъ предписаній, что въ немъ различныя положенія излагаются не въ общихъ чертахъ, а съ разнообразными оттѣнками личнаго чувства, руководившаго Мухаммедомъ при обнародованіи своихъ пред-

встрѣтитъ въ кн. «Историческое и современное значеніе христіанскаго миссіонерства» (Казань, 1894 г.), гл. IV.

*) Гл. 6, ст. 38 и 59; гл. 12, ст. 111; гл. 16, ст. 91.

**) Ренанъ въ своей послѣдней академической рѣчи «Объ отношеніи ислама къ наукѣ» отлично разъяснилъ вѣковой споръ о заслугахъ ислама въ исторіи общечеловѣческой образованности.

писаній. Коранъ поэтому есть не просто кодексъ религіозныхъ предписаній и не просто историческій документъ, но памятникъ литературный, потому что въ немъ отражается характеръ самого Мухаммеда и современной ему Аравіи. Въ этомъ кодексѣ всѣ предписанія жизненны, взяты съ натуры и высказаны съ чувствомъ, языкомъ восторженнаго проповѣдника. А эти-то послѣднія качества и приближаютъ Коранъ къ литературнымъ памятникамъ, отличительное свойство которыхъ состоитъ въ выраженіи чувства. Въ Коранѣ, какъ и въ другихъ историко-литературныхъ памятникахъ, замѣтно отражается прежде всего личный умственный и нравственный характеръ автора, а затѣмъ вліяніе іудейства, христіанства и арабскаго язычества, съ которыми въ различное время приходилъ въ ближайшее соприкосновеніе авторъ Корана, подъ вліяніемъ которыхъ онъ былъ воспитанъ, жилъ и дѣйствовалъ...

На основаніи ученыхъ изслѣдованій европейскихъ ориенталистовъ, въ Россіи также писали о личности основателя ислама*). Послѣднимъ литературнымъ произведеніемъ этого рода является краткій очеркъ жизни и дѣятельности Мухаммеда, составленный извѣстнымъ нашимъ писателемъ Вс. С. Соловьевымъ**). Почтенный авторъ, на стр. 15, ставитъ серьезный вопросъ: *имѣлъ ли Мухаммедъ дѣйствительно ту миссію, которую присваивалъ себѣ?* Вопросъ этотъ чисто богословскій, и Мухаммедъ самъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ именно съ богословской точки зрѣнія, когда увѣрялъ своихъ слушателей, что онъ былъ посланъ Богомъ проповѣдывать истину Божию не только людямъ, но и ду-

*) Безспорная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ Казанской Духовной Академіи: изданія ея профессорами и студентами сочиненія объ Исламѣ являются первыми попытками разработки этого сложнаго историческаго вопроса, а богословскій характеръ этихъ сочиненій, обусловленный характеромъ школы и спеціальною (миссіонерскою) цѣлію, въ значительной степени оправдывается основнымъ характеромъ ислама, какъ системы религіозной, и положеніемъ крещеныхъ инородцевъ Россіи, находившихся подъ вліяніемъ ислама.

**) Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Палленкова. Магометъ. Его жизнь и религіозное ученіе. Вл. С. Соловьева. С.-Петербургъ. 1896 г. Съ изображеніемъ Магомета. Стр. 1—79. Нужно

хамъ*), что онъ не только подобенъ прежде его бывшимъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ, но превосходить всѣхъ ихъ и заключаетъ собою рядъ пророковъ, что онъ — *печать пророковъ**)*. Г. Соловьевъ, поставивъ приведенный вопросъ въ смыслѣ кораническаго, въ отвѣтъ своемъ становится на другую, именно на общенсторическую, точку зрѣнія, и говоритъ: „Если видѣть во всемирной исторіи дѣло случая, результатъ внѣшняго механическаго сдѣленія мелкихъ фактовъ, тогда конечно Мухаммедъ не имѣлъ никакой миссіи, но единственно только потому, что съ этой точки зрѣнія вообще никто никакой миссіи имѣть не можетъ. Если же признавать въ исторіи внутренней смыслъ и цѣлесообразность, тогда безъ сомнѣнія такое огромное мировое дѣло, какъ „созданіе Ислама и основаніе мусульманской культуры“, должно имѣть провиденціальное значеніе, и миссія Мухаммеда не можетъ быть отнята у него, а способъ, какимъ онъ, по собственному своему свидѣтельству, получилъ ее, совершенно согласуется съ психологическимъ опытомъ и историческими аналогіями.

Чтобы получить историческую миссію въ какомъ-нибудь дѣлѣ, необходимо прежде всего имѣть приращенное дарованіе или особенную способность именно къ этому дѣлу. Хотя религія назначается для всѣхъ, но не черезъ всякаго религіозныя идеи открываются и вводятся въ сознаніе и жизнь человѣчества. Для дѣятельной роли въ религіозной исторіи такъ же необходимо призваніе, вдохновеніе, геній, какъ и для того, чтобы совершить что-нибудь великое въ области науки, искусства, политики. У Мухаммеда несомнѣнно былъ спеціальныи религіозныи геній. Если бы мы никогда не читали Корана и не знали, что Мухаммедъ связалъ прочнымъ религіознымъ единствомъ добрую треть историческаго человечества, то его признаніе, что при сильно развитой чув-

однако замѣтить, что этотъ очеркъ, при своемъ общемъ направленіи, не только не даетъ ничего новаго сравнительно съ ст. Ренана «Магометъ и происхожденіе ислама» въ изданіи В. В. Чуйко (Европейскіе писатели и мыслители), но уступаетъ послѣднему во всѣхъ отношеніяхъ.

*) Коранъ, гл. 46, ст. 28; гл. 72, ст. 1—15.

**) Коранъ, гл. 38, ст. 40.

ствительности онъ всегда находилъ настоящее наслажденіе только въ молитвѣ, было бы совершенно достаточно, чтобы мы сказали: вотъ человѣкъ гениальный въ области религіи. Эта религіозная гениальность была производящей причиной ислама, ибо, благодаря ей, Мухаммедъ не могъ удовлетвориться старой религіей своихъ соплеменниковъ и могъ дать имъ новую. Разумѣется, одной этой производящей причины самой по себѣ недостаточно; конечно, религіозныи геній Мухаммеда хотя проявился бы какъ-нибудь при всякихъ обстоятельствахъ, но для того, чтобы онъ произвелъ именно это дѣйствіе (созданіе Ислама) необходимо было *стеченіе* многихъ независимыхъ отъ него опредѣляющихъ условій и факторовъ, — въ чемъ именно и состоитъ провиденціальныи характеръ историческаго дѣла“.

Въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать за каждой религіозной системой провиденціальное значеніе и за каждымъ расколоучителемъ — миссію небеснаго посланника, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ пожертвовали даже своею жизнью за свои религіозныя убѣжденія. Числомъ исповѣдниковъ ислама также нельзя измѣрять внутреннюю его состоятельность, такъ какъ большее или меньшее распространеніе каждой религіи зависитъ не отъ однихъ свойствъ проповѣдываемаго ученія, но и отъ времени ея появленія, отъ мѣстныхъ условій, отъ личнаго характера и частныхъ обстоятельствъ въ жизни проповѣдника новаго ученія. Дальнѣйшая судьба новой религіи еще болѣе зависитъ отъ разныхъ историческихъ условій, иногда очень мало имѣющихъ связи съ самимъ ученіемъ. И это особенно оправдалось на исторіи распространенія ислама*). Что же касается внутренней связующей силы ислама, то прочнымъ религіознымъ единствомъ связана *далеко не добрая треть историческаго человечества**)*, такъ какъ исповѣдники этой новой религіи въ началѣ мусульманской эры и послѣ до настоящаго времени вербовались главнымъ обра-

*) См. Хаури „Исламъ“. Перев. П. Хомутова. Ташкентъ, 1893 г., гл. X. Священная война и войско.

**) Все населеніе земнаго шара исчисляется въ 1.500 милліоновъ, а исповѣдниковъ ислама въ Азіи и Африкѣ насчитывается не болѣе 150 милліоновъ.

зомъ среди некультурныхъ народовъ, чаще всего среди кочевыхъ и бродячихъ племенъ Азии и Африки. Не нужно забывать, что исламъ есть прежде всего религія арабовъ — измаелитовъ, *руки которыхъ простирались на востокъ*, какъ сказано въ Библии о праотцѣ ихъ Измаилѣ. И до настоящаго времени въ числѣ разныхъ народовъ, принявшихъ исламъ, есть такіе, которые (не исключая арабовъ) *простираютъ свои руки на востокъ*: авганцы, курды, африканскіе махдисты и др. Вопреки мнѣнію многихъ, религія измаелитовъ распространялась вездѣ путемъ вооруженнаго насилия, причемъ непокорные часто жестоко истреблялись*). Осѣдлые туземцы средней Азии были обращены въ исламъ также вооруженной рукой, какъ объ этомъ можно читать въ исторіи Бухары, а кочевники, хотя и подчинялись вліянію осѣдлыхъ мусульманъ, но до сихъ поръ еще не скрѣплены съ ними прочнымъ религіознымъ единствомъ. Съ другой стороны необходимо имѣть въ виду, что исламъ по своему существу, какъ религія бедуиновъ, болѣе подходитъ къ быту азіатскихъ и африканскихъ народовъ, чѣмъ религія христіанская съ ея возвышеннымъ богословіемъ и сложнымъ богослужебнымъ чиномъ. Достаточно сказать, что исламъ даже въ наше время обходится въ Среднеазиатскихъ степяхъ безъ храмовъ, безъ священныхъ принадлежностей и безъ священныхъ лицъ. Роскошныя произведенія искусства остаются чуждыми имъ и недоступными, вслѣдствіе ихъ матеріальной бѣдности. Роскошная отдѣлка немногихъ мусульманскихъ мечетей въ Каирѣ и Стамбулѣ не опровергаетъ высказаннаго положенія.

Не останавливаясь на критикѣ мнѣнія о искренности Мухаммеда, доказываемой у г. Соловьева (стр. 75—77) завіреніемъ, что политика Мухаммеда была всегда религіозна**), а религія съ самаго начала имѣла политическую задачу, замѣтимъ, что основной недостатокъ ислама и заклю-

*) Въ дополненіе къ сообщеннымъ фактамъ этого рода, указываемъ на избіеніе 50.000 индусовъ знаменитымъ Махмудомъ Газневийскимъ при взятіи одного города въ Индіи. Этотъ «герой ислама» въ началѣ XI столѣтія нашей эры сдѣлалъ до 17 походовъ, чтобы водворить исламъ въ Индію... (Мюллеръ, Исторія ислама. Т. 3, стр. 63 и слѣд.).

**) Ренанъ думаетъ иначе (см. его очеркъ), Шпренгеръ также.

чается въ соединеніи политики съ религіей... Всѣмъ извѣстно, что Мухаммедъ объединилъ арабовъ, сдѣлалъ ихъ братьями по вѣрѣ*), но онъ же внушалъ имъ быть *жестокими* по отношенію къ иновѣрцамъ**), заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ свящ. войну съ послѣдними; онъ отвлекъ арабовъ отъ многобожія, но внушилъ имъ горделивое сознаніе, что они — лучший народъ въ мірѣ***) и что съ іудеями и христіанами арабы не должны ни дружить, ни имѣть *никакихъ* сношеній. Такая исключительная нетерпимость не можетъ содѣйствовать цивилизаціи полудикарей. Никто не отрицаетъ, что Мухаммедъ предписалъ въ Коранѣ много хорошихъ нравственныхъ правилъ... нельзя не согласиться также съ авторомъ, что исламъ „своими общедоступными догматами и удобоисполнимыми заповѣдами питаетъ народы, призванные къ историческому дѣйствию, но еще не доросшіе до высшихъ идеаловъ челоѣчества“. Но трудно помириться съ тѣмъ взглядомъ г. Соловьева на исламъ, что эта религія представляется „переходною ступенію отъ языческаго натурализма къ истинной универсальной культурѣ, школою спиритуализма и теизма въ доступной этимъ народамъ начальной педагогической формѣ“. Авторъ справедливо замѣчаетъ: „Основная ограниченность въ міросозерцаніи Мухаммеда и въ основанной имъ религіи — это отсутствіе идеала челоѣческаго *совершенства* или совершеннаго соединенія челоѣка съ Богомъ, — идеала истинной богочелоѣчности. Мусульманство требуетъ отъ вѣрующаго не безконечнаго совершенствованія, а только акта безусловной преданности Богу. Конечно, и съ христіанской точки зрѣнія безъ такого акта невозможно достиженіе совершенства для челоѣка; но самъ по себѣ этотъ актъ преданности еще не составляетъ совершенства. Между тѣмъ вѣра Мухаммедова ставитъ первое *условіе* истинной духовной жизни на мѣсто самой этой жизни. Исламъ не говоритъ людямъ: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный, т. е. совершенны *во всемъ*; онъ требуетъ отъ нихъ только общаго подчиненія себя Богу и соблюденія

*) Коранъ, гл. 3, ст. 98—99.

**) Коранъ, гл. 48, ст. 29.

***) Коранъ, гл. 3, ст. 100; ср. гл. 19, ст. 74 и слѣд.

въ своей натуральной жизни тѣхъ внѣшнихъ предѣловъ, которые установлены божественными заповѣдями. Религія остается только неизмѣнной основой и неподвижной рамкой человѣческаго существованія, а не его внутреннимъ содержаніемъ, смысломъ и цѣлью.

„Если нѣтъ совершеннаго идеала, который человѣкъ и человечество должны осуществлять въ своей жизни своими силами, то, значитъ, — продолжаетъ авторъ — нѣтъ для этихъ силъ никакой опредѣленной задачи, а если нѣтъ задачи или цѣли для достиженія, то не можетъ быть движенія впередъ. Вотъ истинная причина, почему идея прогресса, какъ и самый фактъ его, остаются чужды магометанскимъ народамъ. Ихъ культура сохраняетъ чисто мѣстный специальный характеръ и быстро отцвѣтаетъ безъ преемственнаго развитія. Миръ ислама не породилъ универсальныхъ геніевъ, онъ не далъ и не могъ дать человечеству „вождей на пути къ совершенству“. Тѣмъ не менѣе религія Мухаммеда еще имѣетъ будущность; она еще будетъ, если не развиваться, то распространяться. Постоянные успѣхи ислама среди народовъ мало воспримчивыхъ къ христіанству — въ Индіи, Китаѣ, Средней Африкѣ, — показываютъ, что духовное молоко Корана еще нужно для человечества“.

Возможно, — скажемъ и мы, — что исламъ будетъ еще распространяться среди полудикихъ народовъ, но необходимость *духовнаго молока Корана для человечества* положительно должна быть отвергнута уже потому, что отъ ислама, какъ религіи фаталистической и проповѣдующей войну, нѣтъ перехода къ мирному христіанству съ его идеаломъ безконечнаго совершенства, къ религіи гонимыхъ, плачущихъ и смиренныхъ сердецъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Если для европейца знаніе приличій необходимо и учтивость составляетъ достоинство и украшеніе всякаго порядочнаго человѣка, то на востокѣ, гдѣ сохраненіе чувства собственнаго достоинства привито самой религіей ислама, а знаніе приличій составляетъ долгъ каждаго, независимо отъ общественнаго положенія и происхожденія, ощущалась давно потребность собрать воедино и изложить въ системѣ тѣ приемы и правила вѣжливости на всѣ случаи жизни мусульманина, какіе признаются наиболѣе отвѣчающими примѣру самого Мухаммеда, при жизни, и его первыхъ послѣдователей. Задавшись цѣлью создать такого рода сборникъ, нѣкто Мухаммедъ Садыкъ, родомъ кашгарецъ, посвятилъ не мало труда на то, чтобы выбрать изъ разныхъ книгъ шаріата все, относящееся къ умѣнью солидно держать себя и изложить всѣ эти свѣдѣнія въ строгой послѣдовательности. Трудъ автора увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и книга „*Адабъ-уль-салихынъ*“ (приличія мудрыхъ, или благочестивыхъ) среди туземцевъ Туркестанскаго края пользуется заслуженной извѣстностью. Въ сборникѣ этомъ предусмотрѣны всѣ случаи жизни, когда человѣкъ, не зная приличій, можетъ уронить себя въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, и на каждый случай данъ подробный, часто даже слишкомъ подробный совѣтъ, какъ слѣдуетъ вести себя.

Случайно встрѣтивъ въ книжной лавкѣ константинопольское литографированное изданіе „Адабъ-уль-салихынъ“, я заинтересовался содержаніемъ сборника, по замыслу напоминающаго пресловутый „Хорошій тонъ“ Э. Гоппе и англійскія изданія подобнаго рода, а прочтя книгу, убѣдился, что переводъ труда Мухаммедъ Садыка можетъ быть полезенъ всякому, кто интересуется внутренней жизнью нашихъ среднеазіатскихъ туземцевъ, или просто пожелаетъ узнать, какія манеры и приемы кажутся „приличными“ на взглядъ мусульманина.

Переводчикъ.

КОДЕКСЪ ПРИЛИЧІЙ НА ВОСТОКЪ.

(Адабъ-уль-салихынъ).

Сборникъ Мухаммедъ Садыкъ—и—Кашкари. Перевелъ съ тюркскаго *Нилъ Лыкошинъ*.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго!

Прежде всего надлежитъ возносить молитвы къ Богу, украсившему души святыхъ превосходными качествами. Слава пророку, посланному Богомъ, чтобы наставить людей на истинный путь. Господь снабдилъ своего посланника совершеннѣйшимъ знаніемъ правилъ вѣжливости и учтивости, соблюдаемыхъ въ разныхъ случаяхъ жизни. Да будетъ милость Божія и на сподвижникахъ пророка, тоже придававшихъ большое значеніе соблюденію приличій. Я постараюсь изложить здѣсь все извѣстное по этому предмету великимъ учителямъ, отцамъ науки, описывающимъ то, что было въ ихъ время. Всѣ они ясно свидѣтельствуютъ, что сношенія съ хорошими людьми и умѣнье себя держать съ ними составляетъ своего рода науку, что знаніе приличій не утратитъ никогда значенія, сношенія же съ дурными людьми—подобны стѣнамъ зла. Разумѣется, нельзя не согласиться съ этимъ, необходимо добавить только, что сношенія съ хорошими людьми не принесутъ пользы безъ соблюденія вѣшной и внутренней учтивости. Есть мудрое изреченіе: „Дорога въ дружбѣ—учтивость“.

Всѣ благочестивые люди, достигшіе святости и удостоившіеся счастья лицезрѣть Бога, достигли этихъ высокихъ степеней благодаря знанію правилъ вѣжливости и учтивости, не усвоившіе же себѣ этихъ правилъ лишены милости Божіей, не удостоились никакой награды.

Въ книгѣ Маснауви между прочимъ есть стихъ, смыслъ котораго таковъ: „человѣкъ, незнакомый съ правилами вѣжливости, не соблюдающій приличій, приноситъ вредъ не одному только себѣ, но и другимъ; позоръ падаетъ на главы его родителей и всѣхъ лицъ, имѣющихъ какія-либо къ нему отношенія“.

Слѣдовательно, для того, чтобы имѣть возможность достигъ высокаго положенія и заслужить всеобщее уваженіе и почетъ, необходимо во всѣхъ подробностяхъ изучить общепринятые приличія на каждый случай жизни и строго придерживаться этихъ правилъ.

Въ предлагаемой вниманію читателей книгѣ собраны всѣ извѣстныя и общеупотребительныя правила вѣжливости, заимствованныя изъ самыхъ достовѣрныхъ книгъ шаріата и тариката, которыя всякому, кто пожелаетъ изучить ихъ и впродолженіе всей своей жизни будетъ примѣнять, помогутъ снискать благоволеніе и милость Господа, всемогущаго покровителя.

Поэтому книга и получила названіе „Книга приличій“. Содержаніе ея подраздѣляется на семь главъ, а каждая глава содержитъ въ себѣ четыре параграфа.

ГЛАВА I.

Приличія, соблюдаемыя при посѣщеніи дома, въ привѣтствіяхъ, рукопожатіи и цѣлованіи.

§ 1. При посѣщеніи чьего-либо дома, необходимо соблюдать слѣдующее: а) желающій войти въ чей-либо домъ долженъ еще за дверью предупредить хозяина о своемъ намѣреніи войти въ домъ; для этого слѣдуетъ постучать въ двери, или покашлять. б) Когда стукъ, или кашель будетъ услышанъ и изъ дома послышится откликъ, слѣдуетъ, произнеся предварительное привѣтствіе (саламъ), спросить

разрѣшенія войти въ домъ. Эту просьбу, въ случаѣ неполученія отвѣта сразу, слѣдуетъ повторить трижды, причемъ между каждымъ обращеніемъ и послѣдующимъ, необходимо выждать столько времени, сколько необходимо для того, чтобы прочесть четыре ракаата молитвы. в) Если, послѣ троекратнаго вопроса, изъ дома не слышно будетъ отвѣта и не послѣдуетъ приглашенія войти, то необходимо, не настаивая болѣе, возможно скорѣй удалиться. г) Если хозяинъ дома, не отворяя двери спросить пришедшаго: — кто тамъ? то слѣдуетъ отвѣтить, назвавъ свое имя, а не говорить уклончиво: вашъ другъ, вашъ покорный слуга, чтобы не оставить спрашивающаго въ недоумѣніи, кто къ нему пришелъ. д) Когда гость приближается къ дому вмѣстѣ съ хозяиномъ, который ведетъ его къ себѣ, то разрѣшенія войти спрашивать не нужно.

§ 2. При обоюдныхъ *привѣтствіяхъ* соблюдается слѣдующее: а) Если двое мусульманъ встрѣчаются, они обязаны привѣтствовать другъ друга, не придавая значенія тому, — въ дружественныхъ, или враждебныхъ отношеніяхъ находятся они между собою, потому что привѣтствіе установлено пророкомъ и составляетъ „суннатъ“. Разъ привѣтствіе высказано, отвѣчать на него безусловно необходимо, это „фарзъ-айнъ“ для получившаго привѣтствіе отъ одного человѣка; когда же приходится отвѣчать на привѣтствіе нѣсколькихъ человѣкъ, то отвѣтъ составляетъ „фарзъ кифайятъ“. б) Привѣтствіе должно быть высказано непременно словами: „миръ вамъ“, или „миръ вамъ, изобиліе и милость Божія“, а будетъ невѣжливо, если привѣтствующій скажетъ: „миръ тебѣ“, или вообще произвольно измѣнить, или сократить общепринятую фразу привѣтствія. в) Для выраженія привѣтствія, какъ сказано выше, установлена фраза „миръ вамъ, изобиліе и милость Божія“; но, само собою разумѣется, что и отвѣтъ на привѣтствіе долженъ заключать въ себѣ слова „и вамъ миръ“ и произвольно сокращать, или измѣнять выраженіе отвѣта на привѣтствіе — нельзя. Отвѣчать на привѣтствіе надлежитъ немедленно, и при томъ настолько громко, чтобы тотъ, къ кому обращаются, услышалъ сказанное; въ противномъ случаѣ, обязанность получившаго привѣтствіе останется не выпол-

ненно. Если двое мусульманъ, встрѣтившись, привѣтствуютъ другъ друга и одинъ изъ нихъ выскажетъ привѣтствіе, а другой вслѣдъ за симъ, то особаго отвѣта на каждое изъ привѣтствій не требуется; если же оба встрѣтившіеся одновременно произнесутъ привѣтствіе, то каждый обязывается отвѣтить на обращенное къ нему привѣтствіе. 2) Если кто-либо входитъ въ собраніе мусульманъ и высказываетъ привѣтствіе, то слова свои отнюдь не долженъ обращать исключительно къ кому-либо одному изъ находящихся въ собраніи, а привѣтствовать всѣхъ вообще присутствующихъ.

При встрѣчѣ на улицѣ, или на базарѣ дозволяется привѣтствовать особо каждого человѣка; но если кто-либо получить привѣтствіе отъ нѣсколькихъ лицъ сразу, то и отвѣтъ его долженъ быть обращенъ ко всѣмъ его привѣтствовавшимъ, потому что, если бы въ такомъ случаѣ отвѣтъ на привѣтствіе былъ обращенъ исключительно къ кому-либо одному, то привѣтствія остальныхъ остались бы безъ отвѣта со стороны того, къ кому были обращены, и обязанность не была бы исполнена. — Когда привѣтствіе передается не лично, а черезъ посланнаго, то получившій привѣтствіе обязывается тотчасъ же на него отвѣтить; дозволяется только отвѣтъ на переданное привѣтствіе соединять съ отвѣтомъ на привѣтствіе, высказанное посланнымъ отъ своего лица. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ отвѣчать: „и тебѣ, и ему, и вамъ миръ“. Такъ же слѣдуетъ отвѣчать, если привѣтствіе изложено въ письмѣ. d) Произнося привѣтствіе, не слѣдуетъ влаться, или выражать привѣтствіе движеніемъ рукъ, плечъ, головы, — это грѣшно. e) Привѣтствіе слѣдуетъ произносить настолько громко, чтобы тотъ, къ кому оно обращено, слышалъ; такъ же громко слѣдуетъ произносить и отвѣтъ на привѣтствіе. Если привѣтствіе обращается къ глухому человѣку, то слѣдуетъ привѣтствіе сопровождать жестомъ руки; если же знака рукой сдѣлано не будетъ, а привѣтствія глухой не услышитъ, то для него не обязательенъ и отвѣтъ на обращенное къ нему привѣтствіе. Если привѣтствуютъ нѣмого, то онъ долженъ отвѣтить жестомъ руки; если же нѣмой привѣтствуетъ кого-либо знакомъ, то отвѣчать ему слѣдуетъ и словами и жестомъ: тогда обязанность будетъ выполнена.

ж) Лица высокопоставленные первыя привѣтствуютъ лицъ ниже ихъ стоящихъ въ общественномъ положеніи: конный привѣтствуетъ пѣшаго, идущій — сидящаго, хозяинъ — слугу, госпожа — служанку и немногіе первые привѣтствуютъ собраніе большого числа лицъ. 3) Посторонній человѣкъ не долженъ привѣтствовать красивую женщину и, хотя бы красавица сама рѣшилась обратиться съ привѣтствіемъ къ постороннему мужчине, то послѣдній не долженъ отвѣчать ей; но если женщина некрасива, то привѣтствовать ее позволительно, а отвѣчать на привѣтствіе такой женщины должно. Привѣтствовать свою жену и домашнихъ своихъ, хотя бы между ними были и красавицы, — слѣдуетъ; онѣ же должны отвѣчать на обращенное къ нимъ привѣтствіе. Женщины должны взаимно привѣтствовать другъ друга; это „суннатъ“; отвѣтъ же на такое привѣтствіе составляетъ „фарзъ“. Если кто-либо выскажетъ привѣтствіе цѣлому собранію красивыхъ женщинъ, то въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, а для привѣтствуемыхъ отвѣтъ обязателенъ. Если многія собравшіяся красавицы выскажутъ привѣтствіе постороннему для нихъ человѣку, то отвѣчать на такое привѣтствіе обязательно. Если многіе мужчины будутъ привѣтствовать постороннюю для нихъ красавицу, или одна посторонняя красивая женщина выскажетъ привѣтствіе нѣсколькимъ мужчинамъ, то нужно отвѣтить на привѣтствіе, если оно не было вызвано дурными намѣреніями. и) Въ одиннадцати случаяхъ не слѣдуетъ вовсе привѣтствовать, потому что это грѣшно; не слѣдуетъ также и отвѣчать на такое неумѣстное привѣтствіе. 1) Не слѣдуетъ привѣтствовать человѣка, находящагося въ отхожемъ мѣстѣ; 2) человѣка, занятаго исполненіемъ супружескихъ обязанностей съ своей женой; 3) человѣка спящаго; 4) въ банѣ — не омывшагося еще послѣ состоянія нечистоты; 5) вкушающаго пищу, если пища у него во рту; но если пищи во рту нѣтъ, то привѣтствовать слѣдуетъ, а отвѣчать — необходимо; 6) хатиба, во время прознесенія молитвъ; 7) муэззина во время возгласенія „азана“ и „икамата“; 8) человѣка, занятаго совершеніемъ „намаза“; 9) человѣка, читающаго коранъ; 10) человѣка, молящагося и 11) находящагося въ состояніи ихрама, когда онъ

произносить священные возгласы (ляббайка, ляббайка, ла шарика ла ка). *г)* Неисполняющих предписанное шаріатомъ, развратныхъ, безсовѣстныхъ, жестокихъ и невѣрныхъ вовсе не слѣдуетъ привѣтствовать, и, если они привѣтствуютъ мусульманина, то послѣдній не долженъ имъ отвѣчать. Если же мусульманинъ пожелаетъ привѣтствовать одного изъ имѣющихъ Писаніе*), то слѣдуетъ высказать привѣтствіе такъ: „милость Божія тому, кто направляетъ на истинный путь“. Также, если мусульманинъ пишетъ письмо одному изъ имѣющихъ Писаніе, то въ концѣ слѣдуетъ помѣстить привѣтствіе въ тѣхъ же выраженіяхъ, а не писать „миръ вамъ“, какъ принято въ перепискѣ между мусульманами. *к)* Если подданный иновѣрецъ привѣтствуетъ мусульманина, то ему слѣдуетъ отвѣчать только: „и вамъ“. *л)* Когда человѣкъ уходитъ и прощается, привѣтствіе обязательно и отвѣтъ необходимъ; такъ принято между учеными людьми.

§ 3. При *встрѣчѣ* соблюдается слѣдующее: *а)* при встрѣчѣ слѣдуетъ сдѣлать *рукопожатіе*. *б)* При этомъ слѣдуетъ складывать руки ладонями, а не концами пальцевъ, потому что самое слово „мусафиха“, по словарю, обозначаетъ приложеніе ладоней одна къ другой. Такое рукопожатіе— „суннатъ“. Во время рукопожатія тотъ изъ встрѣтившихся, который первымъ подалъ свои руки, не долженъ первымъ отнимать ихъ, а долженъ выждать, пока станетъ отнимать руки протянувшій ихъ позже. *в)* При рукопожатіи слѣдуетъ и лицу своему придать выраженіе привѣтливости. *г)* При рукопожатіи слѣдуетъ произнести молитву „салаватъ“: „Господи, будь милостивъ къ твоему посланнику Мухаммеду и его послѣдователямъ“.

д) Затѣмъ, слѣдуетъ произнести славословіе Богу и просить у него прощенія грѣховъ, сказавъ: „Господь нашъ, доставь намъ благо въ этой жизни, и благо въ будущей, и спаси насъ отъ муки огненной!“ (Коранъ по переводу Г. Саблукова, гл. 2, стихъ 197).

е) Невѣрнымъ, жестокимъ, развратнымъ, безсовѣстнымъ, а также красивымъ женщинамъ рукопожатія при

*) Христіане и евреи.

встрѣчѣ дѣлать не слѣдуетъ, также не слѣдуетъ пристально останавливать свой взоръ на лицахъ безбородыхъ, женподобныхъ юношей—это грѣшно; давать же рукопожатіе такимъ юношамъ еще болѣе непозволительно, ибо это похоже на рукопожатіе съ женщиной.

§ 4. При *объятіяхъ* и *цѣлованіи рукъ*, которыми сопровождается привѣтствіе, соблюдается слѣдующее: *а)* когда кто-нибудь возвратился изъ путешествія, то встрѣчающимъ его знакомымъ слѣдуетъ обнять прибывшаго. Если пріѣхавшій—молодой мальчикъ, то его можно и поцѣловать въ лицо; но это не распространяется на красивыхъ юношей, съ которыми обниматься не слѣдуетъ, хотя бы они возвратились изъ путешествія, ни съ чужестранцами, ни съ соотечественниками: это грѣшно. *б)* Живущимъ въ одномъ мѣстѣ, если они видятся ежедневно, не слѣдуетъ обниматься; это грѣшно; если же и вмѣстѣ живущіе не видѣлись нѣсколько дней, то привѣтствіе можно сопровождать объятіемъ. *в)* При встрѣчѣ съ людьми, пользующимися особымъ всеобщимъ уваженіемъ, слѣдуетъ послѣ рукопожатія поцѣловать и руку. *г)* При встрѣчѣ съ знаменитыми шейхами—цѣлуютъ руку и ногу.

ГЛАВА II.

Приличія, соблюдаемыя человѣкомъ, который ложится спать, одѣвается, идетъ по дорогѣ и садится верхомъ на лошадь.

§ 1. При *отходѣ ко сну*, послѣ намаза „шамъ“, слѣдуетъ прочесть слѣдующую молитву: „я дожилъ до вечера, въ мірѣ, по волѣ Бога, настала ночь. Слава Богу! Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, и міръ Ему принадлежитъ. Слава Ему, всеильному. О Боже! Дай мнѣ благополучно провести эту ночь и послѣдующіе дни и ночи; сохрани меня отъ зла этой ночи и послѣдующихъ дней и ночей. Охрани меня отъ адскихъ мукъ и мученій въ могилѣ. Сохрани меня, о Боже, отъ болѣзней и пошли мнѣ силу до преклонной старости быть благочестивымъ“. Вставая послѣ разсвѣта, надо прочесть ту же молитву; но въ этомъ случаѣ вмѣсто словъ: „я дожилъ до

вечера, въ мірѣ, по волѣ Бога, настала ночь" слѣдуетъ произнести: „я дожилъ до утра, въ мірѣ, по волѣ Бога, настала день“, и вмѣсто: „дай мнѣ благополучно провести эту ночь и сохрани меня отъ зла этой ночи“ произнести: „дай мнѣ благополучно провести этотъ день и сохрани меня отъ зла этого дня“. Известно, что достаточно утромъ и вечеромъ по три раза произнести: „Во имя Бога, произнесение имени котораго охраняетъ отъ всякихъ напастей земныхъ и небесныхъ. Всевѣдущій, всеслышашій“, чтобы обезопасить себя отъ всякаго вреда. Такому человѣку не могутъ вредить ни змѣи, ни скорпионы, ни дивы, ни пияри. Даже еслибы такому человѣку дали ядъ, то и ядъ на него не можетъ подѣйствовать. По преданію отъ пророка известно, что Богъ будетъ весьма доволенъ каждымъ, кто во время намаза „шамъ“ произнесетъ: „Благодареніе и хвала всемогущему Творцу за вѣру Ислама и ниспосланіе Мухамеду пророческаго дара“. б) Когда человѣкъ вздумаетъ ложиться спать, то предварительно слѣдуетъ запереть двери и закрыть всѣ отверстія посуды въ домѣ. Затѣмъ самую постель слѣдуетъ обтереть рукавомъ, или полотенцемъ и троекратно выхлопать изъ постели пыль. Далѣе необходимо погасить огонь и затушить свѣтильники; все это обязательно слѣдуетъ исполнить прежде отхода ко сну. в) Для того, чтобы обезопасить себя отъ вреднаго вліянія злыхъ духовъ во время сна, слѣдуетъ передъ отходомъ ко сну прочесть три раза слѣдующую молитву: „Боже! Силою буквъ, входящихъ въ составъ Твоего имени, сохрани меня отъ вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ“. Въ книгѣ „Навадыръ-уль усуль“ сказано, что, по словамъ пророка, каждый, кто передъ отходомъ ко сну прочтетъ молитву: „Ради силы буквъ имени Божія, да сохранитъ Онъ меня отъ мукъ адскихъ, отъ злыхъ людей и отъ сатанинскаго навожденія“, совершенно безопасенъ отъ всякаго вреда во время сна. Если ту же молитву положить въ амулетъ (ладонку) и повѣсить на шею ребенку, то это будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ оградить дитя отъ всякой опасности. г) Постель не слѣдуетъ дѣлать слишкомъ мягкой. Ложась спать, надлежитъ обратить свое лицо въ сторону Каабы (кыбла) и, опершись лицомъ на ладонь правой

руки, поставленной на локоть, пробыть нѣсколько времени въ такомъ положеніи: это „суннатъ“. д) Находясь въ указанномъ положеніи, необходимо прочесть слѣдующую молитву: „я отхожу ко сну, непрестанно вспоминаю имя Твое, Боже; сохрани мою душу; будь ко мнѣ милостивъ; сохрани меня Твоею силою, какъ охранялъ ты благочестивыхъ мужей“, и еще слѣдующую покаянную молитву три раза: „Боже, Единный, Живый, прости мнѣ мои прегрѣшенія и будь ко мнѣ милостивъ, Тебѣ приношу покаяніе“. Потомъ произнести слѣдующіе стихи корана: „пророкъ вѣруетъ въ то, что ниспослано ему отъ Господа его, а также и вѣрующіе. Каждый изъ нихъ вѣруетъ въ Бога и ангеловъ Его, въ писаніе Его и въ посланниковъ Его. Они говорятъ: мы слушаемъ и повинемся, отъ Тебя, Господи нашъ, прощеніе, и къ Тебѣ возвращеніе. Богъ обязываетъ душу только къ тому, что для нея удобно-исполнимо: для нея то, что приобрѣла она, и противъ нея то, что приобрѣла она. Господи нашъ! не наказывай насъ, если мы забудемъ что, или согрѣшимъ въ чемъ-либо. Господи нашъ! не возлагай на насъ бременъ, какія возлагалъ Ты на бывшихъ прежде насъ. Господи нашъ! не возлагай на насъ того, что намъ не по силамъ. Пощади насъ, прости насъ и помилуй насъ. Ты покровитель нашъ: дай намъ побѣду надъ народомъ невѣрнымъ. (2, 285, 286).

Святая Айша передаетъ, что самъ пророкъ, передъ отходомъ ко сну, имѣлъ обыкновеніе, совершивъ омовеніе, раздѣться, сѣсть на постель, сложивъ ладони рукъ. Онъ читалъ главы Ихлясъ и Мауазатанъ*), потомъ имѣлъ обычай дунуть въ руки и вытереть ими все свое тѣло, начиная

*) Главами Ихлясъ и Мауазатанъ называются три заключительныя сурры корана: «чистое исповѣданіе», «разсвѣтъ» и «люди». Содержаніе ихъ слѣдующее: «Во имя Бога, милостиваго, милосердаго. Скажи Онъ—Богъ—единъ, вѣчный Богъ, Онъ не рождаетъ и не рожденъ, равнаго Ему кого-либо не бывало. Скажи: ищущаго убѣжища у Господа разсвѣта, отъ злотворности того, что сотворилъ Онъ, отъ злотворности ночной темноты, когда она все покрываетъ; отъ злотворности женщинъ, дующихъ на узлы, отъ злотворности завистника, когда онъ завидуетъ. Скажи: ищущаго убѣжища у Господа людей, Царя людей, Бога людей, отъ злобы скрытнаго искушателя, искушающаго сердца людей, отъ гнѣвъ и отъ людей. (главы 112, 113, 114).

съ головы и кончая остальнымъ туловищемъ. Совершивъ это трижды, пророкъ, положивъ правую руку ладонью подъ правую щеку, ложился и читалъ вышеуказанную молитву: „я отхожу ко сну, непрестанно вспоминая имя Твое, Боже. Сохрани мою душу, будь ко мнѣ милостивъ, сохрани меня твоею силою, какъ охранялъ ты благочестивыхъ мужей“, и другія молитвы. *е)* Возставъ отъ сна, надлежитъ прочесть слѣдующую молитву: „Слава Господу, оживившему насъ послѣ смерти (воздвигшему отъ сна, уподобляемого смерти); оживленіе во власти Бога“. Если ночью томить бессонница, то слѣдуетъ прочесть молитву: „О Боже! звѣзды появились на небосклонѣ, сонъ смежилъ очи людей. Ты живой, Тебя не клонитъ ко сну, не беретъ дрема. Ты живой, укажи ночи истинный путь, сомкни и мои очи, усыпи меня“. *ж)* Если ночью приснится хорошій сонъ, то надлежитъ его рассказывать другимъ и возблагодарить Бога, виспославшаго отрадное сновидѣніе; если же приснится плохой, непріятный сонъ, то рассказывать видѣнное во снѣ не слѣдуетъ, а необходимо обратиться къ Богу съ просьбой, чтобы дурной сонъ не исполнился. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ троекратно сплунуть слюну въ лѣвую сторону, затѣмъ произнести молитву: О Боже, я прошу у Тебя покровительства отъ навожденія сатаны, отъ дурныхъ сновъ. Если это будетъ въ точности исполнено, то сонъ не принесетъ вреда.

§ 2. При *одѣваніи* соблюдается слѣдующее: *а)* не слѣдуетъ одѣвать предпочтительно какую-нибудь одну одежду, а что придется изъ имѣющагося. Пророкъ тоже имѣлъ обыкновеніе одѣвать различныя одежды и не придерживался какой-либо одной: рубашку ли, поясъ стыдливости, покрывало ли, штаны ли, богатое верхнее платье, или простое, корону, плащъ, шубу, ичиги, калоши—все наѣввалъ, какъ случится. *б)* Не слѣдуетъ выбирать особенно какую-нибудь одежду, а слѣдуетъ одѣваться въ ткани грубыя и прочныя. *в)* Рукава рубашки и верхней одежды должны быть такой длины, чтобы доходили до запястья руки; допускается и до конца пальцевъ, но длиннѣе дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ это противно преданію. Рукава должны быть широкіе, это согласно съ преданіемъ; дѣлать же узкіе рукава—не хорошо.

Длина рубахи и штановъ должна быть до половины бедровой кости; допускается и до щиколотки, но не длиннѣе. *г)* Одежда должна быть *блага* цвѣта, это суннатъ, и большую часть жизни слѣдуетъ носить бѣлыя одежды; одѣвать красныя и желтыя одежды мужчинамъ грѣшно. *д)* Одежду необходимо содержать всегда въ чистотѣ; въ книгѣ Сахиръ сказано: „чистота неразрывно связана съ вѣрою“; на основаніи этого преданія, надлежитъ содержать въ чистотѣ всѣ вещи, въ особенности одежду. *е)* Людямъ богатымъ надлежитъ одѣвать хорошую одежду, чтобы этимъ обнаружить свой достатокъ, но только въ такомъ случаѣ, если, будучи одѣтъ въ дорогія одежды, человѣкъ въ состояніи удержаться отъ гордости и тщеславія. Учители тариката совѣтуютъ одѣвать хорошія одежды только тѣмъ людямъ, которые съумѣли заглушить въ себѣ голосъ тщеславія и побѣдить чувство гордости. *ж)* Одѣвая впервые новое платье слѣдуетъ произнести молитву: „Хвала Господу, пославшему мнѣ одѣяніе и сохранившему мою жизнь“, а старую одежду отдать бѣднымъ. Въ преданіи сказано, что всякій, кто, одѣвая новую одежду, будетъ въ точности исполнять указанное, заслужитъ тѣмъ милость Божию: онъ самъ и его семейство будутъ сохранены отъ болѣзней, самъ онъ будетъ праведнымъ до конца своей жизни и послѣ смерти будетъ находиться подъ благословеніемъ Божиимъ. Каждый, одѣвая новое платье, долженъ произнести: „Хвала Богу, давшему мнѣ эту одежду, питающему меня. У меня нѣтъ воли, нѣтъ силы, все въ рукахъ Божіихъ“, тогда Богъ, по этой молитвѣ, проститъ молящемуся всѣ его прежнія прегрѣшенія. Абу Саидъ-уль-хузри говоритъ, что пророкъ, когда одѣвалъ новое платье, будь то рубаха, исподнее платье, или чалма, говорилъ: „О Боже! съ этой одеждой пошли мнѣ благополучіе. Прошу твоего покровительства. Да будетъ эта одежда счастливой, сохрани меня отъ прегрѣшеній“.

§ 3. При *выходѣ изъ дома и на улицу* необходимо соблюдать слѣдующія приличія: *а)* Выходя изъ дома за какимъ-нибудь дѣломъ, надо прочесть молитву: „Во имя Бога, я поручилъ себя Богу, у меня нѣтъ своей воли и силы, развѣ если поможетъ мнѣ Богъ“. Затѣмъ произнести изъ ко-

рана „аять-аль-курси“*), чтобы въ свое отсутствіе охранить свое семейство отъ всякаго несчастія и, по возвращеніи, найти дѣтей своихъ въ добромъ здоровьи. Возвратившись домой, входя въ дверь, слѣдуетъ прочесть тотъ же стихъ корана, онъ приноситъ много счастья. б) Если при выходѣ изъ дома взоръ невольно обратится къ небу, необходимо произнести слѣдующій стихъ корана: „Господи нашъ! Ты сотворилъ это не напрасно; хвала Тебѣ! Сохрани насъ отъ мукъ въ огнѣ“. (3, 188). Если выходящій замѣтитъ на небѣ новый мѣсяцъ, то надлежитъ произнести: „Дай Боже, проведи намъ этотъ мѣсяцъ въ добромъ здоровьи, благополучіи, съ вѣрой и благочестіемъ, чтобы заслужить твое одобреніе“. Если же случайно въ это время по небу пролетитъ метеоръ (падающая звѣзда), то не слѣдуетъ долго останавливать свой взоръ на этомъ небесномъ явленіи, а, опустивъ глаза, надлежитъ произнести: „Все въ рукѣ Божіей, у меня нѣтъ собственной воли, нѣтъ силы“. в) Двигаясь по улицѣ, не слѣдуетъ дѣлать шаговъ торопливо, или крѣпко стучать ногами о землю. Шаги слѣдуетъ дѣлать средней величины. г) Ходить по улицѣ слѣдуетъ или обутому на обѣ ноги, или же обѣ ноги должны быть босыя. Безъ уважительной причины не слѣдуетъ сапогъ или калошъ надѣвать только на одну ногу: это грѣшно. Надлежитъ также содержать въ чистотѣ чулки. д) Нечего стыдиться ходить одному, не слѣдуетъ посылать сзади себя слугу, или другаго человѣка; не надо вовсе вводить это въ обычай. е) Если на улицѣ грязно и случится встрѣтиться въ узкомъ мѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, то не слѣдуетъ очевидно для него стараться избѣжать близко пройти отъ него, чтобы не замарать свое платье объ его грязную одежду. ж) Двигаясь по улицѣ, слѣдуетъ смотрѣть себѣ подъ ноги, а не глазѣть по сторонамъ, идти слѣдуетъ осторожно. з) Хо-

*) Подъ названіемъ «аять-аль-курси» извѣстенъ стихъ главы «корова», вотъ его содержаніе: Богъ.... нѣтъ другаго достопоклоняемаго, кромѣ Его, живаго, присносушаго. Его не объемлетъ ни дремота, ни сонъ; въ Его власти все, что есть на небесахъ и на землѣ. Кто можетъ предстательствовать предъ Нимъ, безъ Его изволенія? Онъ знаетъ, что предъ нимъ и что позади ихъ: они постигаютъ мудрость Его только въ той мѣрѣ, какъ Ему угодно. Престолъ Его обширнѣе небесъ и земли, и храненіе обоихъ ихъ не есть для Него бремя, потому что Онъ высокъ, могущественъ (2, 255).

дить слѣдуетъ, соблюдая осторожность, чтобы въ особенности на базарѣ, или въ мѣстахъ большого скопленія народа не причинить по разсѣянности кому-либо вреда или непріятности, напр., не ударить кого-либо, не толкнуть, или не наступить кому-либо на ногу. Если случится встрѣтить двухъ идущихъ рядомъ людей, занятыхъ разговоромъ между собою, то неприлично проходить между ними; въ особенности не слѣдуетъ проходить такъ между двумя встрѣчными женщинами: это очень грѣшно. и) Если по дорогѣ случится встрѣтить „кари“ (читающаго коранъ наизустъ), то слѣдуетъ оказывать такому человѣку уваженіе и, не перегоняя его, идти позади, въ особенности, если карі идетъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, или духовнымъ наставникомъ—тогда слѣдуетъ непремѣнно идти позади ихъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы не наступить на слѣды ихъ: это неприлично. і) Каждый изъ идущихъ вмѣстѣ по улицѣ долженъ стараться оказать своимъ спутникамъ уваженіе: если случится идти впереди остальныхъ спутниковъ, то слѣдуетъ думать, что идешь впереди какъ слуга, указывая дорогу идущимъ позади; если же придется идти сзади другихъ, то слѣдуетъ объяснить это тѣмъ, что, отставши, выказываетъ почтеніе впереди идущимъ спутникамъ; однимъ словомъ, при выборѣ себѣ мѣста среди своихъ спутниковъ, слѣдуетъ подражать рыбамъ, плавающимъ въ водѣ, т. е. вовсе не думать о томъ, гдѣ придется идти: впереди, или позади остальныхъ спутниковъ. к) Встрѣтившись съ кѣмъ-либо на улицѣ, не слѣдуетъ останавливаться для разговора, а, высказавъ привѣтствіе, немедленно пройти дальше; если же необходимо будетъ переговорить съ встрѣчнымъ, то слѣдуетъ отойти съ собесѣдникомъ на край улицы. Это, впрочемъ, не относится до встрѣчи въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никто не ходитъ; въ такихъ мѣстахъ, а также сидя въ домѣ, спрашивать другаго о здоровьи и благополучіи—можно, это ведетъ къ сближенію. л) Если на дорогѣ проходящій замѣтитъ острый шипъ растенія, или камень, которые могутъ причинить боль ногамъ прохожихъ, то надлежитъ убрать съ дороги такой предметъ, если это окажется возможнымъ. Если случится высморкаться, или плюнуть на дорогу, то надо засыпать землей мокроту и тогда

уже двигаться далѣе, при этомъ плевать передъ собой, или въ правую сторону не годится, надо плевать влѣво, назадъ. Также ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ плевать въ ту сторону, гдѣ находится кааба (кыбла); если кыбла приходится сзади—налѣво, если слѣва—плевать, обратившись назадъ. м) Если по дорогѣ встрѣтятся увѣчный, калѣка, то ему слѣдуетъ оказать помощь; если, идя на встрѣчу идущему, служанка, или ребенокъ несъ въ рукахъ посуду, уронилъ ее и, разбивъ, огорчился этимъ, то слѣдуетъ дать встрѣтившемуся такую же посуду, чтобы этимъ доставить огорченному удовольствіе. н) Если на дорогѣ случится встрѣтить что-либо поганое и это вызоветъ въ душѣ идущаго отвращеніе, слѣдуетъ прочесть: „О Боже! кромѣ Тебя никто не можетъ дать счастья, все хорошее отъ Тебя исходить. Зло не исчезнетъ, если Ты его ни уничтожишь. У меня нѣтъ воли, нѣтъ силы, развѣ если Богъ поможетъ“. Встрѣтившись съ похоронной процессіей, слѣдуетъ произнести: „Богъ живой, безсмертный“. Если случится увидѣть на дорогѣ одержимаго проказой, или песью, то слѣдуетъ произнести: „Слава Богу, сохранившему меня отъ этой болѣзни и пославшему мнѣ много здоровья“, и тогда самому не будетъ грозить опасность заболѣть этой болѣзью. о) Находясь среди народа, на базарѣ, надо читать слѣдующую молитву: „Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, Онъ Единъ, у него нѣтъ сотоварищей, міръ ему принадлежитъ. Ему хвала. Онъ оживляетъ и умерщвляетъ. Самъ онъ вѣченъ, всемогущъ“. Чтеніе ея приноситъ большую пользу. п) На улицѣ не надо сидѣть безъ дѣла; если же, по необходимости, придется сидѣть на улицѣ, то необходимо въ точности соблюдать всѣ приличія, установленныя для находящихся на улицѣ, т. е. не слѣдуетъ глѣзѣть на постороннихъ, отвѣчать на обращенныя къ сидящему привѣтствія прохожихъ, разговаривать исключительно о полезныхъ предметахъ и помогать тѣмъ, кто терпитъ какую-либо несправедливость.

§ 4. Человѣкъ, *сидящійся верхомъ на лошади*, долженъ принять за правило слѣдующія приличія: а) Вкладывая ногу въ стремя, надлежитъ произнести молитву: „О Боже! это ты подчинялъ мнѣ лошадь. Безъ тебя у насъ не хватило

силы для этого, мы всѣ соединимся съ Богомъ“ и затѣмъ, трижды: „Слава Богу“, три раза „Богъ святъ“ и еще молитву: „Боже, я не исполнилъ всего, Тобою предписаннаго; я себя этимъ повредилъ, будь ко мнѣ милостивъ, прости мои грѣхи; кромѣ Тебя никто не можетъ простить ихъ“. б) Если лошадь окажется горячей и не будетъ спокойно стоять, то, наклонившись къ ея уху, слѣдуетъ прочесть стихъ корана: „Такъ ужели они будутъ искать еще другого служенія Богу, когда Ему покоряются и охотно и невольно всѣ на небесахъ и на землѣ, и къ Нему они возвращены будутъ?“ (3, 77). И тогда можно быть увѣреннымъ, что горячность лошади не принесетъ вреда сѣдоку. в) Всадникъ, хотя бы и высокопоставленный, долженъ первый привѣтствовать пѣшехода, какъ бы незначителенъ по своему положенію, молодъ, или бѣденъ ли былъ встрѣчный пѣшеходъ. г) Ѣхать по дорогѣ слѣдуетъ осторожно, чтобы не причинить кому-либо вреда. Скоро Ѣхать не слѣдуетъ даже и тогда, когда того требуетъ нужное дѣло, въ особенности, когда на улицѣ грязно. д) Ъдущему верхомъ слѣдуетъ позаботиться о слугѣ или рабѣ, если онъ сопровождаетъ всадника: не слѣдуетъ Ѣхать слишкомъ быстро, чтобы слуга, сопровождающій хозяина, не усталъ. Когда приходится Ѣхать далеко, то не слѣдуетъ брать съ собой слугу пѣшкомъ, потому что это нехорошо и недобросовѣстно относительно слуги. Если есть возможность, надо и слугѣ дать верховую лошадь; если другой лошади нѣтъ, то надо слугу своего посадить позади сѣдла на ту же лошадь, на которой ѣдетъ хозяинъ; если же лошадь не въ силахъ везти двоихъ, то слѣдуетъ садиться на нее попеременно съ слугой, чтобы дать возможность и слугѣ отдохнуть, и самому въ это время пройти пѣшкомъ. е) Лошадь не слѣдуетъ бить нагайкой по головѣ и глазамъ; безъ надобности не слѣдуетъ сидѣть на лошади, остановившись (надо или Ѣхать, или слѣзть); не надо спать или дремать, сидя на лошади. Лошадь необходимо своевременно кормить и поить; не надо ставить ее въ слишкомъ холодное или въ слишкомъ жаркое мѣсто; если же приходится совершать верхомъ продолжительное путешествіе, то слѣдуетъ отъ времени до времени слѣзать и въ которое разстояніе идти

пѣшкомъ, чтобы дать лошади отдохнуть. *ж)* Если лошадь начнет играть и убѣжить, то слѣдуетъ призвать на помощь ангеловъ, дважды произнеся: Творенія Божіи — помогайте! или, по другому мнѣнію: „Божьи созданія, призываю васъ на помощь!“. Послѣ этого лошадь непременно должна остановиться.

ГЛАВА III.

Приличія, соблюдаемыя въ общественныхъ собраніяхъ.

§ 1. Въ собраніяхъ, гдѣ присутствуютъ шейхи, находящіеся въ степени тариката, соблюдается слѣдующее: *а)* когда „мюридъ“ придетъ къ своему наставнику, „пиру“, онъ долженъ сѣсть въ отдаленіи. Если пиръ пригласитъ вошедшаго занять высшее мѣсто, то необходимо тотчасъ же послѣдовать приглашенію и перейти на высшее мѣсто, даже и въ томъ случаѣ, если бы при этомъ пришлось сѣсть выше какого-нибудь почтеннаго человѣка; только въ такомъ случаѣ необходимо принять такую позу, какая принята для молитвъ, безъ необходимости не ворочаться, а сохранять почтительное положеніе и неподвижность. *б)* Сидя такимъ образомъ, слѣдуетъ внимательно вслушиваться въ наставленія пира, запечатлѣвать слова наставника въ своемъ сердцѣ и стараться слѣдовать его наставленіямъ. *в)* Каждое слово наставника надо выслушивать со вниманіемъ и стараться запомнить, чтобы потомъ примѣнить въ жизни усвоенныя въ бесѣдахъ съ пиромъ правила. *г)* Если наставникъ передаетъ мюриду остатки своей пищи или питья, то не слѣдуетъ отнюдь дѣлить съ кѣмъ либо полученное. *д)* Прежде, чѣмъ начать разговоръ съ пиромъ, необходимо убѣдиться въ томъ, что у наставника есть для того свободное время, а не лѣзть съ разговоромъ вкстати. Когда найдется удобное для разговора время, то слѣдуетъ, по возможности, коротко изложить то, что желательно сказать пиру. *е)* Разговаривая съ „мюршидомъ“, слѣдуетъ произносить слова тихо и мягко. *ж)* Въ присутствіи мюршида слѣдуетъ вести себя скромно и почтительно; въ особенности, если мюр-

шидъ собирается уйти куда-нибудь неприлично спрашивать, куда онъ идетъ; вообще, во всемъ слѣдуетъ сохранять такую же скромность и сдержанность. *з)* Во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ руководствоваться волей шейха, во всемъ безпрекословно ему повиноваться, будь-то дѣла вѣры, или дѣла житейскія, ничего не слѣдуетъ предпринимать безъ разрѣшенія пира, — его воля должно подчиняться даже принятіе пищи и питья. *и)* Безъ совѣта пира не слѣдуетъ предпринимать ничего, даже еслибы къ тому понуждала неотложная необходимость. *й)* Если шейхъ спроситъ у мюрида совѣта, какъ ему самому поступить въ данномъ случаѣ, то послѣдній обязанъ отвѣтить: „вы сами лучше меня изволите знать“, а не высказывать поспѣшно свое мнѣніе по возбужденному шейхомъ вопросу; если же шейхъ настойчиво потребуетъ отвѣта на заданный вопросъ, то мюридъ можетъ скромно и почтительно высказать свое мнѣніе. *к)* Не слѣдуетъ безъ позволенія или безъ приглашенія входить въ ту комнату, гдѣ шейхъ предается уединенію. Войдя туда, не слѣдуетъ садиться на то мѣсто, гдѣ имѣетъ обыкновеніе сидѣть самъ шейхъ; равнымъ образомъ не слѣдуетъ надѣвать принадлежащіе шейху тюбтейку, халатъ, калоши. *л)* Не слѣдуетъ спать въ одной комнатѣ съ шейхомъ, развѣ если онъ самъ прикажетъ; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ исполнить приказаніе, но не слѣдуетъ крѣпко спать, а все время быть на-сторожѣ. *м)* Разговаривая съ шейхомъ, не слѣдуетъ позволять себѣ остроты или шутокъ, не слѣдуетъ также шутить и съ другими въ присутствіи шейха: лучше всего не разговаривать безъ позволенія шейха. *н)* Въ присутствіи шейха не слѣдуетъ стараться обнаруживать свое знаніе, или начитанность. *о)* Не слѣдуетъ настойчиво добиваться отъ шейха отвѣта даже на вопросы научнаго свойства. *п)* Необходимо всѣми силами остерегаться своимъ поведеніемъ ставить шейха въ такое положеніе, когда онъ хотя и замѣтитъ проступокъ, но изъ деликатности умолчитъ объ этомъ; такое молчаніе показываетъ, что шейхъ считаетъ провинившагося мюрида незаслуживающимъ даже наставленія, а это очень не хорошо для мюрида. Если шейхъ расположенъ къ мюриду, то онъ прямо выскажетъ ему свое неудовольствіе; вѣдъ

нельзя же допустить, что шейх мог не замѣтить вины мюрида и потому только не высказываетъ неудовольствія провинившемуся.

§ 2. Въ книгѣ Манауи сказано, что мюридъ, по отношенію къ шейху, долженъ соблюдать слѣдующее: а) мюридъ долженъ считать своего пира единственнымъ въ мірѣ и самымъ важнымъ. б) Долженъ вѣрить, что пиру извѣстны всѣ мельчайшія обстоятельства жизни мюрида. в) Преданность мюрида пиру должна быть такова, что еслибы послѣдній даже прогналъ мюрида, то тотъ не долженъ оставлять наставника, а долженъ продолжать служить учителю и постараться вернуть себѣ его расположеніе. г) Въ присутствіи шейха, въ собраніи, надо стараться сидѣть прилично, безъ необходимости, даже не надо шевелиться; чѣмъ больше будетъ соблюдаться это правило, тѣмъ больше пользы будетъ для мюрида. Когда вода въ чашѣ находится въ спокойномъ состояніи, то всякое изображеніе въ ней видно отчетливо, если же вода будетъ волноваться, то никакой предметъ не отразится отчетливо на ея поверхности. д) Начиная какое-бы то ни было дѣло, необходимо мысленно испросить разрѣшенія и помощи у шейха; Хазретъ-Ходжа Ахраръ говорить, что будетъ ли пиръ на лицо, или будетъ отсутствовать, мысли мюрида всегда находятся у пира между бровями и все равно будутъ ему извѣстны. е) Необходимо точно знать, когда у пира наступаетъ время „кабзъ“ и „бастъ*“). Когда будетъ кабзъ, слѣдуетъ по возможности удалиться отъ пира, когда же наступитъ время бастъ, тогда надо стараться быть возлѣ него и скромно сидѣть въ его присутствіи. ж) Тайны шейха мюридъ долженъ хранить отъ людей, а тайны свои обязанъ сообщать пиру. з) Слѣдуетъ всѣми силами стараться заимствовать отъ шейха возможно больше знаній, но въ его присутствіи не слѣдуетъ высказывать свою ученость. и) Не слѣдуетъ вступать въ близкія сношенія съ людьми, не вѣрующими въ шейха и посѣщать ихъ собранія. і) Во время собранія, мюридъ не долженъ долго и пристально смотрѣть въ лицо шейха. к) Въ присутствіи шейха,

*) «Кабзъ» и «Бастъ».

мюридъ не долженъ думать о постороннихъ предметахъ; поручивъ себя шейху, онъ долженъ сидѣть съ поникшей головой, потупивъ взоръ свой. л) Если во время сосредоточеннаго молчанія мюридъ что-либо увидитъ, или узнаетъ другимъ способомъ, то онъ долженъ довести объ этомъ до свѣдѣнія пира, не спрашивая у него объясненія видѣннаго. м) На посѣщеніе собраній шейха отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на удовольствіе и веселое препровожденіе времени; надо приходить къ шейху специально за тѣмъ, чтобы получить отъ него наставленія, необходимыя при изученіи тариката и вообще для благочестивой жизни. н) Во время службы шейху, слѣдуетъ оставить всякія развлеченія и вести праведную жизнь. о) Мюридъ долженъ всѣми силами стараться предотвратить всякій вредъ, или непріятности, которыя могутъ угрожать шейху. п) Мюридъ не долженъ избѣгать подражанія шейху въ своихъ дѣйствіяхъ и обязанъ точно исполнять приказанія шейха, какъ въ словахъ, такъ и въ помысленіяхъ.

§ 3. Вообще, при посѣщеніи собранія слѣдуетъ руководствоваться нижеизложенными правилами: а) Переходя отъ уединенія въ собраніе, необходимо имѣть искреннее желаніе такъ поступать и не руководствоваться какой-либо заднею мыслью. б) Передъ собраніемъ необходимо совершить омовеніе. в) Необходимо, предварительно очистивъ одежду, надушить ее и свое тѣло; вещества, обладающія дурнымъ запахомъ, слѣдуетъ удалить, чтобы не причинить непріятности людямъ, присутствующимъ въ собраніи. Надо вычистить зубы и очистить ротъ отъ запаха сырого луку, чесноку или тому подобныхъ вещей, чтобы не возбудить неудовольствія присутствующихъ въ собраніи. г) Слѣдуетъ помогать возможности посѣщать собранія хорошихъ людей. Въ книгѣ „Асизи“ сказано, что для молитвы, не выполненной своевременно, существуетъ замѣна, „каза“, для бесѣды же замѣны нѣтъ, и пользу, какая могла быть извлечена изъ посѣщенія собранія хорошихъ людей, впоследствии нельзя наверстать никакимъ образомъ; поэтому необходимо стараться посѣщать собранія хорошихъ людей. д) Во время „зикра“ слѣдуетъ сидѣть въ кругу „халька“; въ этомъ много поль-

вы: люди, сидящие въ кругу, все обращены лицомъ другъ къ другу, все они глядятъ другъ на друга, въ такомъ собраніи нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ мѣстъ, все сидитъ одинаково, кругъ по своему виду напоминаетъ цифру нуль; изъ буквъ входящихъ въ составъ слова „халька“, образуется имя Божіе*). Если въ собраніи присутствуетъ лицо высокопоставленное, то все должно обращать къ нему свои взоры; если собралось двое, то они должны сидѣть другъ противъ друга, чтобы колѣни одного приходились противъ колѣнъ другого; если же человекъ сидитъ одинъ, то ему надлежитъ лицо свое обратить въ сторону „выбла“, такъ требуетъ приличіе. е) Сидѣть въ серединѣ круга — неприлично; это допускается только въ случаѣ необходимости, напр. если кому-либо нужно сказать нѣсколько словъ одному изъ сидящихъ въ кругѣ, или исполнить какое нибудь дѣло. ж) Въ собраніи слѣдуетъ вести себя прилично и сидѣть почтительно, наблюдать чтобы никому не было тѣсно, не упираться колѣнами въ колѣни близъ сидящаго, безъ разрѣшенія двухъ сидящихъ рядомъ людей, не слѣдуетъ садиться между ними; далѣе, сидя въ собраніи, надлежитъ непрестанно вспоминать о Богѣ. з) Сидя, надо сохранять приличную позу, такъ напр. не надо сидѣть, подпершись лѣвой рукой сзади. Можно сидѣть въ позѣ „ихтиба“, или поджавъ подъ себя ноги — „мурабба“ (подогнувши ноги по-турецки). Поза „ихтиба“ называется, когда человекъ поднимаетъ колѣни и сидитъ, обхвативъ голени обѣими руками. Сидѣть такъ не противно закону и суннатъ. и) Когда кто-нибудь изъ сидящихъ въ собраніи выйдетъ или войдетъ, всемъ остальнымъ слѣдуетъ подняться со своихъ мѣстъ. і) Лица высокопоставленныхъ слѣдуетъ просить сѣсть выше и привѣтствовать поклономъ. к) Надо остерегаться въ собраніи произносить неприличные слова, проявлять дурныя стороны своего характера, дѣлать неприличные движенія и, вообще, надо стараться вести себя какъ подобаетъ приличному человеку. л) Людямъ высокопоставленнымъ и незначительнымъ, каждому, сообразно его положенію, необходимо оказывать уваженіе и почтеніе;

*) «Халька».

людей преклоннаго возраста надо почитать, какъ отца и стараться имъ услужить. Съ равными себѣ, считая ихъ братьями, слѣдуетъ обращаться вѣжливо и почтительно; меньшихъ себѣ надо принимать за своихъ дѣтей, обращаться съ ними снисходительно, наставляя ихъ на все хорошее, что можетъ быть полезно для нихъ. Если въ собраніи будутъ безбородые мальчики (бачи?), то слѣдуетъ избѣгать посѣщенія такихъ собраній; въ случаѣ же, если необходимость заставить войти въ такое собраніе, то не надо, по крайней мѣрѣ, обращать вниманіе на безбородыхъ юношей и увлекаться ими. м) Кому слѣдуетъ, надо отдавать поклонъ, нищимъ — подавать милостыню. н) Если кому-либо изъ находящихся въ собраніи придетъ время чихнуть, то слѣдуетъ стараться произвести при этомъ какъ можно меньше шума и прикрыть ротъ рукавами, или чѣмъ-нибудь другимъ. о) Послѣ чиханія, надлежитъ произнести „хамдъ“: „Слава Богу, покровителю вселенной“, а еще лучше сказать: „Слава Богу во всякое время, на всякомъ мѣстѣ“. Эти слова необходимо произнести настолько громко, чтобы все присутствующіе слышали. п) Слышавшіе „хамдъ“ послѣ чиханія, должны въ отвѣтъ произнести: „Да будетъ Богъ къ вамъ милостивъ“, или „Да пребудетъ милость Божія на тебѣ;“ потомъ чихнувшій долженъ имъ отвѣтить: „Всевышній да укажетъ вамъ правый путь и души ваши очиститъ“ или: „Да проститъ Богъ мнѣ и вамъ прегрѣшенія наши“, — это необходимо. Послѣ чиханія существенно необходимо произнести слова, указанные для чихнувшаго, но еще лучше, если слышавшіе эти слова все отвѣтятъ чихавшему, какъ сказано. р) Если чихнувшій не произнесетъ „хамдъ“, то и присутствующіе не обязаны ему отвѣчать: это суннатъ. Если же кто-либо изъ присутствующихъ и не слышалъ „хамдъ“ отъ чихнувшаго, но изъ отвѣта остальныхъ заключить, что „хамдъ“ былъ произнесенъ, то и ему, вмѣсто отвѣта, слѣдуетъ произнести „хамдъ“. с) Если чихнувшій не произнесъ „хамдъ“, то присутствующіе въ собраніи должны ему напомнить о необходимости произнесенія хамда. т) Если чиханіе повторится нѣсколько разъ, то послѣ третьяго раза слѣдуетъ спросить чихавшаго: „не насморкъ-ли у васъ?“

Нѣкоторые ученые совѣтуютъ въ такомъ случаѣ сказать: „Да исцѣлитъ тебѣ Богъ,“ или: „Да дастъ тебѣ Богъ здоровья.“ *у)* Вѣжливый человѣкъ долженъ стараться услужить всѣмъ присутствующимъ въ собраніи. *ф)* Не слѣдуетъ затруднять кого-либо изъ присутствующихъ въ собраніи, просить услужить себѣ; также не слѣдуетъ поручать другому какое-либо дѣло для себя. *х)* Еслибы пришлось для присутствующихъ въ собраніи сдѣлать какое-нибудь непріятное дѣло, напримѣръ очистить отхожее мѣсто, или приготовить необходимые для очищенія послѣ испраженія комки глины и т. п., не надо отказываться, или стыдиться такого дѣла. *ц)* Не слѣдуетъ также ставить себѣ въ заслугу сдѣланное для собранія; напротивъ, надо быть довольнымъ, что могъ услужить собранію. *ч)* Съ друзьями и мало знакомыми слѣдуетъ обходиться въ собраніи внимательно и доброжелательно; такое отношеніе составляетъ высшую степень благовоспитанности, какъ высокопоставленныхъ, такъ и обыкновенныхъ людей. *ш)* Если въ собраніи все дѣлается сообразно съ постановленіями шаріата, то всякому присутствующему надлежитъ присоединиться къ такому обществу, въ словахъ и въ дѣйствіяхъ, и не слѣдуетъ избѣгать подражать тому, что дѣлаетъ вся компанія. *щ)* Присутствующій въ собраніи не долженъ стараться уберечь отъ остальныхъ все, ему лично принадлежащее: надо считать, что все, что есть у каждаго члена собранія, столько же принадлежит ему самому, сколько и остальнымъ членамъ собранія; это, впрочемъ, не касается женъ и предметовъ, запрещенныхъ Богомъ для постороннихъ. *з)* Если во время собранія кто-либо изъ присутствующихъ получить приношеніе, то слѣдуетъ подѣлиться съ остальными, а для отсутствующей прислуги необходимо сохранить части, какія придутся на ихъ долю. *и)* Своимъ братьямъ и близкимъ надо прощать, если они провинились; при этомъ не слѣдуетъ заставлять ихъ извиняться, или стыдить ихъ въ лицо тѣмъ, что они сдѣлали. *ю)* Если же кто замѣтитъ въ своемъ родственникѣ пристрастіе къ чему-нибудь дурному, порочному, то необходимо усовѣститъ его съ глазу на глазъ, пока онъ не раскается. Если провинившійся не внемлетъ увѣщаніямъ, то

можно до 50 дней не разговаривать съ нимъ; если же и эта мѣра не приведетъ къ удовлетворительному результату, то слѣдуетъ избѣгать сношеній съ нимъ и дальше до тѣхъ поръ, пока раскаяніе не будетъ несомнѣнно. Если кто-либо изъ ближнихъ впадетъ въ такой грѣхъ, который нѣтъ надежды загладить, то тѣмъ болѣе не слѣдуетъ прощать виновнаго. *я)* Если одинъ изъ присутствующихъ въ собраніи расскажетъ, что онъ совершилъ что-либо противузаконное, то остальные должны употребить всѣ мѣры, чтобы привести его къ раскаянію; если же кто выкажетъ намѣреніе совершить что-либо дурное, то присутствующіе должны отговорить его, своими совѣтами удержатъ отъ дурного поступка. *ѳ)* Наставленія почтенныхъ и высокопоставленныхъ людей слѣдуетъ выслушивать со вниманіемъ и усвоить всѣмъ сердцемъ. *г)* Въ собраніи надлежитъ исключительно произносить имя Божіе и славословіе пророку, а въ концѣ собранія надо произнести: „Съ восторгомъ воспоминаю я имя Твое, о Боже, со славословіемъ исповѣдаю, что кромѣ Тебя нѣтъ другого Бога. Какую Тебѣ, прости мои прегрѣшенія и будь милостивъ къ Мухаммеду и другимъ Твоимъ посланникамъ.“ Потомъ стихъ корана: „Хвала Господу твоему, Господу славы, не имѣющему того, что приписываютъ они ему! Миръ посланникамъ Его! Слава Богу, Господу міровъ!“ (37, 180, 181, 182). Послѣ этого должно разойтись.

§ 4. Есть случай, когда необходимо *избѣгать посещения собранія*: *а)* Не слѣдуетъ „пирѣ“ бывать въ собраніи вмѣстѣ съ людьми, которые, своимъ присутствіемъ, могутъ причинить безпокойство остальнымъ присутствующимъ. *б)* Въ собраніи неприлично зѣвать. Если и пришло желаніе зѣвнуть, — надо удержаться отъ этого, прижимая крѣпче нижнюю губу верхними зубами. Если и этимъ не удастся прекратить зѣвоту, то слѣдуетъ прикрыть ротъ лѣвой рукой, или рукавомъ. Такъ слѣдуетъ поступать всегда, кромѣ случая, если зѣвота застанетъ человѣка тогда, когда онъ во время намаза всталъ въ положеніе „кямъ“, тогда необходимо закрывать ротъ *правой**) рукой. *в)* Во время

*) «Кямъ» стояніе со сложенными на животъ руками, правая сверху. Поэтому закрываться правой рукой удобнѣе, чѣмъ выдергивать для этого лѣвую руку изъ подъ правой.

собраніи не слѣдуетъ дремать. *в)* Во время собранія неприлично стараться выдѣлиться среди остальныхъ своею способностью сосредоточиваться и выказать степень своего духовнаго совершенства; напротивъ, со смиреніемъ надо старательно скрывать свое значеніе. Если кто во время собранія можетъ заняться чтеніемъ книги или благочестивымъ разговоромъ о вѣрѣ, то такъ и слѣдуетъ поступить; если же нѣтъ, то слѣдуетъ заняться какимъ-либо другимъ дѣломъ, скрывая степень своего духовнаго совершенства. Ходжа Ах-раръ Вали говоритъ, что ему случалось видѣть святыхъ, достигшихъ наивысшихъ ступеней духовнаго совершенства, которые, тѣмъ не менѣе, стояли во время моленія прямо, какъ стрѣла, и своими движеніями не обнаруживали своего значенія. *д)* Когда кто-нибудь говоритъ, не слѣдуетъ его перебивать, а необходимо выждать конца начатой рѣчи и тогда уже самому начинать говорить. *е)* Въ собраніи неприлично долго находиться въ положеніи „сукутъ“, т. е. сидѣть, опустивъ голову, потупивъ взоръ, находиться въ такомъ положеніи цѣлый день *даже грѣшно*. *ж)* Не надо и говорить слишкомъ много. Учители тариката совѣтуютъ высказываться лишь тогда, когда душа будетъ покорна языку, а языкъ покоренъ Богу, т. е. говорить только искренно. Вступающему въ собраніе лучше всего хранить абсолютное молчаніе. *з)* Не слѣдуетъ говорить слишкомъ протяжно, или искусственно подбирать выраженія, чтобы похвастать своимъ краснорѣчіемъ, но сопровождать рѣчь своєю жестами рукъ, или ударять по правой ладони указательнымъ пальцемъ лѣвой — можно. *и)* Каждый долженъ говорить только о томъ, что до него касается. Ученые говорятъ, что говорить о богословскихъ предметахъ, не зная хорошо этой науки, есть многобожіе. *й)* Съ присутствующими въ собраніи „пиру“ не слѣдуетъ ссориться; но если кто-нибудь будетъ настолько невѣжливъ, что возбудитъ гнѣвъ въ наставникѣ, то онъ не отвѣтственъ за свой гнѣвъ. Надо знать, что братья-мусульмане не должны сердиться другъ на друга долѣе трехъ дней, если двое поссорятся изъ-за житейскихъ дѣлъ; но если поссорится отецъ съ дѣтьми, учитель съ учениками, мужъ съ женой и т. п., то нѣтъ грѣха въ томъ, если ссора про-

должится и болѣе трехъ дней; на это нѣтъ опредѣленнаго срока. Желающій быть праведнымъ, долженъ всѣми силами стараться погасить огонь гнѣва, исключая, впрочемъ, такихъ случаевъ, когда гнѣвъ вызванъ чѣмъ-либо противнымъ шаріату. *к)* Не слѣдуетъ въ разговорѣ сильно льстить собесѣднику, а если, наоборотъ, кто-нибудь ведетъ льстивыя рѣчи, то тотъ, къ кому онъ относится, долженъ прочесть молитву: „Боже, направь меня ко благу, сдѣлай меня такимъ хорошимъ, какимъ меня считаютъ люди. Прости мнѣ мои грѣхи такъ, чтобы они не знали. Не осуди меня за мои прегрѣшенія, какъ способны осудить меня люди: они незнаючи, Ты всевѣдущъ“. *л)* Пиръ не долженъ позволять себѣ много шутить съ присутствующими; слѣдуетъ говорить о томъ, что послужило поводомъ къ собранію, но если какія-либо слова пира, безъ умысла съ его стороны, разсмѣшать присутствующихъ, то въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Также дозволяется забавлять дѣтей, высовывая языкъ и возбуждая въ нихъ смѣхъ. *м)* Никого не слѣдуетъ осуждать въ его отсутствіе, не слѣдуетъ и слушать, когда кто дурно отзывается объ отсутствующемъ, это грѣшно. „Гайбатъ кылмакъ“ значитъ говорить про отсутствующаго такія вещи, которыя могутъ повредить его репутаціи; но въ шести случаяхъ дурной отзывъ объ отсутствующемъ дозволенъ: а) потерпѣвшій можетъ принести начальнику, или царю жалобу на своего обидчика. б) Про человека, постоянно занимающагося дурными дѣлами, можно сообщить человеку, который имѣетъ власть наказывать виновнаго. в) Можно сообщить законовѣдцу о протерпѣнной обидѣ, или понесенномъ ущербѣ, съ цѣлью узнать, какое наказаніе по шаріату заслужилъ виновный. г) Можно открыть дурныя дѣла кого-либо для того, чтобы предостеречь другихъ мусульманъ отъ подражанія дурному человеку. е) Также можно и за глаза осуждать такого человека, который вообще занимается дурными дѣлами и, не обращая вниманія на увѣщанія, не исправляется. ф) Если кто-нибудь, въ обществѣ, носитъ прозвище, заключающее въ себѣ нѣчто дурное про того, до кого оно относится, напримѣръ: косою, кривою, слѣпою, нѣмой, хромою и т. п., то дозволяется въ его отсут-

ствіе произносить это прозвище для того, чтобы могло быть понятно, про кого идетъ рѣчь; но если тѣ же слова произносятся съ цѣлью оскорбить того, къ кому они относятся, то это грѣшно. h) Находясь въ собраніи, неприлично говорить съ другими по секрету, или употреблять въ разговорѣ такой языкъ, который не всѣмъ понятенъ. Также не слѣдуетъ въ собраніи подмигивать другимъ глазами, моргать бровью и т. п. Это можно допустить лишь въ томъ случаѣ, если хозяину необходимо что-нибудь указать знакомъ слугѣ, или слуга желаетъ что-нибудь дать понять хозяину, скрывъ это отъ другихъ. Если въ собраніи два лица желаютъ переговорить о чемъ-либо по секрету, то третьему лицу отнюдь не слѣдуетъ приближаться къ разговаривающимъ, или стараться подслушать, что они говорятъ между собою.

ГЛАВА IV

Приличія, соблюдаемыя въ отношеніяхъ супруговъ между собой, а также при посѣщеніи къмъ-либо общественныхъ банъ.

§ 1. Мужъ, въ отношеніяхъ своихъ къ женѣ, долженъ соблюдать слѣдующее: а) Желаясь жениться долженъ стараться выбрать нравственную, честную женщину. Имамъ Шаф'и советуетъ передъ свадьбой однажды повидаться съ невестой. Невѣста должна быть дѣвица. Слѣдуетъ выбирать такую жену, которая бы превосходила мужа четырьмя качествами, а четырьмя качествами уступала-бы ему: возрастъ невесты, ея ростъ, богатство и происхожденіе — должны быть ниже, чѣмъ тѣ же качества у жениха, а красота, характеръ, приличіе и нѣжность должны быть выше, чѣмъ тѣ же качества у жениха. б) Слѣдуетъ избѣгать жениться на женщинахъ, неспособныхъ къ дѣторожденію, на такихъ, которыя способны растратить имущество второго мужа на дѣтей своихъ отъ перваго брака, на женщинахъ, которыя способны упрекнуть мужа принесеннымъ приданымъ, или своимъ высокимъ происхожденіемъ, на такихъ, которыя, выйдя за бѣднаго человѣка, послѣ брака съ бо-

гатымъ и роскошной жизни и отъ того страдаютъ. Не слѣдуетъ брать за себя женщинъ такого дурного характера, что ее и ея мужа за глаза будутъ осуждать. Наконецъ, слѣдуетъ избѣгать жениться на такихъ женщинахъ, которыя на видъ кажутся чисты, нравственны и красивы, на самомъ же дѣлѣ вовсе не таковы. Такая женщина всегда отличается очень дурнымъ характеромъ; она „хузраутъ-дымнъ“, слово это, по словарю, означаетъ: „трава, выходящая изъ кучи навоза“. в) Мужъ долженъ хорошо обращаться со своей женой, быть къ ней привѣтливымъ, безъ причины не ссориться и не гнѣваться; этого требуетъ снисходительность, потому что жена все равно, что плѣнникъ, а къ плѣннымъ слѣдуетъ относиться милостиво. г) Провинности жены слѣдуетъ переносить терпѣливо и, если даже жена позволить себѣ что-либо дурное на словахъ, или дѣйствіяхъ, то мужъ всетаки долженъ съ ней обращаться хорошо. Если же она сильно разгнѣвается, то мужу слѣдуетъ похлопать ее по спинѣ рукой и сказать: „о злодѣй, наставляющій людей на все дурное, выйди сейчасъ же изъ этого прекраснаго тѣла,“ — для того, чтобы дѣволъ, который забрался между кожей и мясомъ и производитъ гнѣвъ, удался. д) Семейству, женѣ, бѣднымъ родственникамъ, глава семьи долженъ доставлять все необходимое для существованія и всѣ деньги и предметы, имъ доставляемые, должны быть чистыми и добытыми вполне законнымъ путемъ (халаль), но если на содержаніе семьи не хватаетъ такихъ чистыхъ средствъ и приходится обратиться къ предметамъ сомнительнаго свойства (шубха*) но, конечно не запрещеннымъ, то на пищу и питье слѣдуетъ доставлять средства и предметы непременно безусловно чистые, а сомнительные тратить на одежду и другія потребности семьи. е) Относясь къ женѣ съ подобающей нѣжностью и снисходительностью, не слѣдуетъ однако впадать въ крайность и вполне подчиняться вліянію жены, а отъ времени до времени давать ей почувствовать главенство въ домѣ мужа, постранивъ жену.

*) Напр. деньги, которыя надлежало бы уплатить въ закятъ, или молоко, въ которое попала мышь.

ж) Въ видахъ охраненія нравственности жены, не слѣдуетъ никогда давать своего согласія на то, чтобы посторонние, запрещенные для женщины люди, посѣщали бы женскую, внутреннюю половину дома; не надо также дозволить женѣ посѣщать кладбища, когда тамъ собирается много народа, посѣщать мечети, публичныя сборища для слушанія проповѣдей, не надо отпускать ее на многочисленные семейныя торжества (туи) и поминки.

§ 2. Жена въ отношеніяхъ къ мужу, должна стараться соблюдать слѣдующее: а) Жена не должна выходить изъ дома, не спросивъ на то разрѣшенія мужа; безъ его позволенія не должна ни пускать кого-либо въ домъ, ни тратить его деньги и имущество. б) Жена должна, безъ всякаго принужденія, охотно исполнять всѣ обязанности, лежащія на ней, какъ хозяйкѣ дома. в) Настроеніе духа своего жена должна согласовать съ настроеніемъ мужа: когда онъ веселъ и она должна сохранять веселое расположеніе духа, когда онъ печаленъ и жена должна своимъ настроеніемъ выразить участіе въ заботамъ и огорченію мужа. г) Жена должна довольствоваться тѣми средствами и удобствами жизни, какія въ состояніи доставить ей мужъ, не требуя отъ него невозможнаго и лишняго. д) Если мужъ умретъ, женѣ слѣдуетъ носить по умершему трауръ, а если она желаетъ вновь соединиться съ умершимъ супругомъ въ загробной жизни, то она не должна вторично выходить замужъ, а остаться вдовой до конца жизни.

§ 3. При посѣщеніи общественныхъ бань, соблюдаются слѣдующія приличія: а) Какой бы тазъ и полотенце ни подали банщикъ посѣтителю, неприлично отказываться, надо пользоваться услугами того массажиста (хадимъ), который подойдетъ первый, а не отказываться и не выбирать между ними; входя въ баню, слѣдуетъ ступить въ нее лѣвой ногой, а выходя изъ бани ставить на землю сперва правую ногу, потому что баня то же, что комната для омовеній (тааратъ-хана). б) Части тѣла отъ талии до коленъ (авратъ) надо стараться открывать только въ мѣрѣ необходимости и тотчасъ же закрывать, не смотря на то, есть ли въ банѣ еще посѣтителі, или нѣтъ; неприлично смотрѣть на открытые

авраты другихъ, или заставлять безбородыхъ юношей мыть себя, или дѣлать массажъ. в) Не слѣдуетъ расходовать понапрасну слишкомъ много воды и надо стараться поливать голову осторожно, чтобы вода не попадала на близъ сидящихъ людей. г) Подходя за водой къ цистернѣ (ахуръ), не надо толкаться и мѣшать другимъ, торопиться взять воды для омовенія дозвоительно лишь въ томъ случаѣ, если наступитъ время молитвы. д) Не слѣдуетъ стараться взять сразу какъ можно больше воды, лучше наполнить тазъ до половины. е) При выходѣ изъ парилки, слѣдуетъ принять ту простыню и полотенце, которые подадутъ, а не выбирать и не выказывать безразличности къ прежде пользовавшимся этими вещами, считая себя чистымъ, а всѣхъ остальныхъ людей грязными; напротивъ, надо считать всѣхъ людей чистыми. ж) Необходимо, выходя изъ бани, заплатить слѣдующее банщику, массажисту, путадору (подающему полотенце) и цирюльнику, чтобы не огорчить ихъ. з) Выйдя изъ бани и встрѣтившись въ пріемной съ знакомыми, умѣстно привѣтствовать ихъ такъ: „Богъ очистилъ васъ омовеніемъ въ банѣ“, или другими подходящими словами.

ГЛАВА V.

Приличія, соблюдаемая при посѣщеніи больныхъ, а также когда посѣщаютъ семью, гдѣ кто-нибудь умеръ.

§ 1. При посѣщеніи больныхъ соблюдается слѣдующее: а) Каждый обязанъ навѣстить своего знакомаго, если онъ боленъ. Будь то болѣзнь глазъ, зубная боль, нарывъ, или другая болѣзнь, необходимо навѣстить больного, чтобы справиться о его здоровьи. При этомъ надо спрашивать не объ одной только какой-нибудь болѣзни, а объ общемъ состояніи больного. б) Если заболѣлъ кто-либо изъ невѣрныхъ, то надо и его навѣстить, но при этомъ важно въ душѣ руководствоваться желаніемъ обратить невѣрнаго послѣ выздоровленія къ вѣрѣ ислама, а не посѣщать больного съ намѣреніемъ послѣ выздоровленія снискать расположеніе невѣрнаго и войти съ нимъ въ дружбу, — это грѣшно. Во все время по-

сѣщенія надо читать молитву, чтобы Богъ обратилъ больного невѣрнаго на истинный путь. *в)* Войдя къ больному, слѣдуетъ придать своему лицу выраженіе привѣтливости и расположенія. Не слѣдуетъ для визита къ больному одѣвать ни новаго платья, ни очень стараго. — Войдя въ комнату больного съ улыбкой на устахъ, надлежитъ сѣсть подлѣ больного у изголовья, не смотрѣть долго и пристально въ лицо больному, а, положивъ руку на лобъ или руку больного, спросить его, какъ онъ чувствуетъ себя днемъ и ночью. Каждый день навѣщать больного не слѣдуетъ, надо послѣ каждого визита выждать два дня и тогда вновь навѣстить больного. *г)* Больного слѣдуетъ утѣшать, что болѣзнь послана ему Богомъ для искупленія грѣховъ, какъ испытаніе. Потомъ надо спросить больного, не желаетъ ли онъ что-нибудь скушать, или выпить, и если онъ попроситъ чего-нибудь невреднаго, то постараться самому доставить ему, или приказать найти и доставить его роднымъ. Если, придя навѣстить больного, гость знаетъ какое-нибудь лекарство отъ болѣзни, то умѣстно посоветовать больному, если это лекарство не заключаетъ въ себѣ вещей поганныхъ, какъ вино, лягушка и т. п. *д)* У больного не слѣдуетъ засиживаться долго, развѣ, если онъ самъ попроситъ гостя посидѣть съ нимъ подольше; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ исполнить желаніе больного, но, оставшись, надо стараться развлечь больного веселыми, пріятными для него рѣчами. За общее же правило можно принять, что визитъ къ больному долженъ продолжаться не болѣе промежутка времени, достаточнаго для доенія четвероногаго животнаго (халбъ). *е)* Уходя отъ больного послѣ посѣщенія его, слѣдуетъ сложить руки краями ладоней для молитвы, прочесть молитву: „Великій Боже, помоги ему, пошли ему выздоровленіе“, затѣмъ слѣдуетъ попросить больного помолиться за уходящаго, такъ какъ молитвы больного столь же спасительны, какъ и молитвы ангеловъ. По персидски больного зовутъ „би-моръ“ *بی‌مور*, что въ буквальномъ переводѣ означаетъ „безъ змѣи“; это потому, что здоровый человѣкъ гораздо легче забываетъ Бога и тогда каждое его дыханіе такъ же вредно, какъ укушеніе змѣи; больной же человѣкъ естественно непрестанно помнить о Богѣ и потому его ды-

ханіе не вредно. Потому-то и надо просить больного помолиться о приходящемъ къ нему. *ж)* Если больной будетъ близокъ къ смерти, то слѣдуетъ такъ громко произнести, чтобы больной услышалъ, исповѣданіе вѣры (калима-и-шаадатъ) „Ля иллага, иль Аллагу, Мухаммадуръ-расуль-улла“ и если больной услышитъ только первые слова символа: „вѣтъ Бога, кромѣ Аллаха“, то и того довольно для спасенія его души. Умирающему слѣдуетъ напомнить о предстоящемъ страшномъ судѣ, посоветовать покаяться въ грѣхахъ и сдѣлать завѣщаніе: все это составляетъ суннать для посѣтителя.

§ 2. *Приличія, которыя надлежитъ наблюдать самому больному* *а)* Если больной стонетъ, онъ долженъ стараться не допустить свои помыслы до ропота на Бога, или выражать стономъ отчаяніе. Голову при этомъ слѣдуетъ повязать платкомъ, отъ этого боль утихаетъ*). Когда Богъ посылаетъ испытаніе, надо сносить его терпѣливо и со смиреніемъ, а не тиготиться и не выражать неудовольствія. Когда болитъ голова, больной долженъ и стонъ относить къ этой боли, произнося: о! голова! Это сунать. *б)* Во время продолжительной, хронической болѣзни, надлежитъ славословить и благодарить Бога, а не просить себѣ у Бога кончины; если же истощится всякое терпѣніе, и человѣкъ, по волѣ Божіей, принужденъ будетъ просить себѣ смерти, то надо выразить эту просьбу такъ: „Боже, сохрани меня въ живыхъ, если для меня это будетъ хорошо и пошли мнѣ кончину, если умереть будетъ для меня лучше, чѣмъ жить“. Просить Бога, чтобы онъ послалъ человѣку счастье умереть „шахидомъ“ (моментально убитые оружіемъ, погибшіе на священной войнѣ съ невѣрными, послѣ смерти, становятся шахидами, т. е. удостоиваются райскаго блаженства) дозвоительно; точно также можно просить у Бога, чтобы онъ послалъ человѣку смерть во время паломничества въ Мекку и Медину: „О Боже, сдѣлай меня шахидомъ на Твоемъ пути, пошли мнѣ смерть въ тѣхъ областяхъ, гдѣ жилъ пророкъ“.

*) Самые стоны рекомендуется унодоблять различнымъ именамъ Божиимъ.

а) Больному слѣдуетъ каяться въ грѣхахъ и проникнуться надеждой, что Богъ будетъ къ нему милостивъ и проститъ ему всѣ его прегрѣшенія. Далѣе слѣдуетъ уплатить всѣ свои долги, примириться со всѣми знакомыми, испросивъ у нихъ прощенія за причиненныя имъ обиды и непріятности и просить у Бога снисхожденія въ послѣдній день. з) Необходимо передъ смертью сдѣлать завѣщаніе о похоронахъ, чтобы похоронили въ хорошемъ мѣстѣ, побольше уплатили омывальщику, могильщику и пр. и чтобы молились объ умершемъ; это хорошо и необходимо. д) Послѣднія минуты слѣдуетъ посвятить чтенію корана и читать какъ можно больше; если у самого больного нѣтъ силъ исполнить эту обязанность, необходимо заставить другого читать вслухъ, а больной долженъ думать о предстоящемъ страшномъ судѣ и судить о концѣ міра правильно. слѣдуетъ завѣщать женѣ, дѣтямъ и родственникамъ, чтобы они не предавались отчаянію по поводу повешенной ими утраты въ лицѣ умирающаго, а славли бы Бога. е) При приближеніи смертнаго часа, надо просить у Бога милости и помощи, произнося: „О Боже, помоги мнѣ! Въ послѣдній часъ мой, о Боже, окажи мнѣ снисхожденіе, будь ко мнѣ милостивъ, соедини меня съ удостоившимися достиженія высокихъ степеней“. ж) Въ моментъ смерти, умирающій долженъ произносить исповѣданіе вѣры ислама и стараться, чтобы на устахъ его замерли слова: „нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммадъ Его пророкъ“.

§ 3. *Приличія, соблюдаемыя семьей умершаго.* а) Если кто-либо услышитъ о смерти брата-мусульманина, ему слѣдуетъ произнести стихъ корана: тѣ, которыхъ постигнетъ какое-либо бѣдствіе, говорятъ: „мы во власти Бога, и къ Нему мы возвратимся!“ (2, 151); если-же услышитъ о смерти врага вѣры (иновѣрца), то слѣдуетъ произнести: „слава Богу за то, что онъ послалъ помощь мусульманамъ и возвеличилъ вѣру“. б) Потомъ слѣдуетъ исполнить тазіа, т. е. до погребенія и послѣ погребенія, а по имаму Мухаммаду не долѣе трехъ дней послѣ смерти, посѣщаютъ семью умершаго и, обращаясь къ роднымъ покойнаго, говорятъ: „пусть тебѣ Богъ пошлетъ милость, пусть отплатитъ тебѣ за утрату и будетъ милостивъ къ покойному“

в) Сопровождающимъ „табутъ“*) слѣдуетъ двигаться молча, но въ душѣ произносить имя Божіе — это хорошо. Женщины не должны провожать покойника дальше дверей дома, это предосудительно. з) Послѣ того какъ тѣло умершаго будетъ предано землѣ, одинъ изъ сопровождавшихъ покойнаго долженъ стать у изголовья могилы и произнести: „О, такой-то (имя умершаго), сынъ такого-то (имя его отца)! произнеси исповѣданіе вѣры, съ которымъ ты ушелъ изъ міра; скажи: нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, Богъ одинъ, у него нѣтъ сотоварищей, Мухаммадъ—твореніе Божіе, Его посланникъ, пророкъ; не сомнѣвайся, что придетъ страшный судъ и Богъ оживитъ людей, лежащихъ въ могилахъ. Скажи и благодаренъ Богу, благодаренъ за вѣру ислама, къ которой я принадлежу; Мухаммадъ пророкъ; я благодаренъ ему за то, что мусульмане сдѣлались мнѣ братьями. Обо мнѣ заботящійся Богъ, нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, Мухаммадъ Его пророкъ“. Все это долженъ произнести человѣкъ взрослый, для котораго всѣ религіозныя обязанности стали уже обязательными. д) Находящіеся въ домѣ умирающаго, услышавъ о его смерти, должны произнести: „Тѣ, которыхъ постигнетъ какое либо бѣдствіе говорятъ: „мы во власти Бога и къ Нему мы возвратимся!“ (2, 151) и: „О Боже, за понесенную нами утрату, пошли намъ милость и награду“. Послѣ этого всѣ домашніе должны терпѣливо сносить горе. е) Во время плача по покойномъ, проливая слезы, не надо причитать громко, это предосудительно; въ преданіяхъ „хадисъ“ говорится, что умершій терпитъ муки, если оплакивающие его причитаютъ громко. Имамъ Шафій говоритъ, что хотя плачь по покойникѣ вслухъ и не составляетъ большого грѣха, но лучше громко не плакать. ж) По окончаніи похоронъ, каждому рекомендуется обратиться къ своимъ занятіямъ, сидѣть же вмѣстѣ нехорошо. Имамъ Муджадидинъ изъ Фирухъ-бада, въ книгѣ Сиратуль-Мустахимъ, говоритъ, что послѣ похоронъ сидѣть вмѣстѣ и читать коранъ на могилѣ, или въ другомъ

*) Табутъ — гробъ, открытый продолговатый ящикъ, въ которомъ относятъ умершаго на кладбище, но не кладутъ въ могилу; такой ящикъ нѣется при каждомъ мусульманскомъ кладбищѣ и служитъ для всѣхъ умершихъ.

мѣстѣ — нехорошо, носить же приготовленную пищу въ домъ умершаго его роднымъ — похвально; также предосудительно строить возвышенія на могилѣ изъ жженого кирпича и камня, въ видѣ конуса, или другой формы, а также зажигать на могилѣ свѣчи.

§ 4 *Приличія, соблюдаемыя при посѣщеніи могилъ* (зіаратъ). а) Частое посѣщеніе могилъ, съ цѣлью поклоненія, крайне похвально для мужчинъ. Могилы родителей посѣщать слѣдуетъ потому, что могилу того, кто посѣщалъ могилы своихъ родителей, будутъ посѣщать ангелы. Женщинамъ также не воспрещается посѣщать могилы съ цѣлью поклоненія и молитвъ за умершихъ. б) При поклоненіи и чтеніи молитвъ на могилѣ должно исполнять слѣдующее: сѣвъ съ боку могилы мусульманина, надо помолиться Богу о прощеніи грѣховъ умершаго такъ: „Миръ вамъ, о лежащіе въ могилахъ. Боже, прости грѣхи и помилуй насъ и лежащихъ въ могилахъ“; если же въ могилѣ покоится прахъ „шахида“, то надо произнести: „миръ вамъ, о претерпѣвшіе, да будетъ вамъ хорошо въ день страшнаго суда“. в) Всѣмъ лежащимъ на кладбищѣ надо сдѣлать „фаизъ“, это значитъ послѣ просьбы о прощеніи грѣховъ прочесть одинъ разъ 1-ю главу корана и начало священной книги, одинъ разъ „аятъ-аль-курси“ (см. выше), двѣнадцать разъ главу „Чистое исповѣданіе“ (112-ю) и двѣнадцать разъ славословіе пророку (салаватъ). Все спасительное значеніе этихъ молитвъ (савабъ) слѣдуетъ просить Бога поставить въ заслугу покойнымъ на кладбищѣ усопшимъ. Если человѣкъ пожелаетъ посѣтить для поклоненія могилу святого, слѣдуетъ, испросить у покойнаго помощи, сосредоточить свои мысли на воспоминаніи и поклоненіи покойному до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе такого сосредоточенія, лежащій въ могилѣ не проявитъ своего вліянія на духъ посѣтителя, не воздѣйствуетъ на него особеннымъ образомъ. Есть люди, такъ называемые „кошни-вубуръ“ — открывающіе могилы, могущіе по ихъ словамъ, знать, въ какомъ состояніи находится въ данное время умершій, но Хазретъ Багаутдинъ Накшбанди не одобряетъ дѣйствій этихъ людей и не считаетъ ихъ знанія высокою степенью совершенства, а рекомендуетъ всѣмъ

приходящимъ поклониться могилѣ святого — просить у него помощи и читать всѣ молитвы, какъ выше указано, а не стараться угадать, въ какомъ состояніи лежитъ въ могилѣ покойный. г) Слѣдуетъ оказывать уваженіе могиламъ умершихъ мусульманъ; это выражается тѣмъ, что на кладбище не вѣзжаютъ верхомъ, на могилу не ступаютъ ногами; если же встрѣтится необходимость ступить ногой на могилу, то необходимо снять калоши и нести ихъ въ рукѣ. Не слѣдуетъ садиться на могилу, ни опираться на могилу лежа, и спиной ложиться на могилу. Впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ законовѣдовъ, сидѣть на могилѣ и опираться на нее, лежа, дозвоительно; но нельзя испражняться на могилѣ, потому что объ этомъ говорится въ одномъ изъ преданій*). д) Женщины должны лишь изрѣдка выходить изъ своихъ домовъ для посѣщенія могилъ и дѣлать это непременно съ разрѣшенія своихъ мужей. е) На кладбищѣ не слѣдуетъ молиться, обратившись лицомъ къ могилѣ, это грѣшно; но читать на могилѣ похоронныя молитвы, „джаназа“ — можно, и если кто былъ погребенъ безъ прочтенія надъ нимъ до погребенія похоронныхъ молитвъ, то, по мнѣнію имама Шафинъ, дозвоительно прочесть джаназа и надъ могилой, послѣ погребенія. ж) Не слѣдуетъ постоянно пребывать на могилѣ своихъ родныхъ, или родителей, сдѣлавъ тамъ себѣ временное жилище, это грѣшно.

ГЛАВА VI.

О приличіяхъ, соблюдаемыхъ во время угощенія, при подѣ и питіи.

§ 1. *Правила гостепріимства* обязываютъ: а) не приглашать къ себѣ исключительно богатыхъ людей, а непременно приглашать вмѣстѣ и бѣдныхъ, потому что пророкъ сказалъ, что плоха та пища, которую подаютъ, пригласивши

*) Это разногласіе происходитъ изъ того, что въ турецкомъ языкѣ глаголъ, выражающій понятіе «садиться», въ переносномъ смыслѣ употребляется для выраженія понятія испражняться; отсюда одни понимаютъ буквально, другіе толкуютъ простирающе.

исключительно богатыхъ людей и не позвавши людей нуждающихся. Если кто-либо приглашаетъ къ себѣ отца, необходимо пригласить также и сына, а если въ домѣ приглашеннаго во время передачи приглашенія будутъ присутствовать близкіе родственники, то необходимо позвать и ихъ; обойти ихъ приглашеніемъ было бы жестоко. б) Гостей слѣдуетъ принимать какъ можно радушнѣе, угощать какъ можно лучше и оказывать имъ возможно большее уваженіе и почтеніе. Предупредительность и исключительная заботливость по отношенію къ приглашеннымъ въ гости обязательны до истеченія трехъ дней; начиная же съ 4-го дня можно уже нѣсколько меньше заботиться о гостяхъ. в) Не слѣдуетъ, въ ожиданіи гостей, покрывать стѣны своего дома матеріями и коврами, это грѣшно; но разстилать изукрашенные рисунками матеріи и ковры на полъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сядутъ гости—можно, не надо только стлать шелковыя матеріи и шкуры хищныхъ животныхъ. Въ преданіи говорится, что пророкъ не садился на шкуры хищныхъ животныхъ. г) По приходѣ гостя, кушанья необходимо подавать какъ можно скорѣе, не заставляя гостя долго ждать; не слѣдуетъ подавать лишнее кушанье и хлѣбъ противъ того, что гость въ состояніи скушать. На столъ слѣдуетъ подавать *нечетное* число лепешекъ (хлѣбовъ) и при томъ столько, сколько нужно гостю, чтобы не было лишняго, непроизводительнаго расхода, и если разломанъ одинъ хлѣбъ, не надо ломать другого, пока не съѣденъ первый; это будетъ непроизводительная трата (исрафъ). д) Послѣ подачи кушанья, слѣдуетъ пригласить гостя начать кушать и приличіе требуетъ, чтобы хозяинъ первый протянулъ руку за пищей; вытирать же руки послѣдъ хозяину надлежитъ послѣ гостя. Впрочемъ, это соблюдается только по отношенію къ малознакомымъ; если же гость—близкій знакомый, или другъ, то, пригласивъ его начать кушать, не слѣдуетъ первому протягивать руку къ пищѣ.—Будетъ весьма спасительно (савабъ) и похвально, если вмѣсто приглашенія начать кушать тѣлодвиженіемъ, хозяинъ скажетъ, обращаясь къ гостю: „во имя Бога милостиваго, милосердаго“, или: „прошу васъ откушать“; но если говорить „во имя Бога“, то при этомъ необходимо въ душѣ имѣть

намѣреніе напомнить гостю, что передъ вкушеніемъ пищи слѣдуетъ произнести имя Божіе, а не просто замѣнять этими словами приглашеніе начать кушать, не имѣя въ виду вышеуказаннаго намѣренія. е) Не слѣдуетъ назойливо упрашивать гостя кушать; достаточно просьбу свою повторить три раза. ж) Въ ѣдѣ слѣдуетъ сообразоваться съ гостемъ: если онъ ѣстъ—и хозяинъ долженъ составить ему компанію; гость кончилъ кушать—и хозяину тоже надо перестать ѣсть. Во время угощенія надлежитъ оставить даже и постъ по желанію (руза-и-нафль), если хозяинъ передъ этимъ постился. з) Самыя сладкія и изысканныя кушанья слѣдуетъ предлагать гостю; а самъ хозяинъ долженъ ѣсть то, что похуже; если же кушанья приготовлено мало, а видно что гость обладаетъ хорошимъ аппетитомъ, то хозяину надлежитъ ѣсть какъ можно меньше, чтобы оставить гостю большую часть. По окончаніи угощенія, если гость пожелаетъ удалиться, слѣдуетъ отпустить его и, послѣдовавъ за нимъ, проводить его до выхода, точно такъ же, какъ встрѣчаютъ гостя у входа въ домъ. Когда гость уходитъ, слѣдуетъ выразить ему признательность за посѣщеніе, произнеся: „вы сдѣлали намъ честь своимъ посѣщеніемъ, да оплатитъ вамъ Богъ за это своею милостію“. и) Не слѣдуетъ допускать особенной роскоши угощенія, чтобы похвастаться своимъ гостеприимствомъ, или затмить другихъ.

§ 2. *Приличія, обязательныя для гостя по отношенію къ хозяину.* а) Когда приглашаютъ въ гости, слѣдуетъ принять приглашеніе даже и въ томъ случаѣ, если приглашающій, по своимъ средствамъ, въ состояніи купить для угощенія только одну баранью лямку; будь-то человекъ значительный, или бѣднякъ—принять приглашеніе необходимо. б) Не слѣдуетъ отказываться отъ приглашенія даже и въ томъ случаѣ, если человекъ постится*). Нѣкоторые ученые считаютъ, что необходимо непременно идти по приглашенію на свадебный пиръ; другіе же говорятъ, что, послѣдовавши приглашенію, человекъ сдѣлаетъ похвальное дѣло (савабъ),

*) Само собою разумѣется, что во время «руза-и-фарзъ» и приглашаютъ гостей только на «ифтаръ», разговорные вечера, а постъ по желанію, «руза-и-нафль», можетъ быть прерванъ.

но если и не приметъ приглашенія, то въ этомъ нѣтъ грѣха. *г)* Неприлично приходитъ къ кому-либо на угощеніе безъ приглашенія; если же приглашеніе послѣдовало одновременно отъ двухъ лицъ, то надлежитъ сначала посѣтить ближняго сосѣда, а если оба пригласившіе одинаково близкіе сосѣди, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе тому, съ кѣмъ ближе знакомъ, или друженъ. Не слѣдуетъ безъ разрѣшенія хозяина приводить съ собой къ нему въ домъ лицъ неприглашенныхъ, это грѣшно; если же кто-либо изъ неприглашенныхъ по собственной инициативѣ послѣдуетъ за приглашеннымъ, то, придя ко входу дома, приглашенный долженъ сказать хозяину: „этотъ человекъ пришелъ самъ; если позволите, пусть войдетъ, а если вамъ не угодно, пусть удалится“. *д)* Огпавляясь по приглашенію въ гости, слѣдуетъ дома настолько утолить свой голодъ, чтобы въ собраніи не выдѣляться изъ общей среды гостей торопливостью въ ѣдѣ. *е)* Придя въ собраніе, необходимо занять то мѣсто между гостями, какое будетъ указано хозяиномъ дома. Все, что будетъ предложено хозяиномъ, слѣдуетъ принять; неприлично смотрѣть по сторонамъ, осматривать находящіяся въ домѣ вещи, не слѣдуетъ также дѣлать хозяину указанія относительно приготовленія пищи и всего другаго, развѣ, если между гостемъ и хозяиномъ издавна существуютъ дружескія сношенія. *ж)* Гости не должны подавать другъ другу руками кушанье съ блюда (лукма); допускается подавать такимъ образомъ пищу прислуживающимъ за столомъ и повару, да и то лучше такъ не дѣлать; общее правило вѣжливости — не подавать пищу такъ ни бѣднымъ, ни собакѣ, ни кошкѣ. *з)* Не слѣдуетъ, безъ разрѣшенія хозяина, уносить домой пищу и припасы, оставшіеся отъ угощенія, потому что пища подается за тѣмъ, чтобы ее ѣли за столомъ, а не для того, чтобы уносили домой. Нѣкоторые великіе учителя тариката, да будетъ милостивъ Богъ къ ихъ душамъ, говорятъ, что если хозяинъ принадлежитъ къ числу суфи (монаховъ, дервишей) и гость его бѣднякъ, то послѣднему позволительно унести остатки угощенія и безъ позволенія хозяина. *и)* Когда хозяинъ, по окончаніи угощенія, свернетъ разостланную скатерть, гостю надлежитъ помолиться за хозяина такъ: „О Боже! пошли изобиліе хозяину дома,

предложившему угощеніе и увеличь его достояніе своею милостію къ нему“. *і)* По окончаніи угощенія, гость долженъ спросить у хозяина позволенія удалиться и послѣ этого не вести продолжительной бесѣды, потому что въ преданіи приведены слова пророка: „послѣ принятія пищи расходитесь скорѣй“. Впрочемъ, не слѣдуетъ уходить безъ разрѣшенія хозяина дома.

§ 3 *Правила, соблюдаемыя при пѣн и питъ.*

а) Слѣдуетъ вкушать пищу умѣренно, не слѣдуетъ ѣсть пока хорошенько не проголодался, не надо ѣсть много, до пресыщенія, напротивъ, лучше поѣсть не досыта. *б)* Надлежитъ остерегаться предлагаемыхъ въ пищу вещей сомнительной чистоты (шубха); а если голодъ заставитъ ѣсть такіа вещи, то надо стараться все-таки съѣсть какъ можно меньше и въ душѣ необходимо сознавать стыдъ и раскаяніе. Такъ слѣдуетъ поступать, напимѣръ, въ томъ случаѣ, если нѣтъ основанія считать пищу поганой, но она предлагается человекомъ жестокимъ, или не соблюдающимъ правила шаріата. *в)* Для себя не слѣдуетъ готовить какую-нибудь особенную пищу, а довольствоваться тѣмъ, что готовится для всѣхъ, не исключая и слугъ, не претендуя, если то будетъ кушанье, какое ѣдятъ бѣдняки. *г)* Если же безъ требованія хозяина приготовятъ и принесутъ ему вкусное кушанье, то не слѣдуетъ отказываться. Не слѣдуетъ ѣсть мясное постоянно, безъ перерывовъ, но не слѣдуетъ оставаться и совсѣмъ безъ мяса 40 дней подрядъ. Пророкъ, не смотря на то, что корова принадлежитъ къ числу четвероногихъ животныхъ, мясо которыхъ дозволено въ пищу, не вкушалъ мяса, легкаго, почекъ, кишекъ и желудка коровы, которыя съѣла передъ тѣмъ человѣческія испраженія. *д)* Есть нѣкоторые продукты, которые не слѣдуетъ ѣсть, или пить одинъ за другимъ, потому что это противорѣчитъ преданію и вредно отражается на здоровьи человека: послѣ рыбы не слѣдуетъ ѣсть молока и наоборотъ; вареное мясо не надо мѣшать съ жаренымъ, сушеное или вяленое — со свѣжимъ. Не надо ѣсть одинъ за другимъ два горячительныхъ возбуждающихъ кушанья, равно какъ и два прохладительныхъ, холодящихъ, два мягкія и нѣжныя кушанья, два твердыя и грубыя,

два продукта, дѣйствующіе на желудокъ крѣпительно и два, дѣйствующіе послабляюще, или одно кушанье крѣпительное и одно послабляющее; не надо ѣсть продукты испорченные, издающіе дурной запахъ, сырой лукъ и чеснокъ, потому что пророкъ не ѣлъ этихъ овощей. *е)* Слѣдуетъ принимать пищу раньше намаза, такъ чтобы ко времени намаза окончить ѣду, и только въ томъ случаѣ, если человѣкъ проголодался и пища готова. Если же пища, пока человѣкъ молится, можетъ быть сѣдена, или можетъ сѣлаться нечистой, то можно ѣсть, хотя бы и пришло время намаза. *ж)* Ёсть надо, непременно сядя въ одномъ изъ трехъ слѣдующихъ положеній: сѣсть, согнувъ колѣни, опираясь ладонями на икры, но не опуская живота на колѣни, такъ какъ это напоминало бы человѣка, лежащаго внизъ лицомъ, или сѣсть на лѣвую, согнутую подъ себя ногу и, поднявъ согнутое правое колѣно, или же опуститься на сѣдалище, поднявъ вертикально оба согнутыхъ колѣна. Во время ѣды необходимо также снимать калоши и сапоги (это не касается ичигъ), подбирать подъ себя полы верхняго платья и засучивать рукава халата. *з)* Поданное кушанье слѣдуетъ расположить на „суфра“ (кожанной скатерти), или на скатерти, а не на столѣ съ длинными высокими ножками; если же столъ низкій, то на немъ подавать пищу можно. Вообще ѣсть пищу за столомъ—это въ обычаѣ у царей; ѣсть пищу на разостланной скатерти—въ обычаѣ у всѣхъ восточныхъ народовъ, кромѣ арабовъ, которые для этого употребляютъ выдѣланную кожу, „суфра“. *и)* Посуда для кушанья должна быть деревянная, или глиняная—это суннать; ѣсть изъ серебряной или золотой посуды грѣшно, а изъ желѣзной, мѣдной, или оловянной также не дозволено. *і)* Сотрапезники должны выждать, когда старшій изъ присутствующихъ протянетъ руку къ пицѣ, и тогда уже приниматься за ѣду; для старшаго же равнымъ образомъ обязательно поскорѣй приступать къ пицѣ, чтобы не заставлять ждать остальныхъ. *к)* Раньше, чѣмъ приняться за ѣду, необходимо произнести: „во имя Бога, милостиваго, милосердаго“, а еще лучше, передъ упоминаніемъ имени Божія, произнести славословіе пророку: „О Боже! окажи милость Мухаммаду, да будетъ милость Твоя на немъ и его послѣдователяхъ. О Боже!

Очисти посылаемую намъ пищу, водвори въ нашемъ собраніи полное согласіе къ общей радости“, а затѣмъ уже призвать имя Божіе. По мнѣнію ученыхъ законовѣдовъ, тщательно изучившихъ этотъ вопросъ, произнесеніе имени Божія про себя обязательно для каждаго изъ присутствующихъ при ѣдѣ; произнести же имя Божіе громко, во всеуслышаніе, спасительно, такъ какъ такое дѣйствіе имѣетъ цѣлью напомнить всѣмъ сотрапезникамъ о необходимости призвать благословеніе Божіе на предложенную имъ пищу. Приступая къ ѣдѣ, надлежитъ предварительно сѣсть немного соли, также и по окончаніи ѣды надо закусить солью; вкушая соль, надо сказать опять: „во имя Бога, милость Божія пророку Божіему“. Если кто-нибудь передъ началомъ трапезы забудетъ произнести: „во имя Бога“ и вспомнить объ этомъ только во время ѣды, то ему слѣдуетъ произнести: „во имя Бога и начало и конецъ ѣды“. *л)* Къ ѣдѣ слѣдуетъ относиться со вниманіемъ, а не быть разсѣяннымъ; по мнѣнію ученыхъ, каждый кусокъ положенный въ ротъ слѣдуетъ сопровождать произнесеніемъ эпитета Божія: „о присносущный, о присносущный“. *м)* Ёду и питье слѣдуетъ брать правой рукой; ѣсть надо четырьмя пальцами кромѣ мизинца, это суннать; но если иногда присоединить и мизинецъ, то въ томъ нѣтъ грѣха; не надо только ѣсть пищу двумя пальцами. *н)* Пищу съ блюда слѣдуетъ брать прямо передъ собой, фрукты же можно брать и съ другихъ сторонъ блюда. *о)* Къ хлѣбу и крошкамъ надлежитъ относиться со вниманіемъ; хлѣбъ ломать непременно обѣими руками, жиръ съ рукъ не обтирать о хлѣбъ, а выпавшіе изо рта крошки или зерна слѣдуетъ тотчасъ же сѣсть, это приноситъ много счастья. Разбросать же крошки значило бы обнаружить свою гордость и самонадѣянность. *п)* Принимая пищу, не слѣдуетъ торопиться, такъ какъ это вредитъ пищеваренію и влечетъ за собою слѣпоту. *р)* Куски надо выбирать средніе: ни малые, ни большіе, а положивъ кусокъ въ ротъ, стараться возможно лучше разжевать пищу и, не торопясь, глотать. Если пища будетъ слишкомъ горяча, не слѣдуетъ дуть на нее, а выждать, пока она остынетъ. Ротъ открывать слѣдуетъ лишь настолько, чтобы возможно было помѣстить взятый кусокъ; взятую въ ротъ пищу слѣ-

дуетъ пережевывать зубами, находящимися съ правой стороны и только въ томъ случаѣ, если эти зубы болятъ, или какая-нибудь другая причина исключаетъ возможность исполненія этого правила—можно жевать пищу зубами, расположенными съ лѣвой стороны. Пока взятый въ ротъ кусокъ не будетъ проглоченъ, не слѣдуетъ протягивать руку за другимъ кускомъ, а откусивъ отъ куска, не слѣдуетъ класть оставшуюся часть вновь на блюдо или отряхивать приставшую къ рукѣ пищу въ общую посуду, изъ которой ѣдятъ всѣ. — Неприлично жирные куски, или мясо погружать въ уксусъ, или что-либо подобное, слѣдуетъ погружать въ уксусъ что-нибудь, не содержащее въ себѣ жира, напр. хлѣбъ, и уже на этотъ кусокъ положить жирное мясо, прежде чѣмъ съѣсть его. Не слѣдуетъ выколачивать изъ костей содержащейся въ нихъ жиръ объ изнанку, или верхнюю часть хлѣба, о край блюда или о скатерть. *с)* Во время ѣды не слѣдуетъ дремать; это грѣшно, потому что такъ дѣлаютъ всѣ лизичники и четвероногія животныя. Не слѣдуетъ за столомъ возвышать голосъ, говорить неприятности присутствующимъ, или критиковать предложенное угощеніе. *т)* По возможности, не слѣдуетъ ѣсть одному, потому что чѣмъ больше протягивается рукъ къ пищѣ, тѣмъ болѣе Богъ посылаетъ изобилія въ пищу. *у)* До самаго конца собранія слѣдуетъ стараться поддержать согласіе и миръ среди собесѣдниковъ и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не свернуть скатерть, на которой ѣли, развѣ къ тому будутъ уважительныя причины. *ф)* Если случится ѣсть за однимъ столомъ, изъ одной посуды съ одержимыми проказой, песью или чесоткой, то не слѣдуетъ обнаруживать мнительности и брезгливости, а вполнѣ положиться на Бога, произнося: „во имя Бога, на котораго полагаюсь“. Если-же человекъ не сознаетъ въ себѣ увѣренности въ томъ, что если онъ положится на Бога, то ему уже ничто не можетъ повредить, въ такомъ случаѣ ему дозвоительно избѣгать необходимости ѣсть изъ одной посуды съ такими больными. *х)* Лучшую часть пищи слѣдуетъ предоставить сотрапезникамъ, кушающимъ изъ одной чашки, а не протягивать самому руку за лучшими кусками—это крайне похвально. *ц)* Если мясо уварено до мягкости,

его надо дѣлать руками, а не рѣзать ножомъ. *ч)* Если въ составъ угощенія входитъ что-либо, состоящее изъ отдѣльных предметовъ, то слѣдуетъ стараться непременно съѣсть нечетное число такихъ отдѣльныхъ частицъ, напр. финики, винныя ягоды, пирожки, пельмени. Всего этого надо ѣсть 1, 3, 5 и т. п. нечетное число штукъ, потому что „Богъ самъ одинъ и потому Ему угоденъ нечетъ“. Также, когда подаютъ жидкое кушанье, которое приходится ѣсть ложками, надо съѣсть нечетное число ложекъ—это похвально. Если двое ѣдятъ изъ одной чашки одной ложкой, то слѣдуетъ передавать ложку товарищу не иначе, какъ послѣ нечетнаго числа погруженій ложки въ чашку. Если человекъ ѣстъ одинъ, то слѣдуетъ прекращать ѣду тоже непременно послѣ нечетнаго числа ложекъ. Не слѣдуетъ набирать слишкомъ полную ложку, это увлеченіе пищей; но не слѣдуетъ брать полъ-ложки и черезчуръ мало, такъ какъ это будетъ показывать гордость; надо наполнять ложку до половины. Слѣдуетъ стараться, чтобы съ ложки не капало на скатерть или одежду; останшееся въ ложкѣ не класть назадъ въ чашку, не приближать, подобно четвероногимъ, свой ротъ къ чашкѣ, не открывать слишкомъ широко ротъ, ложку въ ротъ не вставлять и не издавать, хлебнувъ изъ ложки, неприятныхъ звуковъ, а когда кладешь ложку на край блюда, не слѣдуетъ стучать ею. Кладутъ ложку на блюдо внизъ наружной стороной, чтобы не капала оставшаяся въ ложкѣ пища. *ш)* По окончаніи ѣды, слѣдуетъ облизать пальцы и пальцами же собрать остатки кушанья съ блюда и не совершать омовенія, прежде чѣмъ пальцы будутъ облизаны, а также не вытирать руки объ кожу, или скатерть, на которой подавалась пища—это не хорошо. Пальцы слѣдуетъ облизывать, начиная съ среднего и переходя затѣмъ къ указательному и большому. *щ)* Если случится ѣсть фрукты покрытые кожицей, или содержащіе зерна, то, очистивъ плодъ, не слѣдуетъ класть кожу и зерна на то же блюдо, гдѣ лежатъ фрукты, а отбросить подальше. Если собраніе происходитъ въ тѣсномъ помѣщеніи и бросить остатки плода некуда, то надо завернуть ихъ въ платокъ и такимъ образомъ скрыть отъ глазъ сотрапезниковъ; если же платка не бу-

детъ, то взять въ лѣвую руку и, улучивъ минуту, отбросить влѣво, остерегаясь при этомъ, чтобы не попасть въ калоши, если таковыя тамъ будутъ поставлены. ю) Когда настанетъ время созрѣванія плодовъ, слѣдуетъ прочесть молитву объ изобиліи: „О Боже! пошли намъ изобиліе въ плодахъ и нашей вѣрѣ (умножь число вѣрующихъ) и продли нашу жизнь“. Послѣ этого слѣдуетъ позвать маленькаго ребенка и дать ему плодовъ (а по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, слѣдуетъ первый плодъ новаго урожая, попавшій въ руки, потереть о глаза и поцѣловать — это сунувать) и сказать: „О Боже! Тебѣ извѣстно все искони, покажи намъ конецъ“. л) Послѣ ѣды слѣдуетъ вычистить зубы, ковыряя между ними деревянной зубочисткой; при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что кусочки пищи, добытые изъ-за зубовъ языкомъ, можно съѣсть, это дозволено; кусочки же, вынутые изо рта при помощи зубочистки, надо выбросить, а ѣсть непристойно. Не слѣдуетъ очень глубоко ковырять въ зубахъ зубочисткой, чтобы не причинить вреда деснамъ. Когда слуга подаетъ гостямъ зубочистки, онъ долженъ помѣстить ихъ между среднимъ и безымяннымъ пальцемъ, остриями наружу; также и гость, берущій отъ слуги зубочистку, долженъ взять ее тѣми же пальцами правой руки и произнести молитву: „да будетъ Богъ милостивъ къ тебѣ“. з) Передъ ѣдой и послѣ ѣды необходимо вымыть руки. Во время омовенія рукъ, передъ ѣдой, слѣдуетъ стать на оба колѣна и помѣстить концы обѣихъ рукъ отъ локтя между колѣнами и вымыть кисти рукъ до запястья снаружи и снутри; послѣ омовенія не слѣдуетъ отряхивать руки, чтобы капли воды не попали на платье; также не слѣдуетъ вымытыми руками обтирать объ одежду; дозволяется, впрочемъ, въ случаѣ необходимости обтирать руки о халатъ подъ мышками. Во время омовенія рукъ послѣ стола, не слѣдуетъ выполаскивать ротъ, выплевывая воду въ подавную для омовенія рукъ посуду, чтобы не причинить непріятности прочимъ собесѣдникамъ. Вымывъ руки, слѣдуетъ обтереть ихъ о чистую тряпку и подавшему воду слугѣ сказать: „прости тебѣ Богъ твои прегрѣшенія“. Въ книгѣ „Шарать-уль-исламъ“ сказано, что слуга, подающій воду для омовенія передъ угощеніемъ, долженъ

предварительно подать умыться гостю, сидящему ниже всѣхъ по правой сторонѣ, а потомъ послѣдовательно обойти всѣхъ гостей, сидящихъ за столомъ, а послѣ ѣды слѣдуетъ подать воду сначала болѣе важнымъ гостямъ по выбору, а затѣмъ уже перейти на правую сторону стола. Послѣ омовенія рукъ всѣми присутствующими, надлежитъ вылить остающуюся въ умывальникѣ воду, и во время омовенія не слѣдуетъ выносить умывальникъ, развѣ если необходимо вновь наполнить его водой. Воду слуга долженъ подавать внимательно и осторожно, чтобы не залить коверъ, или платье сидящихъ за столомъ; каждому слѣдуетъ поливать на руки три раза: первый разъ немного воды, второй разъ больше, и третій разъ еще больше воды. ы) По окончаніи угощенія, слѣдуетъ произнести славословіе Богу: „слава Богу, который послалъ намъ эту пищу для насыщенія, у насъ нѣтъ силы, нѣтъ воли, все въ волѣ Божіей“, или „слава Богу, питающему насъ, показавшему намъ истинный путь, насытившему насъ и наставившему насъ на все доброе“, или: „слава Богу, насытившему насъ, утолившему нашу жажду и сдѣлавшему насъ мусульмавами“. Послѣ этого слѣдуетъ совершить молитву о предложившемъ угощеніе. Если въ собраніи будетъ присутствовать лицо высокопоставленное, то ему и слѣдуетъ прочитать молитву; всѣ же остальные присутствующіе произносятъ „аминъ“; если же въ собраніи не будетъ лица высокопоставленнаго, то молитву долженъ прочесть слуга, произнеся: „О Боже! будь милостивъ, прости грѣхи хозяина дома, предложившаго угощеніе, и грѣхи со- трапезниковъ, людей приготовившихъ и подававшихъ пищу, прости грѣхи всѣхъ правовѣрныхъ мужчинъ и женщинъ. Слава Богу, въ началѣ и по окончаніи угощенія“.

§ 4 *Приличія, соблюдаемыя при питьи воды.* а) Воду надо пить, если можно, сидя. б) Изъ этого правила есть исключенія; такъ, воду источника Земъ-Земъ и воду, оставшуюся отъ омовенія, принято пить стоя. в) Воду изъ чашки надо пить въ три приѣма, отдѣляя каждый разъ губы отъ края сосуда; въ первый приѣмъ слѣдуетъ выпить глотокъ, потомъ три, потомъ пять, пить же залпомъ — непристойно. г) На воду не слѣдуетъ дуть. д) Передъ каждымъ

приемомъ питья надо произнести: „во имя Бога милостиваго, милосерднаго“, а по окончаніи „слава Богу, Господу міровъ“. *е)* Передъ питьемъ надо хорошенько осмотрѣть воду, нѣтъ-ли тамъ чего-нибудь дурного, а во время питья наблюдать, чтобы капли воды не пролить на коверъ, или одежду, а если будетъ темно въ помѣщеніи, гдѣ пьютъ воду, то отверстіе сосуда надо закрыть тоненькой тряпочкой. Хазретъ Ибни-Аббасъ, да будетъ онъ угоденъ Богу, любилъ пить изъ стеклянной посуды на томъ основаніи, что прозрачность такого сосуда даетъ возможность разсмотрѣть въ немъ содержащееся. *ж)* Если руки желающаго напиться будутъ запачканы чѣмъ-нибудь жирнымъ, не слѣдуетъ хватать посуду, изъ которой пьютъ, или гдѣ сохраняютъ воду; въ случаѣ же крайней необходимости за ручку посуды слѣдуетъ браться безъимяннымъ и мезиннымъ пальцами, а если посуда будетъ безъ ручки, то необходимо предварительно вымыть руки, а потомъ уже пить воду. *з)* Не слѣдуетъ пить изъ горлышка посуды, въ которой содержится вода, или прилагать уста къ расколотому мѣсту посуды, потому что въ этихъ мѣстахъ осѣдаетъ изъ воды грязь. Не слѣдуетъ также пить прямо ртомъ изъ пруда, или арыка, это непристойно, потому что напоминаетъ способъ утоленія жажды четвероногихъ животныхъ, и можетъ случиться, что при этомъ въ ротъ проникнетъ что-нибудь вредное для здоровья человѣка. *и)* Шербетъ и холодную воду, хотя бы самому и хотѣлось пить, слѣдуетъ предложить сначала присутствующимъ; это имѣетъ одинаковое значеніе съ раздачей милостыни и весьма спасительно; впрочемъ, такой образъ дѣйствій обязателенъ только для того, кто наливаетъ воду, потому что въ хадисѣ сказано: „наливающийъ пьетъ послѣ всѣхъ“. *і)* Напившись воды, слѣдуетъ передать чашку, изъ которой пьетъ, своему правому сосѣду, даже и въ томъ случаѣ, если слѣва сидитъ лицо высокопоставленное, потому что въ хадисѣ сказано: „правый переходитъ къ правому“. *к)* О подающемъ воду слѣдуетъ помолиться, произнеся: „О Боже! пошли этому человѣку силу юности“, или какую-нибудь другую благодарственную молитву.

ГЛАВА VII.

Приличія, соблюдаемыя въ путешествіи и относящіяся къ этому.

§ 1. Учителя тариката, да будетъ къ нимъ милостивъ Богъ, по поводу намѣренія совершить путешествіе, или гдѣ-либо остановиться, говорятъ слѣдующее: если въ отечествѣ есть святой человѣкъ, которому возможно посвятить свои силы, съ полнымъ убѣжденіемъ въ пользу службы ему, то надо служить этому святому, не покидая отечества, потому что въ этомъ случаѣ путешествіе было бы непристойно; если же въ томъ городѣ, гдѣ живетъ данное лицо, не будетъ такого святого достойнаго человѣка, то слѣдуетъ отправиться въ путешествіе. Путешествія по своему значенію раздѣляются на: *обязательныя, спасительныя, или похвальныя и дозволенныя*. Къ числу путешествій обязательныхъ относятся: странствіе съ цѣлью войны противъ невѣрныхъ (джихадъ), паломничество въ Мекку (хаджъ), путешествіе съ цѣлью свиданія съ родными по ихъ приглашенію, для розыска воровъ и жестокихъ и съ научной цѣлью, если въ своемъ городѣ не находится подходящаго человѣка, у котораго можно было бы учиться. Нѣкоторые представители суфизма говорятъ, что если кто-либо изъ суфи, разбогатѣвъ, станетъ забывать про Бога, то ему слѣдуетъ, оставивъ все свое имущество въ своей странѣ, удалиться оттуда, и въ этомъ случаѣ путешествіе для суфи обязательно. Похвальныхъ путешествій очень много. Къ числу ихъ относятся между прочимъ: вторичное паломничество въ Мекку, паломничество въ Іерусалимъ (баятъ-уль-мухаддасъ), путешествіе въ Медину къ памятнику на могилѣ Мухаммада, путешествіе къ могиламъ другихъ пророковъ, пошли имъ, Боже, милость, путешествія къ могиламъ святыхъ, или на собранія и бесѣды къ шейхамъ тариката съ цѣлью научиться у нихъ святости и съ надеждой, что поученія шейха наставятъ ищущаго на истинный путь, — всѣ эти путешествія похвальны. Дозволенными считаются: путешествіе по торговымъ дѣламъ, съ намѣреніемъ приобрести для себя и семьи необходимыя для существованія

средства и избавиться отъ необходимости жить на счетъ благотворительности; если же отправляющимся въ путешествіе съ торговыми цѣлями руководить намѣреніе пріобрѣсти богатство, то такое путешествіе грѣшно и причинитъ огорченіе въ день страшнаго суда. Также дозволеннымъ считается путешествіе исключительно для своего удовольствія, но только иногда; если же человѣкъ такіа путешествія сдѣлаетъ обычными, то это не хорошо. Все сказанное выше относится до мужчинъ; женщинамъ же грѣшно путешествовать съ посторонними людьми во всякое время.

§ 2. *Полезь путешествій.* Хазретъ Али, да будетъ имъ доволенъ Богъ, въ одномъ стихѣ указываетъ на пользу путешествія въ пяти отношеніяхъ. Отправляющійся изъ отечества съ искреннимъ намѣреніемъ совершить путешествіе съ пользою для себя, увеличиваетъ свое благосостояніе, познаетъ бытъ и обстановку жизни другихъ народовъ, пріобрѣтаетъ научныя свѣдѣнія, усваиваетъ себѣ приличія, наконецъ посѣщаетъ собранія достойныхъ людей. Могутъ возразить, что во время путешествія человѣкъ пребываетъ въ одиночествѣ и ему приходится переходить пустыни, но на это скажемъ, что для праведнаго человѣка гораздо лучше даже умереть въ одиночествѣ, чѣмъ жить среди развращенныхъ и завистливыхъ людей. Изъ приведеннаго мнѣнія Хазретъ-Али слѣдуетъ, что для суфи обязательно, если ему удастся получить доступъ въ собраніе шейха, съ полной искренностью посвятить себя службѣ этому человѣку, спать у его двери и всѣми силами стараться исполнять его волю. Жизнь надо проводить въ святости, не поддаваясь суетнымъ житейскимъ помысламъ; надо стараться сохранить душу отъ разсѣянности, а руки и ноги уберечь отъ непрестанной безцѣльной бѣготни.

§ 3. *Приличія, обязательныя для путешествующаго.*
а) Отправляющійся въ путешествіе долженъ предпринимать его непременно съ благочестивымъ намѣреніемъ: имъ должно руководить стремленіе совершить паломничество, сразиться съ невѣрными, преслѣдовать нечестивыхъ, жестокихъ людей, пріобрѣсти познанія въ наукахъ, поклониться могиламъ пророковъ, или святыхъ, желаніе посѣтить собраніе ученыхъ и

законовѣдовъ, поклониться шейхамъ-чудотворцамъ. Можно также путешествовать по торговымъ дѣламъ съ цѣлью обезпечить себя и семью необходимыми средствами къ существованію. Во всякомъ случаѣ, путешествіе должно имѣть цѣлью одно изъ вышеупомянутыхъ дѣлъ. Есть мудрое изрѣченіе: „совѣтуйся въ каждомъ дѣлѣ съ сотрудниками“; слѣдуя этому правилу и задумавъ совершить путешествіе, надлежитъ посоветоваться съ опытными людьми по поводу задуманнаго.
б) Если спрошенные люди одобряютъ намѣреніе путешествовать, то слѣдуетъ еще исполнить „истихара“, что значитъ: исполнить установленное число ракаатовъ намаза, прочесть главу Фатха и 109-ю, главу Фатха и 112-ю, потомъ, послѣ привѣтствія, поднять руки, какъ для молитвы, и произнести: „О Боже! У Тебя ищю знанія, къ Твоей мудрости прибѣгаю, къ Твоей силѣ и Твоему величію обращаюсь. Ты всевѣдущій, могущій научить; у меня нѣтъ силы. Ты знаешь; я не знаю. Ты знаешь неизвѣстное намъ. О Боже! Ты знаешь, будетъ-ли предполагаемое мною путешествіе полезно для меня, укрѣпитъ ли оно меня въ вѣрѣ, усилитъ ли мое благочестіе. Скажи, о Боже, научи меня, пошли мнѣ изобиліе въ этомъ путешествіи“. Дальше слѣдуетъ выразить, въ чемъ состоятъ предположенія молящагося, и закончить молитву вознесеніемъ хвалы Богу и славословіемъ пророку, это похвально. Если послѣ молитвы человѣкъ почувствуетъ въ своемъ сердцѣ увѣренность, что предположенное имъ угодно Богу, и придетъ въ хорошее расположеніе духа, то онъ можетъ смѣло приступить къ исполненію задуманнаго имъ.
в) Отправляясь въ путешествіе, необходимо предварительно сдѣлать, на всякій случай, завѣщаніе и спросить разрѣшеніе у родителей и кредиторовъ, если таковыя есть. Для выѣзда необходимо выбрать „легкій“ день, по преданію. Самымъ легкимъ днемъ считается четвергъ; но можно, по преданію, выѣзжать и въ понедѣльникъ, среду, или субботу. Всѣ долги необходимо передъ отправленіемъ въ путь заплатить, затѣмъ проститься съ женой, дѣтьми, съ родными, друзьями, сосѣдами, знакомыми, съ тѣми, кому былъ долженъ, и попросить всѣхъ помолиться о благополучномъ путешествіи. Выходи изъ дома, слѣдуетъ обратиться къ остающимся и сказать: „простите меня, пожелайте

мнѣ всего хорошаго и да будетъ молитва ваша услышана Богомъ, Который установилъ прощенье“. 2) Остающиеся, во время прощанія, должны сказать отъѣзжающему: „просимъ у Бога милости для поддержанія тебя въ вѣрѣ, Его благословенія на все, что у тебя есть, на твою душу. Просимъ хорошаго окончанія начатаго тобою дѣла“. Далѣе слѣдуетъ произнести: „Да увеличитъ Богъ твою чистоту и благочестіе, проститъ твои грѣхи, пошлетъ тебѣ всякаго благополучія“. Если отъѣзжающій отправляется на поклоненіе въ Мекку, то его слѣдуетъ напутствовать слѣдующими словами: „О такой-то! да увеличитъ Богъ твое благочестіе, да обратитъ лицо твое къ хорошему и пошлетъ благополучное окончаніе начатому тобою дѣлу“. Когда же встрѣчаютъ возвращающагося паломника, ему говорятъ: „О такой-то! Пусть Богъ приметъ твое поклоненіе и проститъ твои грѣхи!“ 3) Отъѣзжая, слѣдуетъ прочесть два ракаата намаза: въ первомъ ракаатѣ главу 1-ю „Фатха“ и главу „Невѣрныя“, а во второмъ ракаатѣ главу „Фатха“ и „Ихлясъ“. Нѣкоторые ученые говорятъ, что въ первомъ ракаатѣ надо читать послѣ главы „Фатха“ главу 113-ю — „Разсвѣтъ“, а во второмъ ракаатѣ, послѣ главы „Фатха“, главу 114-ю „Люди“. Шейхи тариката совѣтуютъ отъѣзжающему, во время укладыванія вещей, еще не сядя на лошадь, прочесть 4 ракаата молитвы, въ каждомъ ракаатѣ главу „Фатха“ и „Ихлясъ“. По общему мнѣнію всѣхъ, послѣ привѣтствія, которымъ заканчивается молитва, необходимо еще произнести: „о Боже! прими мою молитву, я приблизился къ Тебѣ посредствомъ этой молитвы, сохрани же мое семейство“. 4) Окончивъ молитву, слѣдуетъ еще прочесть изъ корана „аятъ-аль курси“, (ст. 256, гл. 2-я) и главу 106-ю — „Корейшане“, это похвально и облегчаетъ трудности путешествія. Поднимаясь съ мѣста, необходимо произнести молитву: „О Боже! я хочу идти по угодной Тебѣ дорогѣ, я поручилъ Тебѣ себя, увѣнчай же мое дѣло хорошимъ концомъ. О Боже! увеличь мое благочестіе, прости мои грѣхи, направь меня ко всему хорошему“. 5) Сядя на лошадь, необходимо прочесть молитвы, указаны въ гл. II, § 4 о приличіяхъ, соблюдаемыхъ садящимся на лошадь; послѣ этого трижды произнести „такбиръ“ (Богъ святъ!);

потомъ слѣдующую молитву: „О Боже, это Ты подчинилъ мнѣ лошадь, безъ Тебя у меня не хватило бы силы для этого, мы всѣ соединимся съ Богомъ. О Боже! прошу у Тебя на время путешествія полного благополучія. Помогни мнѣ сохранить благочестіе, чтобы я во всѣмъ творилъ только Тебѣ угодное, облегчи для меня трудности пути, о Боже! у Тебя прошу я покрова отъ несчастій въ путешествіи“. 6) Если приходится садиться на горячую лошадь, надо прочесть указанное въ гл. II, § 4, б, а во время пути, когда путешественникъ вступаетъ на судно для переѣзда по водѣ, надо прочесть тотъ же стихъ корана, съ произнесеніемъ словъ: „Во имя Бога, милостиваго, милосердаго“. 7) Во время слѣдованія верхомъ на лошади, надо читать слѣдующую молитву: „О Боже! Ты господинъ путешествій, о Боже! я прошу у Тебя защиты отъ несчастій въ пути. Сохрани меня и мое имущество отъ посягательствъ злыхъ людей и отъ всякаго несчастія. 8) Въ дорогѣ, поднимаясь на возвышенность, надо каждый разъ произносить: „Богъ святъ“, а опускаясь съ горы читать: „съ восторгомъ вспоминаю имя Твое, Боже“, произнося эти слова въ полголоса. 9) Во время продолжительныхъ путешествій, надлежитъ больше двигаться ночью, ночью же совершать наиболѣе длинные переходы, что гораздо легче, чѣмъ днемъ. Это правило слѣдуетъ исполнять всегда. Если путника станетъ клонить ко сну, то надлежитъ съѣхать съ дороги и тамъ слѣзть, потому что на самомъ полотнѣ дороги ночью бываетъ больше тварей, вредящихъ человѣку (звѣри). 10) Для того, чтобы обезопасить себя отъ вреда, грозящаго человѣку со стороны дикихъ звѣрей, по прибытіи на ночлегъ, необходимо прочесть слѣдующую молитву: „У Тебя, Боже, прошу я покровительства и защиты, силою произнесенія Твоего имени спаси меня отъ всѣхъ тварей, причиняющихъ вредъ людямъ“. Никто не повредитъ прочитавшему эту молитву человѣку до тѣхъ поръ, пока онъ не тронется въ путь съ ночлега. 11) Если по дорогѣ встрѣтятся распутіе и путешественникъ будетъ въ затрудненіи, по какой дорогѣ ему слѣдуетъ ѣхать, то надо всегда выбирать дорогу, ведущую вправо, потому что съ правой стороны находятся ангелы, указывающіе путь. Если въ степи появятся духи, джинны, и

будут угрожать человеку, то надо произнести „азанъ“, призывъ на молитву, — тогда джины удалятся. Это слѣдуетъ изъ преданія, гдѣ сказано на этотъ счетъ: „когда увидишь передъ собой джиновъ, произноси азанъ“. Есть одинъ особый родъ джиновъ, являющихся человеку въ степи, чтобы совратить его съ пути, они называются, „гуль“. *н)* Никогда не слѣдуетъ путешествовать одному, въ особенности ночью, и число спутниковъ должно быть не менѣе трехъ человекъ. *о)* Если путешествуетъ много людей вмѣстѣ, то и останавливаться на ночлегъ надо всѣмъ близко другъ отъ друга, а, если можно, то и всѣмъ въ одномъ мѣстѣ. *п)* Если изъ одного мѣста отправляется въ путешествіе одновременно много людей и между путешествующими найдется образованный, всѣми уважаемый и знакомый съ шаріатомъ человекъ, то слѣдуетъ выбрать его старшиной общества всѣхъ путешествующихъ; если же такого человека не окажется, то старшимъ надо назначить щедрого человека. Назначенному слѣдуетъ относиться внимательно и быть снисходительнымъ ко всѣмъ спутникамъ. Онъ долженъ стараться услужить спутникамъ, не отказываясь ни отъ какой услуги имъ, а не задавать другимъ работу и не гордиться своимъ положеніемъ. *р)* Если въ числѣ спутниковъ окажутся люди бѣдные и безпомощные, то люди сильные и со средствами не должны оставлять слабыхъ безъ помощи въ дорогѣ, имъ надо помочь и доставить ихъ къ каравану. Если нѣкоторые изъ спутниковъ, по слабости, будутъ просить сдѣлать остановку, необходимо уважить ихъ просьбу, остановиться и не оставлять ихъ однихъ до тѣхъ поръ, пока они не присоединятся къ другому каравану. *с)* На телѣгахъ или выючныхъ животныхъ, нанятыхъ для перевозки кладей, не слѣдуетъ накладывать больше условленнаго груза; во время накладки лучше, чтобы присутствовалъ хозяинъ перевозочныхъ средствъ, видѣлъ сколько груза кладутъ и былъ бы доволенъ. Надо быть снисходительнымъ къ грубости и невѣжеству возчиковъ, у нихъ такой обычай. Вообще, слѣдуетъ во все время путешествія, во всѣхъ положеніяхъ, быть снисходительнымъ, терпѣливымъ и милостивымъ. *т)* На четвероное животное, служащее для перевозки кладей, надо навѣшивать

грузъ сообразно съ его силой и надо наблюдать, чтобы выючные животные не испытывали голода и жажды. Во время остановки не слѣдуетъ приниматься за свои дѣла, пока не будутъ развьючены животные въ караванъ. *у)* Въ путешествіе не надо набирать съ собой много лишнихъ вещей, надо довольствоваться самымъ необходимымъ. По мнѣнію великихъ ученыхъ, въ пути необходимо слѣдующее: одежда, достаточная для покрытія аврата (часть туловища отъ середины живота до колѣнъ), для совершенія молитвы коврикъ — „джай-намазъ“, веревка и сосудъ, которыми можно было бы доставать воду изъ колодца, калоши и обувь, которую можно было бы одѣть послѣ предшествующаго молитвѣ омовенія и обутому вступить на джай-намазъ, посохъ съ острымъ наконечникомъ, которымъ можно было бы удалить съ дороги все приносящее человеку вредъ и пользоваться для опоры, наконецъ, слѣдуетъ имѣть при себѣ въ пути еще гребенку, палочку для чистки зубовъ, ножницы, иголку и коробочку съ сурьмой. *ф)* Направляясь въ землю невѣрныхъ, не слѣдуетъ брать съ собою корана, во избѣжаніе оскорбленія священной книгѣ со стороны невѣрныхъ; но если кто, отправляя въ сторону невѣрныхъ письмо, включить въ письмо стихъ корана, то это не запрещается. Если путешественникъ освѣдомится, что въ томъ городѣ, черезъ который ему надлежитъ проѣхать, свирѣпствуетъ эпидемія, война, или возмущеніе, то въ такой городъ не слѣдуетъ заѣзжать; если же въ какомъ-либо городѣ случится эпидемія, то мѣстнымъ жителямъ не слѣдуетъ покидать свой городъ, на это есть указаніе въ хадисѣ. *х)* Къ животнымъ не слѣдуетъ привязывать колокольчики, потому что ангелы не сопутствуютъ путешественникамъ, ѣдущимъ съ колокольчиками. *ц)* Не слѣдуетъ брать съ собой въ путешествіе собаку, шкуру тигра, или кафлана (?), потому что въ хадисѣ сказано, что такому человеку не будутъ сопутствовать ангелы, конечно, исключая ангеловъ хранителей, записывающихъ хорошія и дурныя дѣла человека „карамъ-аль-катибинъ“, которые всегда находятся при человекѣ. *ч)* Во время путешествія, взбираясь на гору, спускаясь съ горы, или вступая въ пересѣченную мѣстность, надлежитъ три раза произнести „такъ“

биръ" (Богъ святъ), послѣ этого: „нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, нѣтъ товарища, мѣръ въ Его власти, слава такому Богу, Онъ всемогущъ, да будетъ въ точности исполнено Его общае стѣдѣице, раскаивающимся, почитающимъ, поклоняющимся, славословящимъ Бога, да окажетъ Онъ милость своимъ рабамъ". *и)* Возвращаясь изъ путешествія, зайдя свой родной городъ, путникъ долженъ воскликнуть: „О Боже! дай мнѣ возможность благополучно прожить въ этомъ городѣ и пошли мнѣ все необходимое". *и)* Возвращаясь изъ путешествія, не слѣдуетъ прѣзжать въ свой домъ, въ своей семьѣ, не предупредивъ семейныхъ о времени прибытія, это грѣшно; лучше, подѣзжая къ городу, послать вѣстника предупредить своихъ домашнихъ о своемъ прибытіи. Прѣздъ свой надо сообразить такъ, чтобы быть дома или утромъ, или вечеромъ во время намаза „асръ" (4-5 гл.)—такъ принято; прѣзжать домой ночью непозволительно. *ж)* Въѣзжая въ свой городъ, прежде всего слѣдуетъ войти въ свою мечеть и исполнить два ракаата молитвы, а потомъ уже войти въ свой домъ и привѣтствовать оставшихся дома семейныхъ слѣдующими словами: „Слава Богу, давшему мнѣ возможность снова увидѣть васъ здоровыми и благополучными". *з)* Женѣ, дѣтямъ, внукамъ, близкимъ родственникамъ и друзьямъ слѣдуетъ привезти подарки, каждому какую-нибудь подходящую для него вещь, а во время свиданія съ родными въ своемъ домѣ, слѣдуетъ распорядиться о приготовленіи угощенія для приходящихъ привѣтствовать прѣзжающаго. *и)* Остающиеся въ городѣ, узнавъ о прѣздѣ своего родственника, заблаговременно должны выйти къ нему на встрѣчу и, привѣтствуя путешественника, сказать ему: „Слава Богу, сохранившему тебя въ пути и давшему намъ возможность увидѣть тебя благополучно возвратившимся". Привѣтствуя возвратившагося изъ путешествія для поклоненія меккскимъ святынямъ (хаджъ), слѣдуетъ сказать, обращаясь къ прѣзжему: „да будетъ угодно Богу твое поклоненіе, да проститъ Богъ твои грѣхи, увеличитъ твое благосостояніе". Возвратившемуся съ войны противъ невѣрныхъ (джихадъ, газа, мн. чис. газать) говорятъ: Слава Богу, оказавшему тебѣ помощь, сдѣлавшему тебя святымъ, угостившему тебя (?) (зіафать).

§ 4. *Приличія, соблюдаемыя путешественникомъ по отношенію къ кореннымъ жителямъ тѣхъ городовъ, которые онъ проѣзжаетъ и наоборотъ.* Разсматривается всего 11 случаевъ; изъ нихъ 4 относятся до путешественника, а остальные 7 до постоянныхъ жителей города по отношенію къ прѣзжему. *а)* Прѣзжему, входя въ домъ одного изъ жителей незнакомаго города, слѣдуетъ строго соблюдать приличія и относиться къ хозяину дома съ уваженіемъ. При входѣ въ домъ необходимо произнести общепринятое привѣтствіе и сѣсть ниже всѣхъ. Если хозяинъ предложитъ гостю перейти на высшее мѣсто, то слѣдуетъ немедленно послѣдовать приглашенію и перейти на указанное мѣсто. *б)* Чужестранецъ не долженъ гордиться передъ мѣстнымъ жителемъ, не долженъ давать наставленій, какъ слѣдуетъ поступить въ томъ или другомъ дѣлѣ. Только тогда, когда человекъ, пріютившій чужестранца, позволитъ себѣ сдѣлать что-либо противное шаріату, можно остановить его. Не слѣдуетъ утруждать хозяина, заставляя его услуживать себѣ, не слѣдуетъ огорчать его, требуя отъ него то, чего у него самого нѣтъ, не надо просить у хозяина протекціи и затруднять его хлопотами по дѣламъ прѣзжаго. *в)* Если мѣстный житель что-нибудь посоветуетъ прѣзжему, слѣдуетъ искренно послѣдовать совѣту и сдѣлать такъ, какъ указано. *г)* Безъ просьбы хозяина, не слѣдуетъ стараться выказать передъ нимъ свою ученость, а также не слѣдуетъ рассказывать о своемъ путешествіи, если этимъ не интересуются хозяева. *д)* Коренной житель города, если въ его домѣ ищетъ пріюта чужестранецъ, долженъ стараться оказать пришельцу какъ можно болѣе вниманія, не взирая на то, будетъ ли то „суфи", или простой человекъ. Правила этого держаться слѣдуетъ потому, что многіе святыя и благочестивые люди носятъ одежду, не соответствующую ихъ значенію, скрываютъ свое превосходство и, тѣмъ не менѣе, остаются угодными Богу святыми, твердо соблюдаютъ свое благочестіе. *е)* Если къ кому-либо въ домъ придетъ бѣдно одѣтый чужестранецъ, не слѣдуетъ спрашивать, откуда и куда онъ идетъ, какъ его имя и т. д. *ж)* Надо постараться деликатно осведомиться, желаетъ ли гость быть въ обществѣ,

или же предпочитаетъ бесѣда — уединеніе. Въ первомъ случаѣ хозяинъ долженъ постараться занять гостя бесѣдою, въ послѣднемъ — скорѣе отвести гостя въ отдѣльное помѣщеніе, указать ему мѣсто омовенія и ретирады и затѣмъ оставить гостя одного. *з)* Если гость желаетъ сходить въ баню, то слѣдуетъ отвести его туда, грязное платье и бѣлье прѣзжаго приказать вымыть а, если средства хозяина позволяютъ, то и предложить чужестранцу новое платье — не надо упускать случая исполнить это. *и)* По прошествіи трехъ дней, хозяину слѣдуетъ спросить гостя, не пожелаетъ ли онъ пойти поклониться могиламъ умершимъ и посѣтить лицъ, извѣстныхъ въ городѣ своей святостью. Если гость выразитъ желаніе, надо сопутствовать ему, если не пожелаетъ, не надо настаивать. *й)* Если гость попроситъ что-нибудь, дозволенное шаріатомъ, то необходимо по мѣрѣ возможности ему доставить. *к)* Для того, чтобы извлечь пользу изъ бесѣды, гость, если предполагаетъ остаться въ домѣ нѣсколько дней, долженъ дозволить хозяину приходить бесѣдовать съ прѣзжимъ, если только хозяинъ дѣйствительно человѣкъ, ищущій знанія, желающій научиться, а не пустой хвастунъ и лицемеръ.

Здѣсь конецъ книги, съ помощью Божіей, Слава Богу, въ началѣ и въ концѣ, вслухъ и въ душѣ, славословіе пророку, который есть вѣнецъ пророковъ — Мухамеду, да будетъ на немъ милость Божія. Да будетъ милостивъ Богъ ко всемъ домашнимъ и собесѣдникамъ.

СПИСОКЪ НЕПОЯТНЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ТЕКСТѢ СОЧИНЕНІЯ „АДАБЪ-УЛЬ-САЛИХЫНЪ“.

- Адабъ** — ар. вѣжливость, учтивость.
Салихъ мн. ч. Салихынъ — ар. праведный, воспитанный.
Во Имя Бога, милостиваго, милосердаго! Этими словами начинается всякое мусульманское произведеніе; ту же фразу произноситъ мусульманинъ, приступая къ какому либо дѣлу.
Книга Маснауви — суфійское сочиненіе Мауляви-Руми, мистическаго содержанія.
Шаріатъ — кодексъ мусульманскаго права, изложенный во множествѣ книгъ юридическо-богословскаго характера.
Тарикатъ — мистическій терминъ, обозначающій особое ученіе, познанія котораго мусульманскіе дервиши-суфи достигаютъ посредствомъ своеобразныхъ аскетическихъ упражненій.
Саламъ — собственно „миръ“; это слово входитъ въ составъ фразы, которой мусульмане привѣтствуютъ другъ друга: „ассаламъ-aleyкумъ“ — миръ вамъ!
Ракатъ — отдѣлъ, или часть ежедневнаго мусульманскаго богослуженія.
Суннатъ — религіозный обычай, завѣщанный Магометомъ своимъ послѣдователямъ для подражанія. Въ большинствѣ случаевъ суннатъ имѣетъ основаніемъ примѣръ изъ жизни пророка.
Фарзъ-айнъ — личная религіозная обязанность, основанная на божественныхъ предписаніяхъ.

Фарзъ-нифайягъ — тоже обязанность, но исполненіе ея вообще обязательно для всѣхъ и личное неисполненіе ея кѣмъ-либо, при исполненіи другими, не ставится въ грѣхъ неисполнившему.

Хатибъ — чтецъ, специально читающій во время богослуженія молитву, „хутба“.

Муэззинъ, по-тюркски **азанчи** — призывающій къ молитвѣ, особая должность при мечети.

Азанъ — призывъ къ молитвѣ, состоящій изъ слѣдующихъ словъ: 1) „Великъ Богъ“ (четыре раза). 2) „Исповѣдую, что нѣтъ другого божества, кромѣ истиннаго Бога“ (два раза). 3) Исповѣдую, что Мухаммадъ посланникъ Бога (два раза). 4) Идите на молитву! (два раза). 5) Идите на благочестивое дѣло (два раза). 6) Великъ Богъ (два раза). 7) Нѣтъ другого божества, кромѣ истиннаго Бога.

Инамагъ — то же, что азанъ; но послѣ словъ: „идите на благочестивое дѣло“, муэззинъ дважды произноситъ: „уже настала молитва“.

Намазъ — мусульманское богослуженіе, совершаемое ежедневно пять разъ: на разсвѣтѣ „бамдагъ“, послѣ полудня „пешинъ“, часа въ 4 дня „асръ“, по наступленіи темноты „ахъ-шамъ“ и вечеромъ „хуфтанъ“.

Соранъ, правильнѣе **Куръанъ** — священная книга мусульманъ.

Состояніе ихрама — совокупность обрядностей, какія обязанъ исполнять совершающій „хаджъ“ — паломничество въ Мекку мусульманинъ. Достигнувъ священныхъ областей, паломникъ долженъ надѣть особую одежду, перестаетъ стричь волосы и ногти, воздерживается отъ супружескаго сожителства, охоты и пр.

Возгласы: **ляббайка, ляббайка, ля шарика, ля ка** — ар я готовъ, я готовъ къ Тебѣ (Боже), нѣтъ у Тебя товарища, — произносятся паломниками въ извѣстный періодъ хаджа.

Мусульманинъ, Муслимъ, Муминъ, такъ называютъ себя послѣдователи Мухаммада. Въ частности „муслимъ“ значитъ исповѣдывающій исламъ, покорный, преданный, а „муминъ“ — вѣрующій.

Имѣющіе писаніе — **китаби**, такъ мусульмане называютъ христіанъ (насара) и евреевъ (ягуда) въ отличіе отъ невѣрныхъ (кафиръ) — язычниковъ, буддистовъ и т. п.

Салаватъ — благословеніе, особая молитва въ честь Мухаммада.

Шейхъ — старикъ, старецъ, начальникъ племени, глава дerviшскаго ордена.

Намазъ шамъ, вѣрнѣе „**Ахъ-шамъ**“, 4-й ежедневный намазъ.

Аллахъ ар. Богъ.

Дивъ-пари — невидимыя, демоническія существа, по вѣрованію мусульманъ вредящія людямъ своими чарами.

Исламъ — вѣра Магомета, буквально — преданность Богу.

Мухаммедъ, Магометъ — основатель Ислама.

Сила буквъ имени Божія — мусульмане вѣрятъ, что каждая буква, входящая въ составъ именъ Божіихъ, имѣетъ особую силу для произносящаго.

Амулетъ у сартовъ тумаръ — талисманъ, предохраняющій по суевѣрію отъ сглаза и демонскаго навожденія. Обыкновенно это написанная на клочкѣ бумаги молитва, зашитая въ тряпочку, или обдѣланная въ серебро, надѣвается на шнурокъ на шею, или подъ мышку. Лошади вплетается въ челку, или гриву.

Кааба — храмъ въ Меккѣ, служащій для всѣхъ мусульманъ предметомъ поклоненія. Къ этому храму всѣ мухамедане обращаются лицомъ во время молитвы.

Кыбла — направленіе на Каабу, сторона въ которую мусульмане обращаются во время молитвы.

Айша — дочь Абубекра, любимая жена Мухаммеда.

Сура, сюра, такъ называются главы Корана; всѣхъ ихъ 114.

Ичиги — сапоги изъ козловаго шагрени, принятые на Востокѣ.

Абу Сандъ-уль-Хузри — мусульманскій святой.

Чалма, вѣрнѣе **салля**, (иногда называютъ еще **тюрбаномъ**) — повязка изъ длиннаго куска матеріи, которую мусульмане носятъ на головѣ.

Аятъ — стихъ корана, **Аятъ-аль-нурси** — „стихъ престола“, это 256-й ст. 2-й главы корана.

Кари — чтецъ корана, знающій эту книгу наизусть и могущій декламировать на память любую часть ея содержания.

Песь — особый видъ проказы, проявляющійся бѣлыми пятнами на кожѣ. Мусульмане считаютъ крайне заразительной и неизлечимой эту болѣзнь.

Мюридъ, Мухлисъ — послѣдователь суфійскаго ученія дервишей. Слово мухлисъ обозначаетъ понятие „искренній“.

Пиръ, Мюршидъ — наставникъ, руководитель. Такъ называютъ учителей суфизма.

Тюбетейка, тупи, — коническая ермолка, которой туземцы покрываютъ бритую голову, — повязывая чалму поверхъ ермолки.

Время „набзь и бастъ“. Эти два повлія обозначаютъ состояніе духа наставника суфійскаго ученія, съ которымъ приходящій къ „пиру“ ученикъ долженъ сообразоваться. „Набзь“ это настроеніе, когда наставникъ желаетъ быть одинъ, желаетъ сосредоточиться, а „бастъ“ — склонность къ общенію и бесѣдѣ.

Наза — предопредѣленіе и замѣна. Исполненіе какого-либо религіознаго обряда, который не могъ быть своевременно исполненъ. Напр. постъ въ мѣсяцъ рамазанъ, если не былъ исполненъ, исполняется позже, или замѣняется раздачей милостыни.

Зикръ буквально произношеніе именъ Божіихъ.

Джагръ буквально: громко. Оба эти термина употребляются для обозначенія радѣній дервишей, когда дервиши секты „джагріа“ предаются религіознымъ упражненіямъ въ общемъ собраніи.

Хальна — кругъ, цѣпь, которую составляютъ дервиши во время радѣнія, усаживаясь въ кружокъ.

Поза ихтиба и мурабба — два положенія, которыя считаются приличными для сидящаго; это: сѣсть, скрестивъ поджатые ноги, какъ мы называемъ „по турецки“, или стать на колѣни и опуститься на пятки сѣдалищемъ.

Хамдъ, аль-хамдъ славословіе Богу.

Комки глины — комками глины мусульмане пользуются для очищенія себя послѣ исполненія естественной надобности, почему комки эти составляютъ необходимую принадлежность ихъ ретирадовъ.

Ныамъ — полдень, стояніе, солнцестояніе.

Сунугъ — молчаніе.

Книга Ширатъ-уль-Исламъ, или Шараитуль-иманъ условіи вѣры, изложеніе догматовъ Ислама.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ числѣ причинъ, объясняющихъ возможность столь неожиданнаго возникновенія Андиганскихъ безпорядковъ, не послѣднее мѣсто занимало недостаточно внимательное отношеніе мѣстныхъ административныхъ органовъ къ проявленіямъ внутренней и религіозной жизни туземнаго населенія. Было упущено изъ вида, что невмѣшательство во внутреннюю и религіозную жизнь, представляющее изъ себя одинъ изъ гуманнѣйшихъ принциповъ нашей внутренней политики по отношенію къ покоренному нами въ Средней Азій туземному населенію, не исключаетъ обязанности строгаго надзора и изученія интимной стороны туземной жизни и современныхъ религіозныхъ настроеній въ народѣ.

Въ этомъ отношеніи нами сдѣлано еще очень немного. Существующая до сего времени литература по мусульманству, касаясь главнымъ образомъ догматической стороны мусульманскаго ученія, даетъ намъ недостаточное количество данныхъ по отношенію къ современной религіозной жизни нашихъ средне-азіатскихъ окраинъ.

Этотъ пробѣлъ въ послѣднее время по почину Туркестана началъ пополняться изданіемъ матеріаловъ по мусульманству, которыхъ вышло 3 выпуска, составляющихъ, какъ мы слышали, лишь начало болѣе обширнаго изслѣдованія по данному вопросу.

Въ виду того, что мусульманское населеніе Закаспійской области по нравамъ и обычаямъ, существенно отли-

чается отъ такового населенія Туркестана, мы рѣшили время отъ времени, по накопленіи матеріаловъ, издавать отдѣльныя брошюры, въ которыхъ, не касаясь основъ мусульманской религіи, предполагается разработывать, главнымъ образомъ, вопросы объ особенностяхъ мѣстнаго культа, значеніи духовенства и духовныхъ учрежденій туркменъ, ихъ семейнаго быта и обычнаго права.

Эго явствуетъ изъ словъ самого пророка¹⁾, сказанныхъ имъ отъ имени Божія:

„По ихъ (пророковъ) стопамъ слѣдовать велѣли Мы Иисусу, сыну Маріи, подтвердившему то, что предъ нимъ было въ Законѣ, и Мы дали ему Евангеліе; въ немъ правда и свѣтъ²⁾.....“.

И далѣе:

„.... дали ему (Иисусу) Евангеліе; въ сердца послѣдователей его Мы вложили добродушіе и состраданіе³⁾.....“.

Такъ или иначе, но Мухаммадъ неоднократно говорилъ своимъ ученикамъ:

„накормите..... бѣднаго, просящаго у васъ, и нищаго, не смѣющаго просить⁴⁾“.

„Благочестіе не въ томъ, чтобы вамъ обращать лица свои къ востоку или западу; но благочестивы тѣ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день, въ ангеловъ, въ писаніе, въ пророковъ; по любви къ Нему (Богу) даютъ изъ имущества своего ближнимъ, сиротамъ, бѣднымъ, странникамъ, нищимъ⁵⁾.....“.

Подобныя этимъ изрѣченія мы находимъ во 2-й, 4-й, 5-й, 9-й, 17-й, 22-й, 29-й, 30-й, 41-й, 46-й, 51-й, 57-й и 70-й главахъ корана.

Кромѣ того, Мухаммадъ, желая сильнѣе отбѣнить нравственную сторону благотворительности, говоритъ также, что тайная милостыня предпочтительнѣе явной.

„Если вы открыто будете творить милостыни, то это прекрасно; а если будете тайно творить ихъ и отдавать ихъ бѣднымъ, то это будетъ еще лучше для васъ: загладитъ вамъ ваши злыя дѣла. Богъ вѣдаетъ, какъ что дѣлаете вы⁶⁾.....“.

¹⁾ При составленіи этого очерка мы пользовались русскимъ переводомъ корана Г. Саблукова, 1877 г., и указателемъ къ этому переводу 1879 г.

²⁾ Коранъ. 2,50.

³⁾ Коранъ. 57,27.

⁴⁾ Коранъ. 22,37.

⁵⁾ Коранъ. 2,172.

⁶⁾ Коранъ. 2,273.

чается отъ такового населенія Туркестана, мы рѣшили время отъ времени, по накопленіи матеріаловъ, издавать отдѣльныя брошюры, въ которыхъ, не касаясь основъ мусульманской религіи, предполагается разработывать, главнымъ образомъ, вопросы объ особенностяхъ мѣстнаго культа, значеніи духовенства и духовныхъ учрежденій туркменъ, ихъ семейнаго быта и обычнаго права.

Религіозныя воззрѣнія туркменъ Закаспійской области.

Обособленность религіозныхъ воззрѣній туркменъ Закаспійской Области отъ народовъ, населяющихъ Туркестанъ и Бухару, объясняется особыми бытовыми и историческими условіями, въ которыхъ они развивались. Въ то время какъ исламъ прочно утвердился въ Мавараннехр'ѣ, а Бухара и Самаркандъ сдѣлались Римомъ мусульманскаго міра, туркмены уже не жили къ востоку отъ Оксуса. При Софіаръ Ханѣ Хивинскомъ въ началѣ X вѣка *) мы находимъ ихъ кочующими въ Мангышлакъ, Балханскихъ горахъ и по берегамъ Аму-Дарьи, изливавшейся тогда въ Каспійское море.

Кочевая жизнь туркменъ, удаленность и трудно-проходимость обитаемыхъ ими степей, а главное занятіи ихъ грабежомъ и войною цѣлый рядъ вѣковъ служили тормазомъ къ возникновенію мирныхъ сношеній съ центрами мусульманскаго фанатизма. Мусульманство, навязанное народу арабскими завоевателями и не успѣвшее еще пустить здѣсь глубокихъ корней, выродилось подѣ вліяніемъ вышеназванныхъ неблагопріятныхъ причинъ въ совершенно особый культъ, имѣющій съ нимъ лишь внѣшнее обрядовое сходство.

Шаріать, представляющій изъ себя неизмѣняемый кодексъ, регулирующий всѣ виды людскихъ отношеній какъ къ Богу, такъ и между собою, сохранилъ за собою въ религіозномъ міровоззрѣніи туркменъ почти исключительно только значеніе религіознаго закона.

Извѣтіе большей части судебныхъ дѣлъ изъ вѣдѣній духовенства (казіевъ), которое могло одно быть хранителемъ шаріатскихъ постановленій, и передача ихъ въ вѣдѣніе безграмотныхъ акъ-сакаловъ и кетхудовъ послужило почти къ

*) Веселовскій, «Исторія Хивинскаго ханства».

полной замѣнѣ шаріата обычнымъ правомъ, постановленія котораго зачастую не только несходны съ шаріатскими, но иногда имъ прямо противоположны.

Въ рукахъ казіевъ и муллъ по обычаю сохранилась лишь часть гражданскаго процесса: дѣла бракоразводныя и раздѣлъ наслѣдства, къ рѣшенію которыхъ только и примѣняются, и то лишь до известной степени, шаріатскія постановленія.

Туркмены мало религіозны. Но религіозный индефентизмъ туркменъ не исключалъ однако возможности развитія въ нихъ по истинѣ фанатичной нетерпимости къ иновѣрцамъ, благо принципъ этотъ согласовался съ наклонностями степного хищника. Достаточно взглянуть на недавнюю исторію этого народа, чтобы убѣдиться, что принципъ истребленія нечестивыхъ туркмены понимали шире, чѣмъ то предписывается шаріатомъ, считая въ числѣ таковыхъ не только иновѣрцевъ, но и мусульманъ шіитскаго толка, истребленіе которыхъ и продажа въ рабство считались до послѣдняго времени дѣломъ богоугоднымъ.

Что вѣковая ненависть туркменъ къ персамъ вызывалась не только стремленіемъ первыхъ къ грабежу, но и религіознымъ фанатизмомъ, видно изъ того, что на племена, исповѣдующія суннитскій толкъ: киргизъ, хивинцевъ и др. туркмены нападали только въ отместку за убійство или угонъ скота и никогда не брали у нихъ плѣнниковъ и не продавали въ рабство.

Эта нетерпимость къ иновѣрцамъ еще такъ недавно дѣлала туркменскія степи недоступными не только для европейской торговли, но даже и для одиночныхъ путешественниковъ. Изъ туркменскихъ племенъ особымъ хищничествомъ и нетерпимостью отличались текинцы. Вамбери, путешествовавшій здѣсь въ 60-хъ годахъ переодѣтымъ въ костюмъ мусульманскаго паломника, тщательно избѣгалъ текинскихъ кочевій, боясь подозрительности текинцевъ.

Все мусульманство туркменъ заключается въ совершеніи намаза (молитвы), соблюденіи поста и дачѣ закята (милостыни), да и эти формальности исполняются далеко не всѣми, преимущественно людьми пожилыми и стариками.

Молодежь за рѣдкими исключеніями не исполняетъ никакой обрядности. Никто изъ туркменъ, за исключеніемъ наиболѣе образованныхъ муллъ, не понимаетъ смысла читаемыхъ на арабскомъ языкѣ молитвъ и не имѣетъ никакого понятія о сущности мусульманской религіи.

Наиболѣе строго соблюдается постановленіе о дачѣ закята, который дается въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части урожая злаковъ и $\frac{1}{40}$ части стоимости скота, денегъ и постороннихъ доходовъ. Закятъ дается въ пользу вдовъ, сиротъ, калѣкъ и неспособныхъ къ труду, или въ пользу ишановъ, муллъ или бѣдныхъ людей, известныхъ своимъ благочестіемъ, по усмотрѣнію давальца.

„Хаджъ“ или паломничество въ Мекку, обязательное для всякаго мусульманина, туркменами за весьма рѣдкимъ исключеніемъ совершенно не выполняется. Число всѣхъ хаджи въ области исчисляется десятками человѣкъ.

„Ураза“ или мусульманскій великій постъ, исполняется большинствомъ благочестивыхъ туркменъ, причемъ многіе не только не ѣдятъ и не пьютъ ничего до заката солнца, но даже воздерживаются отъ куренія въ теченіи цѣлаго мѣсяца.

Нарушеніе поста и неисполненіе пятикратной молитвы нѣкоторыми наиболѣе благочестивыми туркменами искупается закланіемъ барана въ пользу бѣдныхъ (кефаретъ). Такой же обрядъ совершается дѣтьми во искупленіе грѣховъ своихъ умершихъ родителей (намазъ—борджъ).

Никакихъ дервишскихъ орденовъ среди туркменъ не существуетъ и къ дервишамъ, приходящимъ за сборомъ податей изъ другихъ странъ, они относятся недоувѣрчиво.

Признаки суфизма въ мѣстномъ культѣ замѣтны только въ почитаніи ишановъ, которые однако не считаютъ себя принадлежащими ни къ одному изъ существующихъ орденовъ. Почти поголовная безграмотность населенія и незнакомство послѣдняго съ сущностью своей религіи дало широкій просторъ для сохраненія различныхъ постороннихъ мусульманству вѣрованій, составляющихъ, надо полагать, пережитокъ древней пантеистической религіи.

Туркмены вѣрятъ, что у каждаго промысла есть свои духи-покровители, которымъ современемъ подъ вліяніемъ мусульманства они приурочили имена, заимствованныя изъ священной исторіи или мусульманскихъ апокрифическихъ сказаній, совершенно такъ-же, какъ наши предки-славяне замѣняли бога Волоса святымъ Власіемъ, придавъ ему роль покровителя животныхъ.

У туркменъ покровителемъ коневодства является Дюль-Дюль, — лошадь пророка Али, верблюдоводства — Вейсь-Баба и овцеводства — пророкъ Моисей, покровителемъ земледѣлія — Баба-Тай-Ханъ. Отъ этихъ покровителей, по вѣрованіямъ туркменъ, зависитъ приплодъ скота, рожденіе породистыхъ жеребятъ и болѣзни на скотѣ. Поэтому почти каждый скотоводъ ежегодно рѣжетъ барановъ въ жертву духу-покровителю, въ благодарность за благополучный приплодъ скота или для умиловленія его въ случаѣ падежа и неудачъ.

Этотъ обычай соблюдается не менѣе строго, чѣмъ дача мусульманскаго зяката.

Однимъ изъ наиболѣе строго соблюдаемыхъ религіозныхъ обычаевъ у туркменъ слѣдуетъ признать „Худай-юль“ (Божья дорога), заключающійся въ закланіи барана и устройствѣ общественнаго угощенія. Такое празднество устраивается на 3, 7, 40 день и годичный срокъ послѣ смерти близкаго родственника (помятки), при рожденіи ребенка мужскаго пола и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Обычай этотъ есть очевидно остатокъ благодарственныхъ и умиловительныхъ жертвоприношеній.

Несмотря на такое искаженіе мусульманской религіи, туркмены считаютъ себя правовѣрными мусульманами по преимуществу и даже относятся съ недоувѣріемъ къ правовѣрности нѣкоторыхъ другихъ народовъ, исповѣдующихъ тотъ-же суннитскій толкъ въ болѣе чистомъ видѣ. Этимъ можно объяснить тотъ фактъ, что среди туркменъ приходящіе изъ другихъ странъ муллы не пользуются такимъ доувѣріемъ, какъ получившіе образованіе въ Бухарѣ и Хивѣ муллы изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Бухара и Хива, гдѣ получили образованіе большинство мѣстныхъ ишановъ, казіевъ и наиболѣе образованныхъ муллъ, продолжаютъ имѣть зна-

ченіе религіознаго авторитета для вышеназванныхъ лицъ, а чрезъ нихъ и для населенія.

Сказавъ нѣсколько словъ о религіозномъ міровоззрѣніи туркменъ, нельзя обойти молчаніемъ и значеніе среди населенія лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ этому культу.

Во главѣ этихъ лицъ по степени своего вліянія безусловно стоятъ ишаны, а за ними слѣдуютъ казіи, муллы, софи и сословіе эвлядовъ.

Ишанъ есть представитель суфизма въ мѣстномъ культѣ. Суфизмъ въ мусульманствѣ — явленіе въ высшей степени интересное. Изслѣдованію его посвящены 3 первые выпуска, издаваемые въ Ташкентѣ, матеріаловъ по мусульманству, а потому для подробнаго ознакомленія съ нимъ мы отсылаемъ туда. Но, для того, чтобы понять значеніе ишановъ среди населенія, нужно нѣкоторое знакомство съ проходимою ими школой.

Суфизмъ *) не есть религіозная секта или философская система, это — особый видъ монашества, аскетизма. Онъ выросъ на мусульманской почвѣ и слился воедино съ религіей Мухаммета, хотя не имѣетъ ничего общаго съ ея догматами.

Чтобы сдѣлаться суфистомъ, нужно поступить въ одинъ изъ религіозныхъ орденовъ и подъ руководствомъ наставника, достигшаго уже одной изъ высшихъ степеней совершенства, вступить на стезю, ведущую къ духовному совершенству, соединяющему человека съ Божествомъ. Человекъ, вступившій на стезю (тарикатъ), долженъ пройти нѣсколько послѣдовательныхъ степеней къ достиженію совершенства. Степени эти достигаются посредствомъ аскетизма все болѣе и болѣе строгаго поста, размышленія и бдѣнія, посредствомъ созерцательной жизни, стараній достигнуть слѣплаго повиновенія старшимъ (пиру), отрѣченія отъ міра, просвѣщенія ума и смиренія страстей. Сообразно съ болѣе или менѣе успѣшнымъ движеніемъ по духовному пути мусульманинъ получаетъ различныя наименованія: мюридъ, дервишъ, суфй. Дальнѣйшія степени получаетъ тотъ, кто полу-

*) По Louis Rinn. Marabou et Khuan.

чилъ даръ видѣній и сверхъестественныхъ откровеній. Достигнувъ состоянія отрѣшенности отъ чувствъ, идущій по стезѣ дѣлается способнымъ къ воспріятію божественной благодати. На высшей степени совершенства онъ возносится за предѣлы матеріальной жизни: для него существуетъ лишь жизнь духовная и онъ погружается всецѣло въ созерцаніе Бога. Это положеніе тождественно съ буддійской нирваной.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ суфисты принимаютъ и исповѣдуютъ то, чему учить коранъ, но преувеличиваютъ его постановленія. Они провозглашаютъ, что стремятся только къ вѣчному прославленію Бога и торжеству истинной вѣры.

Наши закаспійскіе ишаны проходятъ ту-же школу. Они получаютъ свое званіе отъ духовныхъ главарей суфизма (пир'овъ) въ Бухарѣ и Хивѣ, для чего послѣ прохожденія курса богословскихъ наукъ въ одномъ изъ медресе (высшее училище) они должны вступить на стезю и пройти извѣстное количество ступеней суфійскаго совершенства. Срокъ этого достиженія опредѣляется усмотрѣніемъ пира и на практикѣ зависитъ отъ многихъ постороннихъ причинъ, какъ напр. происхожденія претендента изъ семей ишановъ или одного изъ почитаемыхъ мусульманами арабскихъ племенъ (эвлядъ), денежныхъ пожертвованій и пр.

Когда пиръ находитъ срокъ послушанія оконченнымъ и претендента достойнымъ посвященія въ ишаны, онъ выдаетъ ему бумагу (иджазе) за своею печатью и отпускаетъ на родину для религіознаго руководства его будущей паствы. Закаспійскіе ишаны принадлежатъ къ мѣстнымъ урожденцамъ и происходятъ за рѣдкимъ исключеніемъ изъ племенъ арабскаго происхожденія. Они не считаютъ себя принадлежащими ни къ какому опредѣленному дервишскому ордену, но тѣмъ не менѣе связь между ними и посвятившими ихъ пирами не прекращается, и они остаются въ безпрекословномъ повиновеніи у своихъ бывшихъ духовныхъ наставниковъ до конца своей жизни, посылаютъ имъ пожертвованія и испрашиваютъ ихъ благословенія во всѣхъ своихъ важныхъ начинаніяхъ. Аскетизмъ ишановъ не мѣшаетъ ихъ семейной жизни. Всѣ они имѣютъ женъ и болѣе или менѣе многочисленное потомство.

Назначеніе ишана быть посредникомъ между правовѣрными и Богомъ. Онъ долженъ быть печальникомъ предъ Богомъ за свою паству и наставлять ее въ дѣлахъ благочестія. Вторую цѣль онъ достигаетъ нравственнымъ воздѣйствіемъ на приходящихъ къ нему почитателей, внушеніемъ благочестивыхъ мыслей, наставленіями и, главное, распространеніемъ просвѣщенія въ духѣ мусульманской религіи. Для этой цѣли при большинствѣ ишановъ имѣются медресе.

Популярность ишана опредѣляется количествомъ его почитателей, жертвователей и мюридовъ и зависитъ отъ степени отрѣшенія его отъ мірской жизни и способности нравственнаго воздѣйствія на окружающихъ. Нѣкоторые ишаны имѣютъ громадное число почитателей и популярны даже за предѣлами области. Почитатели ишана составляютъ его паству. Связь между ишаномъ и паствою выражается въ посѣщеніяхъ для общей съ нимъ молитвы, полученія внушеній и наставленій въ вѣрѣ.

Зачастую ишаны занимаются леченіемъ (отчитываніемъ) нервныхъ болѣзней, безплодія женщинъ и пр.

Ишаны въ зависимости отъ степени своей популярности получаютъ болѣе или менѣе значительные доходы, которые состоятъ обыкновенно изъ доли общественной воды, даваемой въ даръ ауломъ, въ которомъ ишанъ живетъ, заката, подарковъ и пожертвованій, приносимыхъ почитателями и мюридами ишана. Сверхъ того ишаны зачастую имѣютъ доходъ отъ леченія больныхъ и писанія амулетовъ, спасающихъ отъ болѣзни и дурного глаза.

Такъ какъ ишаны по уставу суфизма должны быть бѣдными и не заниматься стяжаніемъ, то почти всѣ свои доходы они должны расходовать на дѣла благотворительности, содержаніе училищъ, помощь бѣднымъ и пр.

Несмотря на религіозный индеферентизмъ туркменъ, вліяніе на нихъ ишановъ весьма значительно. Съ помощью многочисленной кланки обучающихся въ ихъ медресе муллъ, мюридовъ, почитателей и поклонниковъ, вѣрующихъ въ нихъ какъ въ святыхъ, наиболѣе популярные ишаны могутъ вліять на народъ и заставлять его исполнять свою волю и совѣты.

Лица, желающія послужить Богу, дѣлаются мюридами ишана, т. е. поступаютъ къ нему на послушаніе. Нѣкоторые изъ мюридовъ постоянно живутъ у ишана для служенія при его особѣ, его мечети или медресе, другіе же живутъ по ауламъ и являются по его зову для обработки его полей, возки дровъ, поѣздокъ за сборомъ пожертвованій и выполненія тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ работъ. Наибольше достойные изъ мюридовъ за долгую службу и подвиги смиренія и послушанія, а иногда и за деньги получаютъ почетное званіе „софи“ (благочестивый) и отпускаются на свободу. Это званіе закаспійскими ишанами дается весьма рѣдко, такъ что всѣхъ софи въ области не болѣе сотни. Кромѣ званія „софи“ мѣстные ишаны не даютъ никакихъ иныхъ духовныхъ степеней.

Потомство ишановъ такъ же пользуется извѣстною долей почета среди населенія и вся прямая нисходящая линія прибавляетъ къ своему имени званіе „ишанъ“, хотя не пользуется никакими духовными правами. Имѣть ишана или членовъ его потомства въ аулѣ туркмены считаютъ дѣломъ богоугоднымъ, а потому зачастую аульное общество содержитъ ихъ на свой счетъ, выделяя долю общественной воды и давая часть закята.

Послѣ ишановъ, по своему духовному рангу, слѣдуютъ казіи и муллы.

Казіями называются лица, изучившія шаріатъ въ одномъ изъ главныхъ медресе и получившія бумагу на это званіе отъ Хивинскаго хана или Бухарскаго эмира.

Со времени водворенія русскаго владычества въ области, насколько намъ извѣстно, бумагъ на званіе казіи русско-подданнымъ туркменамъ не выдавалось, а потому, за смертью стариковъ, число казіевъ въ области сократилось до нѣсколькихъ человѣкъ.

До прихода русскихъ, казіи разбирали по правиламъ шаріата судебныя дѣла между обращающимися къ нимъ туземцами, но, какъ мы уже имѣли случай указывать выше, несоотвѣтствіе обычнаго права съ шаріатомъ съ давнихъ поръ ограничило ихъ компетенцію дѣлами бракоразводными и по раздѣлу наслѣдства, такъ-какъ всѣ остальные дѣла

отошли въ вѣдѣніе акъ-сакаловъ и кетхудовъ на правахъ третейскихъ судей. Въ настоящее время роль казіевъ низведена еще ниже, и они обратились въ экспертовъ по шаріату при народномъ судѣ, а потому и потеряли большую часть своего значенія. Муллами называются у туркменъ всѣ грамотные туземцы, знающіе необходимый для совершенія немногочисленныхъ требъ подборъ молитвъ. Большинство туркменскихъ муллъ получили образованіе въ мѣстныхъ туземныхъ начальныхъ школахъ (мектебе) и умѣютъ только читать и писать, а потому и не имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, значительнаго авторитета среди населенія. Муллы, учившіеся въ высшихъ духовныхъ школахъ (медресе) и знающие нѣсколько съ арабскимъ языкомъ и шаріатомъ, пользуются извѣстнымъ почетомъ, если при этомъ они строго исполняютъ весь ритуалъ туркменскаго благочестія. Кромѣ исполненія требъ, лучшіе изъ муллъ занимаются преподаваніемъ въ низшихъ туземныхъ школахъ, состоятъ имамами при мечетяхъ и служатъ мирзами (писарями) при аульныхъ старшинахъ.

При слабомъ развитіи грамотности въ народѣ, такихъ муллъ имѣется всего по нѣскольку человѣкъ на аулѣ.

Вышеприведеннымъ перечнемъ исчерпываются всѣ лица, могущія быть причисленными къ духовному сословію.

Кромѣ нихъ, среди туркменскаго населенія существуетъ сословіе, занимающее особое положеніе, основанное на религіозной почвѣ. Это—остатки арабскихъ племенъ, производящихъ свое происхожденіе отъ первыхъ мусульманскихъ халифовъ и называемые населеніемъ именемъ „эвлядъ“. Къ этому сословію принадлежатъ племена: махтумъ, шихъ, хаджа и ата, разселенные въ большинствѣ случаевъ мелкими группами среди туркменскихъ ауловъ.

Туркмены считаютъ пребываніе эвлядовъ въ своихъ аулахъ за дѣло богоугодное, но тѣмъ не менѣе не дѣлаютъ ихъ равноправными членами аульныхъ обществъ и не даютъ имъ общественной воды. Эвлядамъ оказываютъ нѣкоторый почетъ и даже даютъ закятъ тѣмъ изъ нихъ, которые ведутъ благочестивый образъ жизни. Это условіе обращаетъ ихъ въ людей профессиональнаго благочестія. Въ свою оче-

редь, эвляды гордятся своимъ арабскимъ происхожденіемъ и не смѣшиваются съ туркменами при помощи браковъ. Принадлежа къ древнимъ обитателямъ страны, покоренной туркменами, племена эти занимаютъ зависимое отъ послѣднихъ положеніе, основанное на правахъ завоевателя къ побѣжденному, каковое положеніе не измѣнилось и съ водвореніемъ въ край русской власти, утвердившей право собственности на воду въ рукахъ послѣднихъ владѣльцевъ.

Къ этому сословію, за рѣдкимъ исключеніемъ, принадлежатъ всѣ ишаны.

Указавъ на лицъ, такъ или иначе принадлежащихъ къ религіозному культу туркменъ, скажемъ нѣсколько словъ о такихъ же учрежденіяхъ. Сюда можно отнести мечети, кумбеты (надгробія святыхъ) и духовныя учебныя заведенія: мектебе (низшая школа) и медресе (высшая духовная школа).

Кочевой и полукочевой образъ жизни туркменъ мало благоприятствовалъ устройству постоянныхъ молитвенныхъ домовъ или мечетей. У кочевыхъ туркменъ мечетей не существуетъ вовсе и вмѣсто нихъ обыкновенно для совмѣстной молитвы выравнивается площадка, которая обносится маленькимъ землянымъ валикомъ. Въ мѣстахъ осѣлости существуютъ немногочисленныя мечети, представляющія изъ себя невзрачное продолговатое глинобитное зданіе, отличающееся отъ обыкновенной туземной сакли развѣ своими нѣсколькими большими размѣрами. Ни внутри, ни снаружи туркменскія мечети не имѣютъ никакихъ украшеній и убранства, показывающихъ заботливость прихожанъ объ ихъ благоустройствѣ. Посѣщеніе мечетей для совмѣстной молитвы не въ обычаѣ населенія. Каждый туркменъ обыкновенно молится отдѣльно, около своей кибитки, сядя на разостланный на землѣ халатъ и обращаясь лицомъ въ сторону Межки (кибле). Исключеніе составляютъ лишь мечети при ишанахъ или извѣстныхъ своимъ благочестіемъ муллахъ, собирающихъ извѣстный контингентъ молящихся.

Кумбеты и эвля, представляющія изъ себя куполообразной формы постройки, возведенныя на могилахъ благочестивыхъ праведниковъ, обыкновенно ишановъ, также служатъ предметомъ религіознаго почитанія туркменъ. Святой,

могила котораго находится въ данной мѣстности, считается какъ-бы ея покровителемъ и мѣсто вокругъ его могилы служитъ обыкновенно мѣстомъ погребенія для сосѣднихъ ауловъ.

Изъ всѣхъ учреждений религіознаго характера безспорно заслуживаютъ особаго вниманія туземныя учебныя заведенія, какъ учрежденія, имѣющія большое вліяніе на духовную жизнь народа и служащія для укрѣпленія въ немъ мусульманскихъ міровоззрѣній. Школа есть единственная связь туземнаго культа съ мусульманствомъ въ его чистомъ видѣ, единственный проводникъ въ народѣ столь разошедшихся съ народнымъ обычаемъ шаріатскихъ постановленій. Поэтому мы считаемъ нужнымъ остановиться здѣсь болѣе подробно на вопросѣ о постановкѣ туземнаго образованія, тѣмъ болѣе, что вопросу этому было уделено весьма мало мѣста въ другихъ современныхъ изслѣдованіяхъ по мусульманству.

У туркменъ, какъ народа, переживающаго младенческій періодъ умственнаго развитія, не могло существовать своей собственной науки.

Вмѣстѣ съ мусульманской религіей они восприняли общій всѣмъ мусульманамъ взглядъ, что единственная наука есть та, которая заключается въ изученіи мусульманской религіи, и что она обнимаетъ собою всѣ знанія, нужныя правовѣрному. Такой взглядъ на науку проводится во всей Средней Азіи настолько послѣдовательно, что даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Бухары и Хивы не проходятся первыя три правила ариметики, не говоря уже о другихъ общеобразовательныхъ предметахъ.

Среднеазиатская мусульманская наука въ высшей степени консервативна и не допускаетъ никакихъ нововведеній. Способъ преподаванія, подборъ учебныхъ книгъ и порядокъ ихъ изученія остались, очевидно, безъ всякихъ измѣненій со временъ глубокой древности и, будучи пересажены цѣликомъ отъ арабскихъ законодателей къ народамъ, говорящимъ языкомъ совершенно другого корня, представляютъ въ настоящее время совершенно непонятный анахронизмъ. Туркмены восприняли мусульманскую науку изъ Бухары и Хивы безъ всякихъ измѣненій. Ихъ школы есть сколки въ ми-

ниатюръ съ таковых же школъ вышеуказанныхъ ханствъ съ тою лишь разницею, что здѣсь проходятъ меньше книгъ и съ еще меньшимъ пониманіемъ ихъ смысла, такъ какъ сами учителя зачастую такового не понимаютъ.

Учебныя заведенія у туркменъ существуютъ двухъ типовъ: „mektebe“ — низшая и „medrese“ — высшая духовная школа.

Низшая школа имѣется въ каждомъ аулѣ по одной, а иногда и по нѣскольکو штукъ.

Она обыкновенно помѣщается въ туркменской кибиткѣ, кочуетъ вмѣстѣ съ ауломъ, если таковой переходитъ съ мѣста на мѣсто. Во главѣ школы стоитъ учитель изъ мѣстныхъ муллъ, получающій плату по соглашенію съ родителями учениковъ. Плата эта колеблется между 20 и 40 краями за полугодичный семестръ. Интерната при школѣ не имѣется. Въ школу принимаются мальчики въ возрастѣ отъ 7 до 17 лѣтъ и учатся въ теченіи 2—3 лѣтъ, смотря по успѣхамъ въ наукахъ. Занятія производятся только около 6 мѣсяцевъ въ году, осенью, зимою и весною; на остальное время дѣти распускаются по домамъ.

Въ программу низшей школы входятъ слѣдующіе учебники, проходимые неизмѣнно въ показанномъ ниже порядкѣ.

1) Арабская азбука и склады. Учебникомъ служатъ деревянные дощечки съ крупно написанными на нихъ буквами.

2) Коранъ на арабскомъ языкѣ. Изученіе начинаютъ съ наиболее легкой послѣдней его части (хевтекъ). Читаютъ механически безъ перевода и пониманія въ теченіи отъ 6-ти мѣсяцевъ до 1 года.

3) Раунекъ — стихотворный сборникъ на тюркскомъ языкѣ, содержащій притчи и поученія религіознаго содержания. Читаютъ около 2-хъ мѣсяцевъ.

4) „Софи Аллаяръ“ — стихотворный сборникъ на тюркскомъ языкѣ, сильно перемѣшаннымъ съ арабскими словами. Читаютъ около 3-хъ мѣсяцевъ безъ перевода и пониманія.

5) „Нованъ“ — стихотворный сборникъ на такомъ же, какъ и предыдущій, языкѣ, весьма трудномъ для пониманія; читаютъ около 3-хъ мѣсяцевъ.

6) „Хафизи-ширази“ — стихотворный сборникъ на фарсидскомъ языкѣ, весьма трудный по содержанію, непонятный для громаднаго большинства учителей.

Обученіе письму начинается послѣ чтенія корана и заключается въ копировкѣ съ рукописныхъ книгъ.

Чтенію арабскихъ и фарсидскихъ книгъ не предпосылается никакого ознакомленія учащихся съ грамматикою этихъ языковъ, а также никакого перевода или объясненія смысла прочитаннаго, причемъ все обученіе сводится лишь къ механическому чтенію, а потому изъ курса низшихъ школъ учащіеся не получаютъ никакого ознакомленія съ основами мусульманскаго вѣрованія.

Низшая школа даетъ званіе муллы, не снабжая окончившихъ курсъ никакимъ письменнымъ аттестатомъ.

Высшія школы (медресе) помѣщаются въ мѣстахъ осѣдлости ауловъ въ нарочито построенныхъ для того сооруженіяхъ, состоящихъ обыкновенно изъ обширнаго двора квадратной формы, окруженнаго по краямъ цѣлымъ рядомъ маленькихъ келій (худжре) съ куполообразными крышами для помѣщенія учениковъ и болѣе обширной постройки для мечети. Медресе строятся и содержатся обыкновенно ишанами, которые являются иногда преподавателями, но чаще почетными блюстителями этихъ заведеній. Всѣ расходы по содержанію медресе производятся ишаномъ изъ получаемыхъ имъ добротныхъ приношеній населенія. За обученіе съ учащихся никакой платы не взимается. Всѣ учащіеся, которыми являются прошедшіе курсъ низшей школы муллы, живутъ въ интернатѣ на полномъ или чаще половинномъ пансіонѣ, за счетъ ишана. Учителемъ является или самъ ишанъ, или мулла съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, полученнымъ въ большинствѣ случаевъ въ школахъ Хивы и Бухары. Учитель получаетъ отъ 50 до 70 текинскихъ тумановъ въ годъ жалованья, кромѣ продовольствія и одежды.

Ученіе продолжается круглый годъ, за исключеніемъ мѣсяца Ораза (текинскаго великаго поста), когда ученики отпускаются по домамъ и занятій не производится. Время ваката не совпадаетъ съ какимъ-либо опредѣленнымъ временемъ года, такъ какъ лунные мѣсяцы мусульманскаго ка-

лендара ежегодно бывают въ разное время, такъ что восемь лѣтъ тому назадъ вакаціонный мѣсяцъ приходился на іюль, а въ 1898 году — на декабрь и январь. Для классныхъ занятій ученики не собираются въ общую классную комнату, и таковой въ медресе вовсе не имѣется. Учатся по своимъ кельямъ, по одиночкѣ, или по два человека вмѣстѣ. Ученіе начинается раннимъ утромъ, послѣ утренней молитвы (намаза) и продолжается до полудня, когда ученики обѣдаютъ, и за тѣмъ снова начинается послѣ второй молитвы, читаемой около 2-хъ часовъ дня, и продолжается до заката солнца. Учитель обходитъ келіи учениковъ и проверяетъ знанія ихъ уроковъ или вызываетъ ихъ для этой цѣли въ свою саклю. Остальное время ученіе производится подъ наблюдениемъ старшихъ (хадифе), которые назначаются по одному на каждыхъ 5—6 учениковъ изъ наиболее знающихъ и долго учащихся въ медресе муллъ. Зачастую занятія продолжаютъ и по наступленіи темноты и, по неимѣнію освѣщенія, обыкновенно заключаются въ чтеніи безъ книгъ, на память.

Программа медресе весьма обширна и для прохожденія ея полностью необходимо отъ 10 до 15 лѣтъ времени. Большинство учащихся проходитъ лишь часть курса, затрачивая на это отъ 5 до 8 лѣтъ.

Программа состоитъ въ чтеніи въ послѣдовательномъ, всегда неизмѣнномъ, порядкѣ слѣдующихъ учебниковъ, написанныхъ исключительно на арабскомъ языкѣ:

1) „Факхы-Кейдани“ — религиозныя поученія на арабскомъ языкѣ, съ переводомъ на фарсидскій. Приблизительный срокъ изученія — 6—7 мѣсяцамъ.

2) „Фаранзъ“ — шаріатскія постановленія о раздѣлѣ наследства; читаютъ около 6—7 мѣсяцевъ.

3) „Мухтесеръ-Уль-Викаіе“ — книга, обнимающая, вмѣстѣ съ двумя слѣдующими, всѣ части шаріата; читаютъ отъ 1 до 1 1/2 лѣтъ.

4) „Шерхъ-Уль-Викаіе“; читаютъ отъ 2 до 2 1/2 лѣтъ.

5) „Хидаіе“ — отъ 2 до 2 1/2 лѣтъ.

Чтеніе сопровождается объясненіями на арабскомъ языкѣ.

Этими книгами, а иногда лишь отрывками изъ этихъ книгъ исчерпывается наука въ большинствѣ существующихъ въ Закаспіи медресе. Лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учителя болѣе образованы, проходятъ дальнѣйшую программу бухарскихъ медресе, которая состоитъ изъ чтенія слѣдующихъ книгъ:

6) „Наху“ (5—6 лѣтъ); 7) „Шемсіе-Хашіе“ (2 года); 8) „Акаидъ“ (3 года); 9) „Техдибъ“; 10) „Тавзихъ“; 11) „Хикметъ“; 12) „Мулла Джелаль“, и 14) „Тавсиръ Казі Бейзави“.

Всѣ эти книги, какъ нами указывалось выше, написаны на непонятномъ для туркменъ арабскомъ языкѣ*) и читаются безъ перевода. Тѣмъ не менѣе, послѣ непродолжительной затраты массы времени и труда, учащійся совершенно механически осваивается съ арабской рѣчью и до известной степени начинаетъ понимать ее.

Что касается до общеобразовательныхъ наукъ и ознакомленія съ литературой, грамматикой и правописаніемъ своего собственнаго языка, то въ этомъ направленіи, какъ въ медресе, такъ и въ мектебе, не дѣлается рѣшительно никакихъ попытокъ и ученики оканчиваютъ курсъ высшей школы такими же неучами въ образовательномъ смыслѣ, какими они туда поступаютъ. Такова общая картина постановки учебнаго дѣла въ туземныхъ школахъ.

Если принять во вниманіе, что шаріатскія книги проникнуты духомъ презрѣнія къ иновѣрцамъ (кифирамъ), духомъ религиозной нетерпимости и убѣжденіемъ, что мусульмане должны восторжествовать надъ невѣрными во всемъ мірѣ, понятно, что изученіе этихъ книгъ тѣмъ болѣе въ теченіи такого долгаго срока, какъ это дѣлается въ медресе, нисколько не поднимаетъ общаго уровня умственнаго развитія учащихся молодыхъ людей, можетъ только развить въ нихъ мусульманскій фанатизмъ, тѣмъ болѣе, что преподаваніе въ медресе, какъ мы уже указывали выше, ведется, почти исключительно муллами, фанатизированными въ бухарскихъ и

*) Арабскій языкъ принадлежитъ къ семитическому корню, не имѣющему ничего общаго съ корнемъ тюркскаго языка.

хивинскихъ школахъ. А потому, смотря съ точки зрѣнія русскаго дѣла въ краѣ, развитіе туземнаго богословскаго образованія является по меньшей мѣрѣ нежелательнымъ. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что за время русскаго владычества въ краѣ увеличилось количество какъ высшихъ, такъ и низшихъ туземныхъ школъ, а также увеличилось общее число учащихся и расширилась проходима въ школахъ программа. Такъ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ по Асхабадскому уѣзду видно, что до прихода русскихъ существовало только 5 медресе въ аулахъ Аннау, Кеши, Багиръ, Херриъ Кала и Дурунъ. За время русскаго владычества число медресе въ Асхабадскомъ уѣздѣ удвоилось открытіемъ 5 новыхъ въ аулахъ: Корджоу, Безменъ, Геокъ-Тене 3-й, Казанджикъ и Караганъ. По словамъ свѣдующихъ лицъ изъ туземцевъ значительное увеличеніе произошло и въ числѣ низшихъ школъ, хотя точныхъ свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ подъ руками. Такимъ образомъ въ одномъ Асхабадскомъ уѣздѣ и всего на пространствѣ 120 верстъ отъ ст. Аннау до ст. Бахарденъ вдоль линіи желѣзной дороги мы имѣемъ 10 духовно-учебныхъ заведеній высшаго типа, цифра весьма значительная, если принять во вниманіе незначительную густоту населенія.

Нежелательность упроченія среди населенія мусульманскихъ идей, несвойственныхъ массѣ туркменскаго населенія, давно уже сознавалась администраціей, что выразилось въ строгомъ контролѣ за постройкою новыхъ мечетей и наблюденіемъ за дѣятельностью муллъ, приходящихъ изъ сосѣднихъ съ Закаспійской областью ханствъ.

Но вопросъ о народномъ образованіи, одномъ изъ главныхъ факторовъ проникновенія и развитія въ народѣ мусульманскаго фанатизма, находился до сего времени внѣ всякаго фактическаго контроля. Медресе открывались безъ всякаго спроса и разрѣшенія и такимъ же образомъ назначались въ нихъ преподаватели. Молодые люди свободно ѣздили въ Бухару для завершенія тамъ своего богословскаго образованія, съ тѣмъ, чтобы быть въ послѣдствіи наставниками новыхъ поколѣній и продолжать начатую ишанами мусульманскую пропаганду. Ишаны и духовенство хорошо сознаютъ, что учебныя заведенія есть лучшее въ ихъ рукахъ орудіе къ воспитанію мусульманскаго

духа въ населеніи и съ замѣчательной послѣдовательностью и настойчивостью дѣлаютъ свое дѣло. Необходимо противо-дѣйствовать ихъ стремленіямъ, ограничивая ихъ дѣятельность и развивая въ народѣ образованіе въ духѣ вѣротерпимости и уваженія къ русской власти и культурѣ. Борьба уже началась съ введеніемъ первыхъ русско-туземныхъ школъ. Ишаны поняли опасность и всѣми силами стараются противо-дѣйствовать ихъ дѣятельности, внушая населенію, что поступленіе въ эти школы есть дѣло богопротивное: измѣна старымъ обычаямъ, шагъ къ обрусѣнію. Результаты этого противо-дѣйствія намъ извѣстны: рядомъ съ полными мектебами и медресе немногочисленные русско-туземныя школы почти пустуютъ. Выражаемъ надежду, что настоящій вопросъ будетъ подвергнутъ болѣе детальному изученію и нежелательному развитію мусульманскихъ идей въ народѣ и агитаціи ишановъ будетъ противопоставлено противо-дѣйствіе ихъ же оружіемъ: ограниченіемъ развитія духовной школы и постепенной замѣною ея и надлежащей постановкой русско-туземной школы.

О. Михайловъ.

слагались исключительно изъ домашнихъ мелкихъ элементовъ. Черная изъ своей скудной обстановки матеріалы для воображенія и фантазіи, они и до сихъ поръ остаются недостаточно вооруженными отъ вторженія въ ихъ духовную жизнь какихъ нибудь дикихъ началъ, которыя способны будутъ еще не разъ перевернуть вверхъ дномъ все ихъ міровоззрѣніе. Поэтому, при другой соціальной обстановкѣ такія явленія какъ арабскія или индійскія сказки, а пожалуй даже и исламъ, едва ли были бы мыслимы.

Воображеніе и фантазія, не имѣя подъ собою конкретной почвы, естественно приводятъ къ возникновенію суевѣрія, а послѣднее къ порожденію обычаевъ, составляющихъ ничто иное какъ рядъ суевѣрныхъ ритуаловъ, установленныхъ на разные житейскіе случаи.

Изъ всѣхъ мусульманскихъ народовъ и народцевъ первое мѣсто, въ отношеніи количества и качества суевѣрія, а равно вытекающихъ изъ него обычаевъ, безспорно занимаютъ арабы. Пылкая фантазія этихъ сыновъ пустыни уже сослужила историческую службу ихъ знаменитому соплеменнику Мухаммеду въ дѣлѣ насажденія имъ не менѣе фантастическаго ученія. Распространеніе этого ученія за предѣлами Аравійскаго полуострова, какъ извѣстно, вездѣ встрѣтило однородную почву, хотя и имѣвшую собственные устои, въ видѣ вѣкового суевѣрія и обычаевъ; но эта защита оказалась слишкомъ слабою для противодѣйствія новому движенію; тѣмъ болѣе, что оно часто опиралось на оружіе. Поэтому, столкнувшись съ мѣстными духовными элементами, новое ученіе само было вынуждено претерпѣть нѣкоторые измѣненія, породившія въ первое же время различные толки и секты. Но, дойдя до демаркаціонной линіи, съ которой скидки и уступки оказались уже невозможными безъ явной опасности подвергнуться саморазрушенію, мухаммеданское ученіе застыло въ неподвижной догматикѣ, далеко не дающей отвѣтовъ на ежедневно предъявляемые жизнью запросы. Не получая этихъ отвѣтовъ ни отъ корана, ни отъ хадисовъ, ни отъ другихъ дополнительныхъ установленій, прозелиты и неофиты мухаммеданства естественно пополняли недостающіе пробѣлы своими племенными суевѣріями и

обычаями, которые, какъ не предусмотрѣнные кораномъ, сохранили свою силу и на будущія времена. Въ результатѣ получился весьма пестрый духовный союзъ, въ которомъ коранъ искалъ подкрѣпленій для себя въ суевѣріяхъ и обычаяхъ, а послѣдніе старались освятиться первымъ.

Такимъ образомъ возникъ шаріатъ, который, при всей своей пространности, для нѣкоторыхъ народовъ оказался все-же недостаточнымъ при рѣшеніи встрѣтившихся житейскихъ вопросовъ. Поэтому явилась необходимость въ дополненіяхъ и къ шаріату. У киргизъ, напримѣръ, такимъ дополненіемъ служитъ *эредже*, т. е., сводъ обычаевъ, установленныхъ на разные случаи.

Тѣмъ не менѣе, въ самой догматической части мухаммеданскаго ученія остались невосполненные пробѣлы, которые, насколько можно судить по внѣшнимъ проявленіямъ мусульманской жизни, существуютъ и въ настоящее время и обусловливаютъ возникновеніе и процвѣтаніе многочисленныхъ религіозныхъ мухаммеданскихъ сектъ, съ весьма разнообразными духовными оттѣнками и разнородными внѣшними ритуалами.

Изъ всѣхъ мусульманскихъ народностей, подвластныхъ Россіи, самыми плохими исламитами слѣдуетъ признать нашихъ киргизъ. Кочевой образъ жизни, на весьма впрочемъ ограниченномъ пространствѣ, и постоянное общеніе съ природою заставили киргиза сосредоточить все свое вниманіе на реальныхъ явленіяхъ, которыя онъ въ предѣлахъ своихъ нуждъ понимаетъ въ совершенствѣ. Между тѣмъ, отсутствіе въ степи авторитетныхъ муллъ, которые были бы способны безапелляціонно приурочивать естественныя явленія природы и жизни къ указаніямъ корана, сдѣлало мусульманство въ глазахъ номада чѣмъ то настолько абстрактнымъ, что онъ, при своемъ невѣжественномъ умѣ, даже и не пытается подвергнуть его хотя самому поверхностному анализу и потому вѣрить въ этотъ дѣлѣ на слово и волостному муллѣ и первому встрѣчному проходивцу. Прибавить къ этому отсутствію крупныхъ памятниковъ мусульманской силы, а главное, отсутствію того, что называется религіозными чудесами и канонизаціей святыхъ и будетъ понятно, что у нищаго

духомъ номада нѣтъ даже слабой точки опоры для сконцентрированія тѣхъ обрывковъ религіозныхъ понятій, которыя были ему завѣщаны ближайшими преемниками пророка. Между тѣмъ, накопившіеся вѣками суевѣрные обычаи рѣшительно пропитали жизнь кочевника подобно тому какъ вода пропитываетъ сухую губку. Нѣтъ такого житейскаго положенія, нѣтъ такого случая въ домашнемъ быту киргиза, который не былъ бы предусмотрѣнъ съ той или иной стороны всецѣльнымъ обычаемъ. Появляется-ли у кочевника новорожденный, совершается-ли свадьба или похороны, собирается-ли киргизъ въ путь или возвращается обратно, принимаетъ-ли онъ гости, совершается-ли куплю, продажу, мѣну и т. д., онъ неизбѣжно долженъ считаться съ обычаемъ. Обычай руководитъ поступками номада отъ момента появленія его на свѣтъ и до самой могилы. Можно смѣло сказать, что степь полна обычаями и связанными съ учрежденіемъ ихъ преданіями. Правда, послѣднихъ никто хорошенько не знаетъ и всѣ взаимно полагаются въ этомъ отношеніи другъ на друга, но въ то же время всѣ дружно сознаютъ, что въ основѣ каждаго обычая есть свое преданіе. Даже въ простой бесѣдѣ съ собой подобнымъ киргизъ держится тона, порядка и приемовъ, предписанныхъ обычаемъ, дабы не затронуть съ той или другой стороны неудобныхъ вопросовъ. Если у культурныхъ народовъ есть понятія, касаться которыхъ въ бесѣдахъ не принято, то у сына степей такихъ понятій необъятное количество. Извольте тутъ лавировать! А онъ обязанъ стоять, сидѣть, лежать, разговаривать и молчать съ постоянною осмотрительностью. Онъ женится, ѣздитъ въ гости къ старшимъ, равнымъ и младшимъ, знакомымъ и незнакомымъ, даритъ и принимаетъ отдачи, — съ педантизмомъ, требуемымъ обычаями, которые знаетъ наперечетъ съ дѣтства. Словомъ, вся его несложная жизнь, на пространствѣ кочевковъ и степныхъ отношеній, построена на извѣстныхъ ритуалахъ, за соблюденіемъ которыхъ слѣдитъ цѣлый родъ и это одна изъ главныхъ причинъ живучести киргизскихъ обычаевъ. Сохраненіе этихъ обычаевъ нашимъ законодательствомъ, съ признаніемъ за ними значительной юридической силы, съ которой должны

сообразоваться всѣ лица мѣстнаго управленія, составляетъ другую важную причину ихъ прочности и крѣпости.

При такихъ условіяхъ киргизу дѣйствительно трудно уяснить себѣ, что именно для него важнѣе — религіозная ли догматика или обычай. Нарушеніе первой угрожаетъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ въ загробной жизни, а неуваженіе къ послѣднему общаетъ реальныя непріятности непосредственно.

При столкновеніи съ культурою, выходящею изъ понятія киргиза, т. е., неизвѣстною ни корану, ни обычаю, кочевникъ какъ будто бы терлется и словно впадаетъ въ младенчество. Не разгадавъ сразу непонятнаго ему явленія, онъ по внѣшности обнаруживаетъ всѣ признаки подчиненія его дѣйствию, если это требуется обстоятельствами. Въ дѣйствительности же, онъ съ хитростью, достойною восточнаго воспитанія, лишь маскируетъ свое замѣшательство предъ новинкою, стараясь въ то же время подыскать подходящія подъ этотъ случай указанія обычая. Но если такихъ указаній не отыскивается, то киргизъ будетъ наивничать предъ непріятнымъ ему явленіемъ всю жизнь, и скорѣе истощитъ терпѣніе у десятка своихъ просвѣтителей, чѣмъ поступится обычаемъ хоть на одну іоту.

Люди, имѣющіе дѣла съ нашими туземцами вообще, знаютъ, насколько трудно провести въ эту полудикую среду самыя простѣйшія и разумнѣйшія начала, если они не предусмотрѣны ни кораномъ, ни обычаями. Недовѣріе и хитрость у туземцевъ на первомъ планѣ, и оптимисты, вѣрящіе въ скорое обрусѣніе этихъ народцевъ, не должны забывать, что за пятьсотъ лѣтъ нашего управленія татарами послѣдніе остались только чистокровными татарами, а средне-азиатскими инородцами мы управляемъ всего только нѣсколько десятковъ лѣтъ...

Всѣ родовые, племенные и религіозные обычаи у туземцевъ имѣютъ между собою тѣснѣйшую связь и нарушение одного изъ нихъ влечетъ за собою нарушение всѣхъ остальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ открытое осужденіе всѣхъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ. Поэтому, ради сохраненія неприкосновенности обычая, киргизъ изворачиваетъ

вается, обманывается, прикидывается ничего непонимающим; самые простые и ясные понятия получают въ его глазахъ дикіе размѣры. Ему такъ и кажется, что если онъ отступитъ отъ обычной политики лганья и обмановъ и скажетъ иноплеменику правду, то вселенная немедленно перевернется вверхъ дномъ, выѣстъ съ дорогими обычаями.

Вотъ почему такъ трудно иногда бываетъ добиться отъ киргизъ, да и вообще отъ нашихъ азіатскихъ народностей, самыхъ невинныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для администраціи, но совершенно бесполезныхъ для нихъ самихъ. Скрывается истинное число кибитковладѣльцевъ въ аулахъ и волостяхъ, скрывается количество скота у кочевниковъ и размѣры сельскаго хозяйства у осѣдлыхъ туземцевъ, скрывается число ремесленниковъ въ обществахъ, число грамотныхъ, слѣпыхъ, больныхъ и т. д. Тутъ, конечно, есть свои выгоды и для отдѣльныхъ членовъ и для цѣлыхъ обществъ. Приходится опасаться увеличенія размѣра податей, устройства школъ, больницъ, богадѣленъ и проч. Но въ общемъ, все это для инородца непонятно и не соответствуетъ обычаямъ. Поэтому можно сказать, что, не смотря на произведенную въ 1897 г. первую всеобщую перепись, мы въ дѣйствительности точнаго числа нашихъ туземцевъ не знаемъ: наши счетчики записали въ переписные листы лишь то, что отъ нихъ не могло быть скрыто...

А что касается приведенія въ извѣстность числа порочныхъ членовъ въ обществахъ и лицъ, проживающихъ въ средѣ этихъ обществъ безъ установленныхъ видовъ на жительство, то эти вопросы еще на долго будутъ оставаться платоническими вождѣльніями русской администраціи.

Все это явленія, обуславливающіяся обычаями, въ соблюденіи которыхъ мусульманскія племена отличаются, какъ выше сказано, рѣдкою солидарностью. Автору настоящей статьи, служащему въ составѣ туземнаго управленія, еще ни разу не удавалось видѣть случая, чтобы киргизскія или иныя мусульманскія общества (таранчинскія, сартовскія, дунганскія) когда либо отказали въ выдачѣ приговора о принятіи въ свою среду однообщественниковъ, опороченныхъ судомъ и подлежащихъ поэтому, по отбытіи тюремнаго за-

ключенія, административной ссылки. Характерно то, что въ подобныхъ приговорахъ хвастливо заявляется, что общества пришли къ своему рѣшенію единогласно. Точно также почти неизвѣстны случаи, чтобы перечисленные народности добровольно доставляли къ властямъ тѣхъ однообщественниковъ, которые, за совершенныя тяжкія преступленія, подлежатъ принудительному отчужденію отъ обществъ. Но если содѣянное преступленіе не важно и преступнику грозитъ лишь срочное заключеніе въ тюрьмѣ, то иногда преступныя лица представляются по начальству, но отнюдь не обществами, а отдѣльными вліятельными общественниками, рассчитывающими на полученіе какой либо награды, могущей усилить общественное значеніе поимщика. То же самое можно наблюдать и въ дѣлѣ задержанія приговоренныхъ общими судебными мѣстами къ тюремному заключенію лицъ, старающихся по обыкновенію отдалить срокъ своего наказанія. Въ подобныхъ случаяхъ почти всегда совершается между задержаннымъ и задержавшимъ предварительная сдѣлка, приносящая извѣстныя выгоды обѣимъ сторонамъ.

Вообще обычай устанавливаетъ довольно таки отрицательный взглядъ на челоѣка, побывавшаго въ тюрьмѣ и потому преступный туземецъ всѣми силами старается отъ нея отдѣлаться или по крайней мѣрѣ оттянуть свое заключеніе насколько возможно, наивно предполагая, что авось подлежащее начальство когда нибудь или забудетъ о немъ, или переведется на службу въ другую мѣстность и онъ останется ненаказаннымъ.

Нахожденіе въ составѣ обществъ огромнаго числа лицъ, судившихся и отбывшихъ наказанія, распространило среди туземцевъ не только точное значеніе нашихъ карательныхъ и запретительныхъ законовъ, но и выработало поразительное умѣніе обходить ихъ дѣйствіе.

Для туземца страшенъ не срокъ тюремнаго заключенія, а самый фактъ пребыванія въ тюрьмѣ, т. е., подъ непосредственнымъ русскимъ режимомъ, не дѣлающимъ уступокъ дикимъ обычаямъ. Поэтому, если ужъ этого факта избѣгнуть нельзя, то преступникъ старается попасть на поруки, благо мѣра эта практикуется нашими гуманными су-

дами довольно широко. Въ силу обычая поручители всегда есть; было бы лишь разрѣшеніе на это властей. Поручительство тѣмъ легче, что вмѣсто поручительскаго залога часто требуется лишь официальная справка объ имѣніи поручителемъ скота или иного имущества на требуемую поручительствомъ сумму. При недостаточной правоспособности одного поручителя, къ нему немедленно примыкаетъ еще нѣсколько лицъ и поручительство составляется немедленно. Въ видахъ ознакомленія лицъ, призванныхъ къ управленію этими плутоватыми народцами, съ ихъ искусствомъ въ обходъ закона, я считаю полезнымъ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ.

Уѣздный начальникъ получаетъ исполнительный листъ судебного установленія на заключеніе въ тюрьму на извѣстный срокъ киргиза Молдубая Тюребаева и дѣлаетъ чрезъ подлежащаго волостного управителя распоряженіе о доставкѣ этого Тюребаева въ уѣздное управленіе. Послѣ долгихъ оттяжекъ и искусственныхъ задержекъ съ одной стороны и настояній съ другой, является изъ степи требуемый Тюребаевъ въ сопровожденіи „джигита“ при волостномъ управителѣ, имѣющаго при себѣ соответственный пакетъ. Тюребаевъ помещается въ тюрьму и уѣздный начальникъ остается въ успокоительной увѣренности, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, о чемъ и доноситъ куда слѣдуетъ.

Вскорѣ, однако, начинаютъ циркулировать слухи, что въ тюрьму заключенъ не Тюребаевъ, который благополучно подвизается въ степи, преимущественно въ качествѣ удалого барантача, а какой нибудь Касымбековъ, принявшій на это время имя и отчество Тюребаева (фамилій у киргизъ нѣтъ). Начинается экстренное выясненіе личности арестанта, при чемъ обнаруживается, что въ тюрьмѣ сидитъ дѣйствительно подставное лицо, нанятое для этой цѣли Тюребаевымъ по мѣсячно на хорошо опредѣленныхъ условіяхъ.

Призванный къ отвѣту волостной управитель и другія должностныя лица, доставившія такого страннаго арестанта, оправдываются тѣмъ, что ими послано въ тюрьму дѣйствительно подлежащее лицо; но какимъ образомъ тамъ оказалось другое — они де по своей глупости и объяснить не

умѣютъ. Самъ заключенный наивно рассказываетъ, что онъ также не знаетъ какъ и за что онъ посаженъ въ тюрьму и даже не помнитъ имени того „джигита“, съ которымъ прибылъ изъ степи въ городъ. Тюребаевъ же торжественно заявляетъ, что его никто никогда въ тюрьму не посылалъ, почему онъ и оставался на свободѣ...

Курьезно то, что подобныя ребячьи оправданія нерѣдко принимаются во вниманіе и виновные въ такихъ продѣлкахъ, „въ виду ихъ нецивилизованности“, остаются ненаказанными.

II. Къ мировому судѣ является извѣстный, хотя и не уличенный ростовщикъ — таранча, сартъ или даже татаринъ, и предъявляетъ ему, въ качествѣ своего должника, киргиза ближайшей къ городу волости, котораго называетъ Джума Баемъ Турлуходжинымъ. При этомъ, въ виду признанія Турлуходжинымъ за собою долга ростовщику, въ размѣръ 700—800 руб., послѣдній проситъ судью о выдачѣ исполнительнаго листа на взысканіе въ пользу просителя указанной суммы. Послѣ обычныхъ вопросовъ, на которые должникъ даетъ удивительно кроткимъ тономъ утвердительные и весьма удовлетворительные для ростовщика отвѣты, судья въ свое время выдаетъ просимый исполнительный листъ, заручившись которымъ, истецъ приступаетъ, съ сознаніемъ своихъ законныхъ правъ, къ описи скота въ табунахъ Джумабая Турлуходжина. Послѣдній всѣми силами протестуетъ противъ такихъ дѣйствій ростовщика и сопровождающаго его представителя полиціи, доказывая, что онъ никогда съ взыскателемъ не имѣлъ никакихъ дѣлъ, но... его никто не слушаетъ и состоятельный Джумабай Турлуходжинъ переходитъ въ разрядъ несостоятельныхъ.

Между тѣмъ, въ народѣ остается молва, что при разборѣ дѣла ростовщикъ предъявилъ судѣ подставное лицо, назвавшее себя именемъ богатаго Джумабая Турлуходжина и, въ качествѣ таковаго, признавшее за собою столь значительный долгъ ростовщику... Судья, конечно, не обязанъ помнить фізіономіи тяжущихся и раскрыть такіа продѣлки правовѣрныхъ мошенниковъ оказывается дѣломъ довольно труднымъ.

А что продѣлывается на подобныя варіаціи въ такъ называемыхъ народныхъ судахъ — этого не представитъ никакая фантазія.

III. Въ приграничныхъ городахъ уѣздными начальниками выдаются торговому люду заграничные билеты на право выѣзда за границу на известные сроки. По этому предмету въ разныхъ мѣстностяхъ генераль-губернаторства существуетъ болѣе или менѣе различная практика, зависящая часто отъ характера и наклонностей мѣстнаго населенія. Напр., приграничныхъ киргизъ Семирѣченской области, въ виду ихъ склонности къ грабежамъ, и буйнаго нрава, признано полезнымъ вовсе не отпускать за границу (въ китайскіе предѣлы), гдѣ они никакъ не могутъ обойтись безъ воровства и прочихъ непохвальныхъ поступковъ, доставляющихъ нашимъ консульствамъ не мало хлопотъ. Таранчи же и дунгане получаютъ заграничные билеты безпрепятственно, подъ условіемъ лишь, чтобы за границею они занимались исключительно торговыми дѣлами. Въ этихъ видахъ отъ нихъ при выдачѣ билетовъ требуется или представленія денегъ, сумма которыхъ вписывается въ билетъ и при визированіи билета за границею провѣряется консуломъ, или указанія товаровъ, которые также прописываются въ билетъ и контролируются таможенными пунктами при самомъ переѣздѣ границы, или, наконецъ, представленія консульскаго свидѣтельства, удостоверяющаго, что у просителя имѣется за границею лавка или иная торговля. Въ этихъ видахъ торговцамъ дозволяется брать съ собою сыновей, прикащиковъ или работниковъ, для присмотра за товаромъ. Имена сотрудниковъ торговца также прописываются въ билетъ, безъ обозначенія впрочемъ примѣтъ. Прикащики или работники могутъ быть только изъ тѣхъ народностей, коимъ поѣздка за границу не воспрещена.

И вотъ, къ уѣздному начальнику является почтенный и уважаемый въ своемъ обществѣ таранча, имѣющій всѣ права на отлучку за границу и съ величайшимъ низкопоклонствомъ проситъ о выдачѣ ему, всего только на одинъ мѣсяцъ, билета, съ пропискою въ немъ сына просителя Тохтахуна. Однако, чрезъ двѣ недѣли онъ оказывается уже воз-

вратившимся въ отечество и успѣлъ открыть новую нужду въ поѣздкѣ за границу на такой же срокъ и опять съ сыномъ Тохтахуномъ. Иногда къ сыну Тохтахуну онъ проситъ приписать брата Арзумамета или племянника Барать-супіа и благополучно совершаетъ свои ежемѣсячные рейсы довольно продолжительное время. Но всему бываетъ конецъ... Въ одно прекрасное утро уѣздный начальникъ получаетъ отъ консула уведомленіе, свидѣтельствующее, что почтенный таранча подъ именемъ сыновей, братьевъ и племянниковъ — Тохтахуновъ, Арзумаметовъ и Барать-супіевъ — наводитъ приграничную китайскую провинцію барантачами и разбойниками, не имѣющими права появленія въ китайскихъ предѣлахъ, а оттуда подъ тѣми же именами вывозитъ въ русскіе предѣлы за хорошую плату китайскихъ преступниковъ, подлежащихъ тягчайшимъ наказаніямъ, по смертную казнь включительно!..

Такимъ образомъ, пользуясь довѣріемъ и льготами, предоставленными русскимъ закономъ, почтенные правовѣрные, вѣроятно, отъ избытка благодарности, считаютъ позволительнымъ сѣять зло и въ своемъ и въ сосѣднихъ государствахъ.

Неопытныхъ или слишкомъ довѣрчивыхъ уѣздныхъ начальниковъ — качества, къ сожалѣнію, весьма быстро разгадываемыя туземцами, — бродяги, стремящіеся за границу, ловятъ на такомъ приѣмѣ: шайка барантачей, намѣревающаяся поработать въ китайскихъ предѣлахъ, подговариваетъ за известную плату нѣсколькихъ лицъ (по числу членовъ шайки), имѣющихъ право на отлучку за границу, взять необходимый билетъ, который выдается лишь по удостовѣренію подлежащаго волостнаго управителя о неимѣніи препятствій на временную отлучку изъ общества. Члены шайки обыкновенно принадлежать къ другимъ обществамъ. Въ поданномъ подставными лицами прошеніи о выдачѣ билета указывается, что просители ѣдутъ за границу по торговымъ дѣламъ и вывозятъ съ собою такіе безобидные товары какъ арканы, капы, тагары и 4—5 лошадей, на которыхъ просители и совершатъ свой переѣздъ. Уѣздному начальнику не всегда бросается въ глаза несоотвѣтствіе количества вывозимыхъ товаровъ (10—20 аркановъ, столько же каповъ, полдесятка

тагаровъ) съ числомъ членовъ торговой компаніи, идущей за границу. Иногда же онъ сознательно не желаетъ быть по-мѣхою этимъ труженикамъ въ сбытѣ за границу своихъ скудныхъ товаровъ по предполагаемымъ хорошимъ цѣнамъ, усматривая въ этомъ свое косвенное содѣйствіе къ облегченію просителямъ возможности уплатить въ срокъ причитающіяся съ нихъ подати. Словомъ, билетъ выдается безпрепятственно.

Презъ нѣкоторое время китайскія власти жалуются консулу, что въ провинціи недавно появилась изъ русскихъ предѣловъ шайка барантачей, прибывшихъ съ билетомъ и оружіемъ въ рукахъ и наводящихъ ужасъ на мирное китайское населеніе. По справкѣ оказывается, что лица, получившія общій заграничный билетъ, изъ мѣстъ жительства пока еще не отлучались, такъ какъ билетъ свой *утеряли*.

Бывали даже случаи, что волостные управители вполне сознательно выдавали ложныя удостовѣренія на право полученія заграничнаго билета лицамъ, не состоящимъ въ обществахъ такихъ волостныхъ управителей, аттестуя ихъ благонадежными людьми и исправными домохозяевами. Между тѣмъ, въ послѣдствіи не только благонадежность, но даже самую личность такихъ исправныхъ домохозяевъ установить не удавалось.

IV. При переучетѣ кибитковладѣльцевъ въ киргизскихъ волостяхъ, во время выборовъ, податной инспекторъ, совместно съ уѣзднымъ начальникомъ открываютъ массу нечислящихся по посемейнымъ спискамъ родственниковъ вліятельныхъ лицъ. Начинается запись ихъ. Волостной управитель въ первую очередь представляетъ къ записи 17—18 бравыхъ молодцовъ, почти сверстниковъ между собою, и называетъ ихъ своими сыновьями. При этомъ онъ высказываетъ желаніе записать ихъ новыми кибитковладѣльцами (отау), такъ какъ всѣ они или уже женаты или наканунѣ женитьбы. На удивленіе начальства къ такому умѣлому подбору сыновей „отецъ“ ихъ съ гордостью заявляетъ, что, въ качествѣ богатаго человека, онъ имѣлъ возможность мѣнять по 3—4 жены на одномъ году, что при легкости разводовъ у мусульманъ вообще, не поражаетъ своею странностью.

Никакихъ метрическихъ книгъ за прежнее время не велось; проверить, стало-быть, заявленіе волостного управителя нельзя, общество такъ дружно подтверждаетъ слова своего волостного управителя, что начальство отбрасываетъ въ сторону всякія сомнительныя предположенія, тѣмъ болѣе, что такія же явленія оно встрѣчаетъ и у другихъ вліятельныхъ лицъ.

Впослѣдствіи, однако, до легковѣрнаго начальства доходятъ сначала неясныя, а затѣмъ совершенно опредѣленныя слухи, что оно было грубо обмануто и что имъ въ посемейные списки данной волости записано нѣсколько десятковъ бѣглыхъ кашгарскихъ сартовъ, потерявшихъ право на водвореніе на родину!..

Разоблачить подобные фокусы и наказать виновныхъ также не легко. При установленіи личностей новыхъ кибитковладѣльцевъ всегда будутъ подставлены чистокровные скуластые киргизы, которые, если обстоятельства потребуютъ, могутъ быть взяты на прокатъ даже изъ другой волости. Общества же, въ удостовѣреніе подлинности сомнительныхъ лицъ, примутъ присягу какую угодно.

Тѣмъ не менѣе, прекращеніе и искорененіе подобныхъ нетерпимыхъ въ благоустроенномъ государствѣ явленій должно составлять неуклонную цѣль всѣхъ нашихъ административныхъ и судебныхъ учреждений. Если задача эта трудна въ отношеніи европейскихъ народностей, гдѣ на помощь правительствамъ приходятъ и развивающаяся изо дня въ день культура и церковь со своимъ кроткимъ, но сильнымъ словомъ увѣщеванія, то для насъ въ отношеніи азіатскихъ народностей дѣло представляется еще болѣе труднымъ. Причинами этого прискорбнаго факта слѣдуетъ считать съ одной стороны *исламъ*, а съ другой—одинъ изъ вреднѣйшихъ полурелигіозныхъ полубытовыхъ обычаевъ, называемый у мусульманъ *батю*.

О вліяніи *ислама* на жизнь мусульманскихъ народностей я здѣсь говорить не буду, такъ какъ по этому предмету существуетъ болѣе или менѣе обширная специальная литература, а потому дальнѣйшее изложеніе настоящей статьи будетъ относиться исключительно къ *батю*.

Но начнемъ съ примѣровъ:

а) Обнаруживается въ степи убійство. Трупъ найденъ въ безлюдной обстановкѣ, указывающей на то, что жертва отчаянно боролась; слѣдовательно, до момента смерти она не предвидѣла рокового исхода и могла попасть въ эту обстановку добровольно. Иногда слѣдствіе устанавливаетъ, что мѣсто нахожденія трупа не было мѣстомъ убійства и что передвиженіе трупа могло быть сдѣлано уже послѣ убійства. Розыски убійцы не приводятъ ни въ чему: никто ничего не видѣлъ, никто ни о чемъ не слышалъ, никто ни кого не подозреваетъ...

Это—несомнѣнный признакъ *баты*.

б) Пропадаетъ безслѣдно изъ аула или вообще изъ жилья извѣстное лицо, отличавшееся крѣпкимъ здоровьемъ и благопристойнымъ образомъ жизни. Заподозрить исчезновеніе его для какихъ нибудь или ради какихъ либо цѣлей, не связанныхъ съ родомъ его занятій, невозможно. Продолжительные розыски остаются напрасными.

Это—новый родъ *баты*.

в) Получается достовѣрное извѣстіе, что въ такой-то киргизской волости или аулѣ свободно и открыто проживаетъ бѣжавшій изъ Сибири или съ этапа каторжникъ, или вырвавшійся изъ тюрьмы арестантъ, ранѣе принадлежавшій къ этой же волости. Всѣ мѣры къ поимкѣ такихъ арестантовъ долгое время остаются безуспѣшными, такъ какъ члены общества, по обыкновенію, единогласно утверждаютъ, что среди нихъ разыскиваемыхъ лицъ не обрѣтается. При производствѣ слѣдствій они, не колеблясь, подтверждаютъ свои показанія присягою. Впослѣдствіи, однако, выясняется, что присяжные свидѣтели сами были укрывателями арестантовъ.

Здѣсь также нужно искать *бату*.

г) Къ уѣздному начальнику обращается съ жалобою плачущій отецъ, заявляя, что дочь его на глазахъ цѣлаго аула, и даже въ присутствіи должностныхъ лицъ, насильно взята изъ юрты пятью отчаянными головорѣзами и затѣмъ увезена въ другую область, уѣздъ или даже волость, гдѣ продана въ замужество, какъ домашнее животное. Дѣло подлежитъ рѣшенію народнаго суда; но на всякій случай жа-

лоба отца подвергается проверкѣ. Однако, не смотря на увѣренія потерпѣвшей семьи въ справедливости принесенной жалобы, свидѣтели и должностныя лица хоромъ утверждаютъ, что у жалобщика не было никакой дочери, а его фиктивная жалоба является результатомъ партійной вражды. То обстоятельство, что насильственно похищенная дѣвушка или женщина значилась записанною въ посемейномъ спискѣ, объясняется простою ошибкою первоначальнаго составленія списка.

Это—та-же *бата*.

д) Приѣзжаетъ въ аулъ для взысканія долга по исполнительному листу лицо, не принадлежащее къ киргизскому обществу, и начинаетъ дѣйствовать болѣе или менѣе рѣшительно. Желая парализовать его дѣйствія, должникъ въ присутствіи вѣчно праздныхъ одноаульцевъ беретъ за ноги своего ребенка и разбиваетъ голову его о камень. Затѣмъ взыскатель, а если съ нимъ былъ полицейскій стражникъ, то и этотъ послѣдній, схватываются ватагою киргизъ и доставляются по начальству, въ качествѣ убійцы ребенка, при чемъ весь аулъ обращается въ присяжныхъ свидѣтелей, видѣвшихъ убійство ребенка именно задержанными лицами...

Это—наихудшая *бата*.

Что же собственно такое *бата*?

За разъясненіемъ этого вопроса мнѣ приходилось обращаться ко многимъ мусульманамъ всѣхъ народностей, славящимся знаніемъ корана и обычаевъ. Но эти мудрые люди рѣшительно во всѣхъ случаяхъ отдѣлывались весьма пространными и изысканно уклончивыми отвѣтами. Всѣ, однако, согласны въ томъ, что словомъ *бата* обозначается весьма распространенный общемусульманскій обычай, вытекающій, будто-бы, изъ духовныхъ заветовъ пророка и установленный съ цѣлью обезпеченія успѣха въ коллективномъ осуществленіи людьми *хорошихъ*, т. е., полезныхъ для ислама, какъ религіознаго ученія, дѣлъ.

На практикѣ мнѣ приходилось производить разслѣдованія о батѣ между киргизами Джаркентскаго уѣзда, Семирѣченской области.

Необходимо сказать, что всѣхъ киргизъ въ этомъ уѣздѣ числятся 20 волостей, образующихъ два рода: Суванъ (5 волостей) и Албанъ (15 вол.). Бата известна обоимъ родамъ на всемъ пространствѣ ихъ кочевій. Раздающіяся время отъ времени жалобы на проявленія этого обычая показываютъ, что бата практикуется въ степи весьма старательно. Думается, что если этотъ обычай известенъ всѣмъ киргизамъ одного уѣзда, то нѣтъ основанія предполагать, что онъ не известенъ единоплеменному народу сосѣднихъ уѣздовъ. Во всякомъ случаѣ среди осѣдлаго мусульманскаго населенія названнаго выше уѣзда, главнымъ образомъ среди таранчей и дунганъ, бата пока на практикѣ не наблюдалась, хотя киргизы утверждаютъ, что она известна и этимъ народностямъ, но обставлена нѣсколько иными ритуалами нежели у киргизъ.

Внѣшніе ритуалы киргизской баты таковы: 5—10 или болѣе чел. порѣшили между собою сдѣлать дѣло, признаваемое съ точки зрѣнія религіозной этики добрымъ. Обусловивъ всѣ детали этого дѣла, они призываютъ муллу, съ кораномъ въ рукахъ, и подробно объясняютъ ему свое рѣшеніе. Мулла разставляетъ ихъ въ молитвенныя позы и громко читаетъ соотвѣтственное мѣсто корана. Участники баты, взявъ по камню въ руки, цѣлуютъ открытыя страницы корана и громко клянутся достигнуть предпринятой цѣли, взаимно помогая другъ другу, хотя бы при этомъ пришлось пожертвовать жизнью. — „Да будутъ сердца наши также тверды, какъ этотъ камень!“ — говорятъ они въ это время, разумѣя, что твердость ихъ сердецъ можетъ потребоваться для подавленія страха, любви, жалости и проч. Послѣ этого закалывается баранъ, въ курдюкъ котораго участники баты погружаютъ свои ножи и слизываютъ съ нихъ кровь въ знакъ того, что при выполненіи своего предпріятія, они не должны останавливаться и предъ кровью. Болѣе фанатичные батасары погружаютъ внутрь заколотого барана свои руки.. Затѣмъ баранъ варится и съѣдается при участіи муллы, а также пользующихся особымъ довѣріемъ лицъ.

Съ этого момента участники баты становятся чѣмъ-то духовно нераздѣльнымъ, и несчастіе или неудача одного становятся печалью для всѣхъ.

Срокъ дѣйствія баты обыкновенно оканчивается вмѣстѣ съ достиженіемъ участниками предпринятой цѣли. Фанатики же иногда связываютъ себя батою на всѣ свои личныя дѣла и на всю жизнь. О завѣщаніи умирающими батасарами невыполненныхъ обязательствъ баты своимъ наслѣдникамъ—свѣдѣній не имѣется, хотя утверждаютъ, что подобныя случаи въ прежнія времена бывали: умирающіе отцы обязывали своихъ сыновей окончить ихъ бату.

Мулла для чтенія корана при батѣ можетъ быть замѣненъ всякимъ другимъ грамотнымъ правовѣрнымъ. Въ экстренныхъ случаяхъ дѣло ограничивается взаимною клятвою батасаровъ не отступать отъ предпринятаго намѣренія, а коранъ читается впослѣдствіи, при первой представившейся возможности.

Это были главные, такъ сказать, основныя ритуалы баты. Но въ иныхъ мѣстностяхъ къ нимъ, смотря по важности предмета баты и ея послѣдствій, а иногда въ зависимости отъ темперамента участниковъ, добавляются и другія условія. Напр., всякаго, уклонившагося отъ принятаго на себя батою обязательства, или разгласившаго о ней, а тѣмъ паче обнаружившаго бату предъ начальствомъ, каждый изъ остальныхъ участниковъ обязывается, при первомъ представившемся случаѣ, прирѣзать, по возможности, тѣмъ самымъ ножомъ, который погружался въ курдюкъ барана. Той же участи подвергается и тотъ изъ участниковъ, который имѣлъ возможность расправиться съ преступнымъ товарищемъ, но почему либо этого не сдѣлалъ. Въ этомъ случаѣ онъ признается уже за единомышленника перваго. Впрочемъ, относительно существованія послѣднихъ условій, которыя я назвалъ добавочными, серьезныхъ подтвержденій не встрѣчалось.

Итакъ, батою, повидимому, называется круговое обязательство участниковъ, подкрѣпленное молитвенною клятвою, во чтобы то ни стало выполнить какое либо дѣло или предпріятіе, не разбирая никакихъ средствъ для устраниенія встрѣчающихся на пути препятствій.

Нѣтъ никакой надобности доказывать, что при такой формулировкѣ баты, всѣ, сопряженные съ ней дѣй-

ствія съ точки зрѣнія нашего закона должны быть признаны преступными. Имѣя въ виду, что участники баты представляютъ компактную массу, въ которой интересы одного становятся интересами общими, легко понять, какимъ престижемъ они пользуются въ глазахъ постороннихъ, не частныхъ къ батѣ лицъ. Тайна баты, по обычаю, обязательна и для всѣхъ постороннихъ членовъ общества, бывшихъ случайными свидѣтелями при ея совершеніи. Но свидѣтели, почему либо ненадежные, вовлекаются въ бату ея руководителями, для принесенія общей клятвы, подневольно. Поэтому, батасары, въ тѣхъ случаяхъ, когда намѣреніе ихъ составляетъ личную месть кому либо, часто наводятъ терроръ на цѣлыя волости. Тѣмъ не менѣе, раскрывать ихъ тайну даже тогда, когда цѣль баты получила нѣкоторую огласку—охотниковъ мало. Иногда число участниковъ баты, первоначально начинаясь съ 5—10 чел., возрастаетъ до сотенъ. Рассказываютъ о случаяхъ заключенія баты цѣлыми волостями. Можно безошибочно сказать, что въ степи нѣтъ киргиза, который бы не участвовалъ по какому либо случаю въ батѣ (напр., похищеніе невольствъ, скота и проч.).

Мусульманскіе духовные люди производятъ слово *бата* отъ арабскаго *фатыха* или *фатха*, что значитъ—начало. Они утверждаютъ, что *фатыха*, какъ духовная ассоціація, разрѣшается исламомъ только для хорошихъ дѣлъ¹⁾. Но извѣстно, что понятіе о хорошемъ и дурномъ у разныхъ народовъ различно. Поэтому легко можетъ оказаться, что хорошее мусульманское дѣло принесетъ очень скверные пло-

¹⁾ Примѣч. Ред. На арабскомъ языкѣ слово *فاتحة* *фатиха* въ прямомъ смыслѣ значитъ: открывающая; начинающая; открытіе; вступленіе; начало. Въ переносномъ смыслѣ то же слово, произносимое сартами *ната*, а киргизами *бата*, означаетъ молитву, которой начинается или оканчивается какое-либо дѣйствіе или предпріятіе. Такъ напр., подмастерье, оканчивая свое обученіе у мастера и желая сдѣлаться самостоятельнымъ мастеромъ, беретъ у своего наставника *нату*, т. е. молитву или благословеніе. Такая же *ната* читается при сговорѣ жениха и невесты. Краткая молитва, *Аллахъ акбаръ*, произносимая послѣ ѣды, тоже называется *натой*.

ды для русскихъ дѣлъ. Въдѣ съ точки зрѣнія ислама очень хорошимъ дѣломъ считается и истребленіе иновѣрцевъ.

Но разъ исламъ или его истолкователи разрѣшаютъ бату для хорошихъ дѣлъ, не устанавливая точно, какого рода дѣла должны принадлежать къ разряду хорошихъ, то этимъ самымъ допускается произвольное опредѣленіе надобностей въ батѣ даже въ дѣлахъ чисто религіозныхъ. Группа недовольныхъ дѣйствіями своего имама можетъ признать хорошимъ дѣломъ для религіи уничтоженіе этого имама безъ остатка.

При такихъ условіяхъ переходъ баты изъ области религіи въ область частной жизни правовѣрныхъ составляетъ лишь одинъ шагъ, тѣмъ болѣе, что каждое бытовое явленіе въ сущности такъ легко приурочивается къ корану и наоборотъ.

Мнѣ не разъ приходилось выслушивать мнѣнія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныя мнѣнія подтверждались даже и разслѣдованіями, что бата практикуется киргизами въ частной жизни гораздо чаще, чѣмъ принято объ этомъ думать, и составляетъ одинъ изъ заурядныхъ обычаевъ. Желаніе отомстить врагу, улучшить свое благосостояніе на счетъ ближняго, выручить правовѣрнаго изъ бѣды, угрожающей ему отъ невольныхъ, оказать сопротивленіе силѣ и т. д., все это можетъ служить достаточнымъ поводомъ для баты, участники которой вербуются заинтересованными лицами за хорошее, конечно, вознагражденіе изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Всѣ шайки барантачей и разнаго рода грабителей, по словамъ киргизъ, непременно сдѣланы между собою батою. Члены шайки, попавшіеся въ руки правосудія, идутъ спокойно въ каторгу, но товарищей выдаютъ рѣдко. Не выдаетъ ихъ по объясненнымъ выше причинамъ и населеніе, справедливо опасаясь безпощадной мести.

Въ степи совершается не мало преступленій, являющихся результатомъ личной мести; но до властей доходитъ только незначительный процентъ свѣдѣній о совершенныхъ по этому поводу грабежахъ и даже убійствахъ. Кочевники, опять таки ради выполненія обычая, предпочитаютъ въ такихъ случаяхъ молчать, стараясь уладить дѣло домашнимъ образомъ,

хотя бы при помощи той же баты и нужны иногда годы и особые обстоятельства, чтобы содеянное преступление вышло наружу.

Такъ какъ бата въ частномъ кочевомъ быту чаще всего направляется противъ отдѣльныхъ личностей, рѣдко противъ цѣлаго рода, и оканчивается уничтоженіемъ намѣченныхъ личностей, то она является вполне сходною съ тѣмъ варварскимъ самосудомъ, который по ту сторону земнаго шара получилъ ужасающее названіе суда Линча.

Клятва, данная при совершеніи баты, повидимому ставится мусульманами выше всякой присяги, не смотря на то, что въ обоихъ случаяхъ коранъ цѣлуется одинаково. За это предположеніе говорятъ многое. *Во первыхъ*, присяга — учрежденіе, созданное *кафирами* *), которые святотатственно обратили алкоранъ въ орудіе для достиженія своихъ коварныхъ цѣлей; *бата* же въ нѣдрахъ народа, быть можетъ, даже, дѣйствительно, по предписанію корана. *Во вторыхъ*, нарушеніе баты, какъ моральнаго обязательства, обставлено довольно таки драконовскими послѣдствіями для нарушителей, какъ духовными, такъ и физическими; между тѣмъ нарушителю присяги угрожаетъ и то весьма проблематично лишь Улож. о наказ., при чемъ, уличеніе такого преступника, при наличности различныхъ психологическихъ доводовъ, часто являющихся весьма кстати, представляется дѣломъ почти невозможнымъ. *Въ третьихъ*, люди, имѣвшіе тяжбы съ мусульманами въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, видѣли, съ какою легкостью и мигкостью послѣдніе способны отрицать подъ присягою до очевидности вѣрные факты, угрожающіе какимъ либо вредомъ правосудію. Приемы, практикуемые въ подобныхъ дѣлахъ мусульманами оказываются изумительно похожими на ухищренія отцовъ іезуитовъ!.. *Въ четвертыхъ*, люди, производившіе административныя слѣдствія по правиламъ т. XVI ч. II, Св. Зак. (до 14 мая 1899 г.), неоднократно наблюдали, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мусульманскія общества желали отдѣлаться отъ ненавистныхъ имъ

*) *Кафиръ* — нѣчто до гнусности нечистое и ничтожное. Этимъ именемъ мусульмане называютъ всѣхъ русскихъ.

должностныхъ лицъ и возбуждали противъ нихъ обвиненія въ преступленіяхъ по должностямъ, — въ такихъ случаяхъ всегда являлись десятки и даже сотни правосѣрныхъ, удостоившихъ наличность преступныхъ дѣйствій обвиняемаго *подъ присягою* и рядомъ съ этимъ находились такіе же десятки и сотни преданныхъ обвиняемому однообщественниковъ, которые *подъ присягою же* указанныя дѣйствія отрицали!

Мусульманинъ въ минуту откровенности и самъ не откажется объяснить такое противорѣчіе; но постарается сдѣлать это безъ свидѣтелей для того, чтобы впослѣдствіи съ невинно-обиженнымъ видомъ отказаться отъ своей откровенности. Онъ скажетъ, что, повторяя за муллою слова присяги, достаточно къ словамъ утвержденія прибавить отъ себя частицу отрицанія, а къ отрицаніямъ — частицу утвержденія и присяга сама собою сведется къ нулю. Если же внимательный слѣдователь зорко слѣдитъ за точнымъ произношеніемъ словъ присяги и содержанію ея правосѣрному извратить не удастся, то у него впереди остается еще не одна лазейка къ обходу присяги, какъ духовнаго обязательства: онъ цѣлуетъ кожу переплета корана, край листа книги, а не слова, по которымъ, ради приличія, проведетъ направо и налево лбомъ и т. д. Если же его заставятъ цѣловать непременно середину страницы развернутаго корана, то и тутъ находчивый мусульманинъ оправдываетъ свою лжеприсягу тѣмъ, что онъ къ словамъ корана непосредственно не прикасался, а имѣлъ дѣло лишь съ пылью, покрывающею страницу книги. Такимъ образомъ, онъ легко приходитъ къ необходимому для него убѣжденію, что коранъ онъ *не цѣловалъ* и, слѣдовательно, *присяги не принималъ*, а повторялъ лишь и при томъ подневольно, что тоже имѣетъ огромное значеніе, слова, выдуманныя принудителями!..

Точъ-въ-точъ іезуитскіе приемы!..

Присяга легко извращается и самими муллами, если это представляетъ для нихъ какую либо выгоду. Одинъ русскій разночинецъ, хорошо знающій мусульманскую нравственность, наивно рассказывалъ, что однажды, желая защититься отъ обвиненія его въ нарушеніи чужого владѣнія,

онъ подкупилъ за 50 коп. муллу, долженствовавшего привести къ присягѣ единственнаго свидѣтеля, выставленнаго обвинителемъ, мусульманина, который за особое вознагражденіе, въ 50 же коп., далъ въ послѣдствіи на судѣ показаніе, вполне оправдавшее обвиняемаго.

Все это, къ сожалѣнію, дѣйствительные факты. Можно утѣшать себя надеждою, что на описанный выше дѣйствіи способна только ничтожная и для государства, несомнѣнно, потерянная часть нашего мусульманскаго населенія; можно предполагать, что огромное большинство этого населенія представляетъ изъ себя людей вполне достойныхъ и добродѣтельныхъ; можно, наконецъ, питать твердую увѣренность, что наступитъ время, когда непріязненное отношеніе средне-азиатскихъ народностей къ своимъ безкорыстнымъ цивилизаторамъ и покровителямъ, отойдетъ въ область преданій, но пока... пока существуетъ исламъ, открывающій свои идеалы внѣ общенія съ невѣрными и вызывающій тяготѣніе мусульманскаго духа за предѣлы нашего государства, — пока со всѣмъ этимъ приходится считаться.

Здѣсь уместно еще разъ напомнить, что всѣ наши законоположенія объ управленіи окраинами тщательно охраняютъ неприкосновенность мѣстныхъ народныхъ обычаевъ. Такой важный фактъ невольно наводитъ на мысль, что ни кодификторы, ни самые составители означенныхъ законовъ не имѣли подъ руками никакихъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ возможно было бы, съ одной стороны, привести инородческіе обычаи къ необходимой системѣ, а съ другой — подвергнуть ихъ предварительной критикѣ. Думается, что при соблюденіи сказаннаго и при ознакомленіи съ сущностью инородческихъ обычаевъ, послѣдніе никогда не получили бы государственной санкціи. Теперь же, говоря вообще объ инородческихъ обычаяхъ, мы прежде всего должны сами себя сознать, что мы ихъ рѣшительно *не знаемъ*. Обычай народа — это цѣлый кодексъ его этики, его жизни. Санкціонировать обычай — значитъ закрѣпить этотъ кодексъ со всѣми его положительными и отрицательными качествами на болѣе или менѣе определенное время и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничить естественное стремленіе данной народности къ

прогрессу рамками его обычая. Съ точки же зрѣнія нашей внутренней политики сохраненіе неприкосновенности обычаевъ у инородцевъ обособляетъ ихъ внутреннюю жизнь и само собою закрываетъ для нихъ путь къ совершенствованію культуры и обрусѣнію. Для отдѣльныхъ представителей мусульманскихъ народностей нужна большая храбрость, чтобы разрушить преграды, поставленныя узаконеннымъ обычаемъ. Къ счастью мы видимъ, что число такихъ пионеровъ, особенно въ городахъ, умножается съ каждымъ годомъ.

За то внѣ городовъ — въ степи и въ кишлакахъ — обычай продолжаетъ дѣлать свое дѣло безпрепятственно. 30—40 лѣтъ тому назадъ мы не знали ни внутренней жизни нашихъ туземцевъ, ни ихъ обычаевъ, ни ихъ увертокъ предъ нами. Можемъ-ли мы сказать, что теперь все это мы знаемъ? Гдѣ наша литература о туземныхъ обычаяхъ?

Мы создали у туземцевъ цѣлую серію должностныхъ лицъ, надѣли на нихъ соотвѣтственные знаки ихъ кажущагося достоинства и поставили предъ собою плотную стѣну. Мы знаемъ, что за этою стѣною копошится темная народная масса, у которой есть свои идеалы и свои обычаи. Но о жизни этой массы и дѣятельности, о ея симпатіяхъ, антипатіяхъ и объ общемъ настроеніи мы знаемъ только то, что заблагодаря намъ сообщить наши ненадежные и невѣжественные посредники — должностныя лица... Едва-ли такой финалъ стоитъ тѣхъ жертвъ, которыя принесены на пользу окраинъ. Уроки, данныя намъ Польшею, Финляндіею, Кавказомъ, а отчасти и нашими средне-азиатскими туземцами, слишкомъ ясно показываютъ, какой внутренней политики намъ слѣдуетъ держаться въ Средней Азій. Не надо забывать, что у киргизъ есть пословица: „Когда твоимъ спутникомъ въ дорогѣ окажется *русскій* захвати съ собою *топоръ*“.

Въ заключеніе мнѣ остается выразить желаніе, чтобы вопросъ о „батѣ“, ея сущности и ритуалахъ, былъ подвергнутъ наблюдателями самому подробному изслѣдованію на всемъ пространствѣ нашихъ средне-азиатскихъ областей, дабы возможно было опредѣлить границы этого во всѣхъ отношеніяхъ вреднаго обычая.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Однимъ изъ средствъ сближенія съ нами туземнаго мусульманскаго населенія является наша благотворительность въ краѣ, въ дѣлахъ которой съ теченіемъ времени сами туземцы принимаютъ все большее и большее активное участіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя, нынѣ существующія формы благотворительности у мусульманъ Средней Азіи частью регламентированы кораномъ и шаріатомъ, частью же освящены многовѣковымъ обычаемъ, нерѣдко зиждущимся на еще болѣе древнемъ кодексѣ Моисея.

Поэтому во многихъ случаяхъ, въ особенности же когда намъ приходится дѣйствовать на указанномъ поприщѣ рука объ руку съ представителями мѣстнаго мусульманства, представляется совершенно невозможнымъ вполнѣ игнорировать и шаріатъ и обычай, изъ которыхъ второй весьма часто оказывается чтимымъ отнюдь не менѣе перваго.

Вотъ причина, по которой признается небезполезнымъ ознакомить читателя подлежащаго „Сборника“ съ содержаніемъ „Очерка благотворительности у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестанскаго края“.

ОЧЕРКЪ

благотворительности у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестанскаго края.

Предполагая читателей знакомымъ съ главнѣйшими особенностями корана и шаріата, считаемъ небезполезнымъ обратить его вниманіе на то, что, изслѣдуя то или другое явленіе мусульманской жизни, необходимо сначала изучить законодательство, касающееся даннаго вопроса, а затѣмъ уже разсмотрѣть, въ какія реальныя формы вылилась, въ основу какихъ народныхъ обычаевъ легла основная мысль законодателя.

Такъ же поступимъ и мы, раздѣливъ дальнѣйшее изложеніе на два отдѣла: въ первомъ постараемся сгруппировать всѣ тѣ законоположенія, которыя, съ нашей точки зрѣнія, имѣютъ что либо общее съ благотворительностью; во второмъ посмотримъ, какіе плоды произросли изъ сѣмянъ, брошенныхъ мусульманскимъ пророкомъ въ почву опаленныхъ субтропическимъ солнцемъ пустынь Востока.

I.

При безпристрастномъ изученіи корана, невольно обращаешь вниманіе на обиліе такихъ мѣстъ, въ которыхъ сказывается великая печаль мусульманскаго пророка о такъ называемой *меньшей братіи*, печаль, унаслѣдованная имъ, несомнѣнно, отъ Христа, въ ученіи Котораго его, *Мухаммада*, повидимому, болѣе всего плѣняли гуманность и состраданіе къ страждущему.

Это явствует изъ словъ самого пророка¹⁾, сказанныхъ имъ отъ имени Божія:

„По ихъ (пророковъ) стопамъ слѣдовать велѣли Мы Исусу, сыну Маріи, подтвердившему то, что предъ нимъ было въ Законѣ, и Мы дали ему Евангеліе; въ немъ правда и свѣтъ²⁾.....“

И далѣе:

„... дали ему (Исусу) Евангеліе; въ сердца послѣдователей его Мы вложили добродушіе и состраданіе³⁾.....“

Такъ или иначе, но Мухаммадъ неоднократно говорилъ своимъ ученикамъ:

„накормите..... бѣднаго, просящаго у васъ, и нищаго, не смѣющаго просить⁴⁾“.

„Благочестіе не въ томъ, чтобы вамъ обращать лица свои въ востокъ или западу; но благочестивы тѣ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день, въ ангеловъ, въ писаніе, въ пророковъ; по любви къ Нему (Богу) даютъ изъ имущества своего ближнимъ, сиротамъ, бѣднымъ, странникамъ, нищимъ⁵⁾.....“.

Подобныя этимъ изрѣченія мы находимъ во 2-й, 4-й, 5-й, 9-й, 17-й, 22-й, 29-й, 30-й, 41-й, 46-й, 51-й, 57-й и 70-й главахъ корана.

Кромѣ того, Мухаммадъ, желая сильнѣе отгнать нравственную сторону благотворительности, говоритъ также, что тайная милостыня предпочтительнѣе явной.

„Если вы открыто будете творить милостыни, то это прекрасно; а если будете тайно творить ихъ и отдавать ихъ бѣднымъ, то это будетъ еще лучше для васъ: загладитъ вамъ ваши злыя дѣла. Богъ вѣдаетъ, какъ что дѣлаете вы⁶⁾.....“.

¹⁾ При составленіи этого очерка мы пользовались русскимъ переводомъ корана Г. Саблукова, 1877 г., и указателемъ къ этому переводу 1879 г.

²⁾ Коранъ. 2,50.

³⁾ Коранъ. 57,27.

⁴⁾ Коранъ. 22,37.

⁵⁾ Коранъ. 2,172.

⁶⁾ Коранъ. 2,273.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо зная малую склонность своихъ соотечественниковъ — арабовъ къ благотворительности, зная, — если позволено будетъ такъ выразиться, — врожденныя имъ прижимистость и меркантильность, желая тѣмъ или другимъ способомъ повудить и поощрить ихъ къ добровольнымъ подаваніямъ въ пользу терпящихъ нужду, Мухаммадъ то угрожаетъ скупымъ гнѣвомъ Божиимъ, то радуется милостивыхъ дѣателей вѣстью о наградахъ, ожидающей ихъ въ загробной жизни.

Онъ говоритъ: „Богъ не любитъ тѣхъ, которые кичливы, тщеславны, тѣхъ, которые скупы и внушаютъ скупость другимъ людямъ, скрываютъ то, что далъ имъ Богъ изъ щедротъ своихъ¹⁾.....“.

„Вѣрующимъ, дѣлающимъ доброе, совершающимъ молитвы, дающимъ очистительную милостыню, — имъ награда отъ Господа ихъ²⁾.....“.

Несомнѣнно, однако-же, что всѣ увѣщанія этого рода дѣйствовали очень слабо на расчетливыхъ арабовъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, когда доброты подаянія первыхъ мусульманъ, какъ это будетъ видно ниже, были совершенно необходимы Мухаммаду, помимо содержанія на счетъ этихъ даваній вѣрующей нищей братіи, еще и на покрытие расходовъ по распространенію ислама силою оружія.

Это доказывается, во первыхъ, вышеприведеннымъ стихомъ о скупыхъ; а, во вторыхъ, такими мѣстами корана, гдѣ пророкъ дѣлаетъ арабамъ косвенные упреки за уклоненіе отъ жертвованія доброкачественныхъ предметовъ.

„Вѣрующіе! отдавайте на пожертвованія лучшее изъ изъ того, что приобрѣли вы, и изъ того, что Мы выращаемъ для васъ изъ земли; а не жертвуйте такимъ, что считаете для себя самихъ негоднымъ, такимъ, что приняли-бы вы не иначе, какъ зажмуривъ очи³⁾.....“.

Видя, съ какою неохотою арабы дѣлаютъ просимыя у нихъ пророкомъ пожертвованія, послѣдній продолжалъ привлекать ихъ къ этой дѣятельности, во первыхъ, обѣщаніями

¹⁾ Коранъ 4,40-41.

²⁾ Коранъ 2,277.

³⁾ Коранъ 2,269-270.

большихъ наградъ на небѣ, а, во вторыхъ, указаніями на то, что милостыня есть лучшее, вѣрнѣйшее средство къ очищенію себя отъ грѣха, къ пріобрѣтенію цѣною этихъ даяній мѣста въ томъ раю, гдѣ праведниковъ ожидаютъ „рѣки изъ воды, не имѣющей срада; рѣки изъ молока, котораго вкусъ не измѣняется; рѣки изъ вина, пріятнаго для пьющихъ; рѣки изъ меда очищеннаго. Тамъ для нихъ плоды всякаго рода и отъ Господа ихъ прощеніе грѣховъ.....“

.....Они будутъ въ садахъ сладости..... на украшенныхъ дорогими камнями сѣдалищахъ;.... вѣчно юные отроки будутъ носить вокругъ ихъ кубки, кружки, чаши съ напиткомъ, отъ котораго они не одурѣютъ, не опьянѣютъ; съ плодами... съ мясами птицъ, какихъ пожелаютъ. Черноземныя, велеокія, подобныя хранимымъ жемчужинамъ, будутъ имъ воздаяніемъ за то, что они прежде дѣлали... Они будутъ среди лотосовъ, не имѣющихъ шиповъ, среди банановъ, на которыхъ висятъ ряды плодовъ; въ тѣни широко растилающейся.....“.

Поощряя такимъ образомъ вѣрующихъ къ разнаго рода пожертвованіямъ, пророкъ напелъ не только возможнымъ, но и нужнымъ указать на чрезвычайную выгодность милостыни, въ смыслѣ пріобрѣтенія этимъ путемъ не только прощенія грѣховъ, но даже и увеличенія матеріальнаго благосостоянія въ теченіи земной жизни: „Тѣ, которые своимъ имуществомъ жертвуютъ *на путь Божій*, подобны зерну, произрастающему по семи колосовъ, и въ каждомъ колосѣ по сту зеренъ. Богъ вдвое воздаетъ тому, кому хочетъ¹⁾...“.

„Творящіе милостыню, и творящіи милостыню,—они даютъ въ заемъ Богу хорошій заемъ,—получаютъ сугубую отплату: имъ будетъ щедрое воздаяніе²⁾“.

Кромѣ того, желая упрочить въ представленіи арабовъ чудодѣйственную силу милостыни и благотворительности, пророкъ объявилъ вѣрующимъ, что, при невозможности исполненія ими даже ихъ главнѣйшихъ обязанностей въ отношеніи *Аллаха* (каковы: молитва, постъ, поклоненіе Меккскому храму); такіа, хотя-бы и невольныя, нарушенія закона мо-

¹⁾ Коранъ. 2,263.

²⁾ Коранъ. 57,17.

гутъ быть искуплены милостыней, или инымъ какимъ либо благотворительнымъ дѣяніемъ¹⁾).

Резюмируя вышеприведенныя постановленія корана, касающіяся дѣлъ благотворительности, мы, вѣроятно, въ правѣ сказать, что благотворительность, въ видѣ разнаго рода пожертвованій, считалась Мухаммадомъ одною изъ важнѣйшихъ нравственныхъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ вѣрующемъ и благочестивомъ мусульманинѣ.

Къ этому прибавимъ, что сборъ подавій съ адептовъ проповѣданнаго имъ ученія, былъ совершенно необходимъ для пророка, какъ для содержанія немущей вѣрующей братіи, такъ и для веденія религіозной войны съ цѣлю распространенія ислама, ибо Мухаммадъ, оказавшись, вскорѣ послѣ бѣгства въ Медину, не только пророкомъ, но и первосвященникомъ, и верховнымъ судьей и султаномъ вновь основаннаго теократическаго государства, долгое время не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ, сколько нибудь значительныхъ и вполне опредѣленныхъ, денежныхъ средствъ.

Изъ вышеизложеннаго сами собою явствуютъ причины, по которымъ, на первыхъ-же порахъ существованія вновь основаннаго мусульманскаго государства, состоялось постановленіе о томъ, что каждый вѣрующій обязанъ ежегодно жертвовать опредѣленную ($\frac{1}{40}$), часть своего имущества, (скотъ, цѣнности, произведенія полей, произведенія деревень и товары) въ пользу бѣдныхъ и на веденіе священной войны съ цѣлю распространенія ислама, въ видѣ субсидій немущимъ воинамъ. Такимъ образомъ, на первыхъ-же порахъ милостыня, добротное подаяніе, заповѣданное пророкомъ на словахъ, на дѣлѣ превратилось въ принудительный сборъ, въ подобіе обыкновенной государственной подати, которая собиралась особыми сборщиками, *амилями*, назначавшимися правительствомъ и получавшими содержаніе изъ того-же сбора, названнаго *закатомъ*.

Тѣмъ не менѣе, въ первое время существованія мусульманскаго государства, *закатъ*, хотя и былъ принудительнымъ сборомъ съ вѣрующихъ, но все же продолжалъ оста-

¹⁾ Коранъ. 2,192.

ваться особымъ видомъ общественной благотворительности, такъ какъ, за исключеніемъ содержанія *амилей*, полностью расходовался на бѣдныхъ.

При этомъ, какъ увидимъ далѣе, имѣлось въ виду, что обязательная уплата зяката, какъ принудительнаго пожертвованія, отнюдь не освобождаетъ мусульманина отъ нравственной обязанности для него частной благотворительности, въ видѣ разнаго рода пожертвованій и подаванія милостыни въ прямомъ, житейскомъ значеніи этого слова.

Однако же, такой порядокъ вещей продержался относительно очень не долго, и *зякатъ* постепенно превратился въ обыкновенную государственную подать, поступавшую въ безотчетное распоряженіе правителей мусульманскихъ государствъ, причемъ подать эта расходовалась на удовлетвореніе совсѣмъ не тѣхъ нуждъ, которыя первоначально имѣлись въ виду Мухаммадомъ. При этомъ *зякатъ* вскорѣ же подраздѣлился на *зякатъ* и *уиръ*, а *уиръ* въ свою очередь на *уиръ* и *хераджъ*; а еще позже въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. въ Средней Азій, *хераджъ* подраздѣлился на *хераджъ*, сборъ съ произведеній полей, и *танабъ*, сборъ съ огородовъ, виноградниковъ, садовъ и другихъ древесныхъ насажденій.

Столь неустойчивымъ, столь недолговѣчнымъ оказалось сооруженное силой воли мусульманскаго пророка грандіозное на первыхъ порахъ зданіе мусульманской общественной благотворительности, съ упраздненіемъ которой на долю немущей братіи осталась одна лишь благотворительность частная, къ разсмотрѣнію разныхъ видовъ которой мы и перейдемъ.

Такъ какъ позднѣйшія мусульманскія общества и государства всегда заключали въ себѣ нѣкоторое, зачастую даже весьма значительное число бѣдныхъ, нуждавшихся въ посторонней помощи, причемъ, съ одной стороны, общественно-государственная благотворительность упразднилась одновременно съ тѣмъ, какъ *зякатъ* сталъ употребляться на выны нужды, а съ другой стороны — вышеприведенныя мѣста корана продолжали требовать отъ мусульманина матеріальной помощи бѣдствующему собрату по вѣрѣ, то поэтому вопросъ о частной благотворительности, конечно, не могъ ускользнуть отъ богослововъ и законовѣдовъ, разработывавшихъ *шаріатъ*, ко-

торый, какъ мы видѣли уже раньше, силится регламентировать по возможности всѣ явленія мусульманской жизни.

И, дѣйствительно, въ шаріатѣ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, постановленія о такъ называемомъ *фитрѣ*, обязательной милостынѣ, которая должна раздаваться бѣднымъ, какъ и *зякатъ*, въ опредѣленномъ количествѣ, въ концѣ ежегоднаго мусульманскаго поста, вслѣдствіе чего *фитрѣ*, какъ пожертвованіе обязательное, или даже принудительное, представляетъ собою какъ-бы дополненіе къ *зякату*, отличающееся отъ послѣдняго лишь своимъ значительнo меньшимъ размѣромъ и тѣмъ, что онъ долженъ былъ выдаваться однимъ лишь бѣднымъ въ видѣ разнаго рода провизіи.

Послѣ *фитры* слѣдуетъ упомянуть о *кяфаратѣ*, очистительной или, вѣрнѣе, искупительной милостынѣ, установленной закономъ¹⁾ на предметъ искупленія грѣха, содѣяннаго при нарушеніи одного изъ каноническихъ правилъ или установленій.

Такъ напр., сознательное нарушеніе постановленій о постѣ можетъ быть искуплено насыщеніемъ 60 бѣдныхъ. Такого-же рода искупительная милостыня полагается по шаріату и въ иныхъ аналогичныхъ съ этимъ случаяхъ закононарушеній, причемъ количество бѣдныхъ, подлежащихъ накормленію, въ зависимости отъ тяжести даннаго закононарушенія, колеблется отъ 10 до 60.

Если же искупительная милостыня раздается родственниками умершаго, то она называется уже не *кяфаратомъ*, а *искатомъ*; это, такъ сказать, *кяфаратъ* покойниковъ.

Что касается милостыни въ прямомъ значеніи этого слова, т. е. добротнаго подаванія немущимъ безъ всякой предопредѣленной цѣли, а единственно изъ снисхожденія къ ихъ бѣдственному состоянію, то о такой милостынѣ, которую туземцы именуютъ арабскимъ словомъ *садака*, въ книгахъ шаріата мы не встрѣчаемъ никакихъ точныхъ и опредѣленныхъ указаній.

Зато громадное количество такихъ указаній мы находимъ

¹⁾ Коранъ. 2, 192.

въ книгахъ духовно—правственнаго содержанія, каковыя, на-
примѣръ, такъ называемые *ахляк* разныхъ наименованій.

Резюмируя въ общихъ чертахъ мысли, проводимыя авто-
рами этихъ сочиненій, мы считаемъ себя въ правѣ сказать,
что упомянутые авторы несомнѣнно видятъ въ милостынѣ и
въ благотворительности высоконравственное, богоугодное и ду-
шеспасительное дѣло; но, слѣдуя примѣру пророка, они ста-
раются привлечь читателей своихъ произведеній къ дѣламъ
благотворительности опять таки указаніями на очевидную и
несомнѣнную выгоду займа, даваемого Богу.¹⁾

Такъ, напри-²⁾м., въ книгѣ *ахляк-и-мухсининъ*³⁾ приво-
дится рассказъ о богатомъ ходжѣ, который, узнавъ о безвы-
ходно—бѣдственномъ положеніи своего сосѣда, отдалъ ему поло-
вину своего движимаго имущества. Въ слѣдующую-же ночь про-
рокъ явился во снѣ добродѣтельному ходжѣ и объявилъ ему, что
за милость, оказанную сосѣду, грѣхи его уже прощены Бо-
гомъ, сверхъ чего *благосостояніе* его земной жизни *увеличится*.

Однако-же, перебирая въ памяти все встрѣченное нами по
данному вопросу въ восточной, главнымъ образомъ персидской
литературѣ, мы должны сказать, что число приводимыхъ здѣсь
примѣровъ сколько нибудь широкой благотворительности въ
общемъ далеко уступаетъ числу примѣровъ совершенно обрат-
наго свойства, *встрѣчаемыхъ* въ многочисленныхъ сборникахъ
коротенькихъ повѣстей, рассказовъ и анекдотовъ быто-описа-
тельнаго характера, причемъ то указываются цѣлыя общест-
венные классы, отличающіеся особой скупостью, то осмѣи-
вается алчность профессиональнаго попрошайки.

У одного изъ персидскихъ поэтовъ находимъ такое мѣсто:
„у нищаго спросили: сколько будетъ дважды десять? Онъ отвѣ-
тилъ: двадцать лепешекъ. Нищему снятся лепешки, ходжѣ³⁾—
богатства, а собакѣ—кости“.

Въ той-же персидской литературѣ встрѣчаемъ нижеслѣ-
дующій рассказъ, въ видѣ предисловія къ которому замѣтимъ,

¹⁾ Творяще милостыню, и творящія милостыню—они даютъ въ заемъ
Богу хорошій заемъ, получаютъ сугубую отплату: имъ будетъ щедрое воз-
награжденіе. Коранъ 57,17.

²⁾ Что значить—правы добродѣтельныхъ.

³⁾ Ходжа соответствуетъ до нѣкоторой степени нашему дворянину.

что у мусульманъ существуетъ преданіе о такъ называемомъ
мираджѣ, т. е. вознесеніи Мухаммада, однажды ночью, на небо,
гдѣ онъ лицезрѣлъ Бога и ветхозавѣтныхъ пророковъ. Въ упо-
мянутомъ анекдотѣ повѣствуется, что, когда пророкъ поднялся
на четвертое небо, то увидѣлъ тамъ, между прочимъ, ангела,
который стоялъ съ барабаномъ, причемъ держалъ въ рукахъ
палки такъ, какъ-бы готовился тотчасъ-же ударить въ бара-
банъ. Пророкъ спросилъ ангела о томъ, зачѣмъ онъ созданъ.
Ангелъ отвѣчалъ, что за пятьсотъ тысячъ лѣтъ до сотворенія
человѣка онъ былъ созданъ для того, чтобы ударами въ ба-
рабанъ возвѣщать міру о каждомъ подаянніи, сдѣланномъ *мул-
лою*¹⁾, но съ тѣхъ поръ стоитъ въ ожиданіи того, когда ему
придется въ первый разъ ударить въ барабанъ. Въ заключе-
ніе авторъ вышеприведеннаго анекдота замѣчаетъ: „никто еще
не видѣлъ ногъ змѣи и глазъ муравья такъ-же, какъ никто
никогда не видѣлъ, чтобы какой нибудь *мулла* далъ-бы кому
либо лепешку“.

Это послѣднее замѣчаніе вышло даже въ одну изъ тѣхъ
туземныхъ поговорокъ и пословицъ, которыя обличаютъ му-
сульманскую интеллигенцію, такъ называемыхъ *ахль-и-фазль*,
въ особенно малой склонности къ дѣламъ благотворительности,
находящимся внѣ какихъ либо меркантильныхъ соображеній.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію разныхъ видовъ благотвори-
тельности, наблюдаемыхъ въ современномъ намъ туземномъ
обществѣ, напомнимъ читателю, что мусульманская обществен-
ная благотворительность, широко практиковавшаяся при Му-
хаммадѣ и его первыхъ преемникахъ на средства такъ назы-
ваемого *заката*, вскорѣ же упразднилась, одновременно съ
тѣмъ, какъ *закатъ*, превратившись въ государственную по-
лать, сталъ расходоваться мусульманскими правителями на
дѣла, не имѣющія ничего общаго съ призрѣніемъ неимущихъ.

¹⁾ *Мулла* по арабски значить грамотный, книжникъ. Въ Средней
Азіи подъ этимъ именемъ разиѣются также ученики высшихъ туземныхъ
школъ, такъ называемыхъ *мадраса*.

Въ мѣстѣ съ тѣмъ, въ замѣнъ *заката* не возникло ни одного эквивалентнаго ему источника средствъ для общественной благотворительности, въ видѣ благотворительныхъ обществъ и другихъ, тому подобныхъ учреждений, вслѣдствіе чего нынѣ мы встрѣчаемъ у туземцевъ одну лишь частную благотворительность, причемъ частное лицо или дѣлаетъ какія либо вспомошествованія частнымъ-же лицамъ, или-же стремится къ облагодѣтельствуванію цѣлаго общества, или части его, создавая какое либо общепольное учрежденіе.

Начнемъ съ простѣйшей формы частной туземной благотворительности, съ такъ называемой *садака*, т. е., милостыни въ прямомъ значеніи этого слова.

Здѣсь приходится имѣть дѣло съ двумя вопросами: 1), съ вопросомъ о склонности даннаго народа къ разнаго рода пожертвованіямъ, и 2), съ вопросомъ или объ абсолютномъ или объ относительномъ количествѣ раздаваемой милостыни.

Отвѣчая на первый изъ этихъ двухъ вопросовъ и опираясь на впечатлѣнія, воспріятыя въ теченіи двадцати лѣтняго общенія съ туземцами, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что стремленіе помочь бѣдствующему и нуждающемуся отнюдь не можетъ считаться чуждымъ душѣ туземца.

Однакоже, желаніе быть правдивымъ, заставляетъ насъ замѣтить, что такое нравственное стремленіе къ благотворительности, фактически проявляясь далеко не равномерно въ средѣ различныхъ классовъ туземнаго общества, наиболѣе присуще сельскому, земледѣльческому населенію, что обуславливается насколько нравственными особенностями вышеупомянутыхъ классовъ, настолько-же и матеріальными условіями ихъ быта.

Начать съ того, что туземецъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ предпочитаетъ подавать милостыню не деньгами, а, такъ сказать, натурой, въ видѣ хлѣба, пищи (кушаній) и зерна, и лишь изрѣдка въ видѣ стараго платья и обуви.

Это объясняется прежде всего и главнымъ образомъ тѣмъ, что туземецъ, до прихода въ край русскихъ, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ привыкалъ смотрѣть на деньги, какъ на предметъ рѣдкій и трудно добываемый.

Насколько ничтожно было относительное количество денегъ, вращавшихся среди населенія Средней Азіи до нашего прихода сюда и насколько трудно было добывать эти деньги туземцу—простолюдину, можно судить по двумъ нижеслѣдующимъ экономическимъ признакамъ.

Занявъ въ 1875—76 году Фергану, мы нашли тамъ: во первыхъ, счетъ на *чеки* (1/4 коп. сер.) у народной массы и на *тенгги* (20 коп. сер.) у остальныхъ сословій, причемъ счетъ на *тилли* (золотой = 3 р. 80 к. сер.) встрѣчался лишь какъ рѣдкое исключеніе, главнымъ образомъ при покупкахъ разнаго рода недвижимой собственности¹⁾ и, во вторыхъ, нижеслѣдующія цѣны: 1) дневная плата чернорабочему въ селеніяхъ и уѣздныхъ городахъ отъ 10 до 20 коп. сер.;

2) заработокъ ткача, кузнеца, красильщика пряжи, а равно подмастерья въ большей части производствъ отъ 15 до 40 коп. въ день;

3) пудъ винограду—20 коп. сер.;

4) пудъ сушеннаго урюку (абрикось)—25 коп. сер.;

5) фунтъ мяса отъ 2 до 4 коп. сер.;

6) взрослый баранъ отъ 2 до 3 руб. сер.

(Вслѣдствіе ничтожности средняго душевого надѣла и густоты населенія, наиболѣе цѣннымъ продуктомъ въ Ферганѣ всегда была пшеница, цѣна на которую даже и въ то время колебалась отъ 30 до 60 коп. сер. за пудъ).

Чтоже касается количества милостыни, раздаваемой туземцами, то объ этомъ, въ силу отсутствія какихъ либо статистическихъ данныхъ, трудно сказать что либо опредѣленное. Объ этомъ можно составить себѣ лишь нѣкоторое относительное понятіе. Такъ напр., обращаясь къ туземнымъ нищимъ, замѣчаемъ, что:

1) общее число ихъ меньше, чѣмъ, напр., число нищихъ на Руси, что мы позволяемъ себѣ объяснить главнымъ образомъ относительно большей благопріятностью климатическихъ и бытовыхъ условій, а отчасти, можетъ быть, и относительно малой здѣсь доходностью нищенства, какъ промысла.

¹⁾ Нынѣ большинство туземцевъ считаетъ уже на копейки и рубли.

2) Туземные нищие подразделяются на собственно нищих, такъ наз. *гадай* или *гадо*, и нищенствующихъ дервишей, известныхъ здѣсь подъ общимъ именемъ *каляндаровъ*, причемъ вторые значительно многочисленнѣе первыхъ.

3) Собственно нищие въ большинствѣ случаевъ собираютъ подаяніе въ городахъ и селеніяхъ, находящихся неподалеку отъ мѣстъ ихъ постоянного жительства, тогда какъ *каляндары* зачастую совершаютъ съ этою цѣлью далекія путешествія.

4) Зимой наибольшая часть нищихъ и *каляндаровъ* сгруппировываются въ городахъ и большихъ, базарныхъ селеніяхъ. Лѣтомъ-же, особенно во время уборки зернового хлѣба, они разбредаются по мелкимъ *кишлакамъ*, (селеніямъ), и, переходя отъ *хирмана* къ *хирману*¹⁾, выпрашиваютъ пригоршни того или другого зерна.

Выше, говоря о разныхъ видахъ шаріатомъ установленной милостыни, мы упоминали о *фитрѣ* и замѣтили, что, по своему существу, въ его первичномъ видѣ, это было обязательное или даже принудительное пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ опредѣленнаго, судя по разиѣрамъ благосостоянія жертвователя, количества провизіи, раздававшейся немущимъ въ концѣ мусульманскаго поста.

Нынѣ обычай раздачи *фитры*, въ его первоначальномъ видѣ болѣе не практикуется; мы встрѣчаемъ лишь слѣды или пережитки этого установленія, доказывающіе, что раньше раздача *фитры* бѣднымъ практиковалась и мѣстными мусульманами.

А именно: во первыхъ, въ туземномъ обиходѣ мы встрѣчаемъ особыя, прѣсныя, иногда сдобныя лепешки, называемыя *фитырѣ* или *питырѣ*, (искаженіе слова *фитрѣ*), которыя пекутся предпочтительно къ обоимъ мусульманскимъ праздникамъ, *рамазану* и *курбану*. Во вторыхъ, во многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай посылать наканунѣ обоихъ праздниковъ блюда съ *палау* (пловъ), но только не нищей братіи, а близкимъ знакомымъ и родственникамъ.

¹⁾ Токъ, на которомъ обмолачивается хлѣбъ и который устраивается обыкновенно на вѣѣ-же.

Раздача *кафарата*, очистительной милостыни, обязательной для мусульманина въ случаяхъ нарушеній имъ въ некоторыхъ каноническихъ и иныхъ, установленныхъ шаріатомъ правилъ, выражающаяся въ насыщеніи опредѣленнаго для каждаго такого случая числа нищихъ, насколько намъ извѣстно, нынѣ болѣе не практикуется, или, по крайней мѣрѣ, случаи раздачи *кафарата* являются крайне рѣдкими исключеніями, наблюдать которыя намъ не удавалось.

Искатъ, заукойная очистительная милостыня, раздается туземцами многихъ мѣстностей Туркестанскаго края въ видѣ мелкихъ, по большей части мѣдныхъ монетъ, и маленькихъ кусочковъ матеріи, обыкновенно бѣлаго коленкора, которые эксплуатируются экономными туземцами при шитьѣ одѣялъ и подушекъ, составляемыхъ изъ лоскутковъ разныхъ матерій.

Однакоже и *искатъ*, (или *искотъ*, какъ произносятъ туземцы), раздается по большей части не бѣднымъ, а тѣмъ родственникамъ и знакомымъ, которые, желая отдать послѣдній долгъ усопшему, приходятъ на такъ называемую *джаназу*, соотвѣтствующую нашей панихидѣ.

Къ *искоту*-же слѣдуетъ отнести поминки, совершаемыя на третій и сороковой день и въ годовщину смерти усопшаго, а также и раздачу оставшагося послѣ него бѣлья и платня, причемъ и въ этомъ случаѣ благостыней дантелей пользуются опять таки не столько бѣдные, сколько или родственники и знакомые, или-же лица, принимавшія участіе въ омовеніи покойника.

Переходя къ тѣмъ случаямъ частной благотворительности, когда результатомъ ея являются какія либо общепольныя учрежденія, замѣтимъ, что здѣсь это главнымъ образомъ мечети и школы; въ рѣдкихъ случаяхъ мосты, переправы или дороги, причемъ абсолютно не существуетъ ни больницъ, ни пріютовъ или богадѣленъ, ни другихъ тому подобныхъ учреждений, ни частнаго ни общественнаго призрѣнія.

Косвеннымъ исключеніемъ, какъ увидимъ ниже, представляются лишь такъ назыв. *кары-хана*, школы, въ которыхъ частью зрячіе, а частью слѣпые *кары*, заучиваютъ наизусть коранъ, вслѣдствіе чего *кары-хана*, будучи прежде всего школою, косвеннымъ образомъ иногда играетъ роль и

пріюта для нѣсколькихъ слѣпцовъ, причемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ остаются здѣсь на всю жизнь.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что чтеніе корана и заучиваніе его наизусть, изученіе шаріата, а равно и предоставленіе возможности того-же другимъ, построеніе мечетей, учрежденіе школъ, въ которыхъ изучаются коранъ и шаріатъ, содержаніе на свой счетъ чтецовъ корана и другія, тому-подобныя дѣянія считаются въ высшей степени богоугодными и душеспасительными, причемъ за совершеніе всѣхъ этихъ дѣяній ожидается *савабъ*, большая или меньшая награда въ будущей жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращаясь къ упомянутымъ уже нами книгамъ духовно-нравственнаго содержанія, представляющимъ собою какъ-бы продолженіе шаріата или дополненіе къ нему, мы находимъ здѣсь, между прочимъ, нѣчто такое, что безъ всякаго преувеличенія можно назвать расцѣнкой душеспасительныхъ дѣлъ или таксой *саваба*, награды, полагающейся за совершеніе того или другого богоугоднаго дѣянія, ибо въ нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ мы встрѣчаемъ указанія относительно того, что за совершеніе такого-то дѣянія воздается такой-же *савабъ*, какъ за построеніе столько-то мечетей или за построеніе столько-то мадраса, или за накормленіе столько-то нищихъ, или за даніе одежды столько-то бѣднымъ.

Изъ вышесказаннаго о душеспасительности чтенія корана и изученія шаріата явствуетъ до нѣкоторой степени причина, по которой туземецъ, желая сдѣлать что либо сколько нибудь грандіозное въ области благотворительности, обращалъ и обращаетъ свое вниманіе прежде всего на мечеть или на школу.

Понятно также, почему изъ трехъ главнѣйшихъ видовъ туземной мусульманской школы, (*карыхана*, *мадраса* и *мактабъ*), онъ обращалъ свое главное вниманіе на первыя двѣ.

Въ *мадраса* изучаются священный для каждого мусульманина арабскій языкъ и мусульманское право, *шаріатъ*, о незначительной части котораго пророкъ сказалъ: „изучайте *фараизъ* (наслѣдственное право); въ немъ половина чело-вѣческаго знанія“.

Въ *карыхана*, какъ мы уже замѣтили выше, заучивается наизусть коранъ, даже механическое чтеніе котораго считается душеспасительнѣйшимъ изъ дѣлъ вѣрующаго мусульманина.

Совсѣмъ другое дѣло *мактабъ*, начальная школа грамотности. Для каждаго толковаго туземца ясно, какъ Божій день, что *савабъ*, полагающийся за открытіе и содержаніе на свой счетъ *мактаба*, не можетъ равняться и десятой долѣ того *саваба*, который положенъ за учрежденіе *мадраса* или *карыхана*.

И такъ до сего времени имѣлись весьма вѣскія причины для того, чтобы выборъ туземца останавливался на мечети, *карыхана* или *мадраса*.

Избравъ одно изъ трехъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, онъ возводилъ соотвѣтствующее зданіе, а затѣмъ снабжалъ вновь возникавшее учрежденіе *вакфомъ*, какимъ либо недвижимымъ имуществомъ, (земли, караванъ-сарай, лавки, бани, мельницы и т. п.), закрѣпленнымъ за мечетью или школой *вакфъ-намой*, вакуфнымъ документомъ, уставной грамотой, въ которой значилось, между прочимъ, какимъ образомъ долженъ расходоваться ежегодный доходъ, имѣющій получаться отъ имущества, пожертвованнаго въ *вакфъ*.

Обращаясь къ разсмотрѣнію текста вакуфныхъ документовъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ одну весьма оригинальную особенность.

Такъ напр., въ вакуфномъ документѣ, которымъ разнаго рода недвижимыя имущества закрѣплены за однимъ изъ Кокандскихъ *мадраса*, между прочимъ, значитъ, что при этомъ *мадраса*, долженъ состоятъ *кары*, чтець корана, на обязанности котораго лежитъ ежедневное прочтеніе части корана въ стѣнахъ мадраса, за что онъ имѣетъ получать опредѣленную вакфодателемъ часть вакуфнаго дохода, но при непремѣнномъ условіи добровольнаго отказа въ пользу вакфодателя отъ того *саваба*, отъ той награды въ будущей жизни, которая полагается за ежедневное чтеніе корана.

Въ виду того, что подобныя условія, прямо или косвенно, мы встрѣчаемъ въ большей части вакуфныхъ документовъ, закрѣпляющихъ собою имущественныя права туземныхъ школъ, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что основатели этихъ

учреждений, дѣлая пожертвованія *на путь Божій*, видѣли въ этомъ не столько дѣло благотворительности, сколько выгодную, по ихъ понятіямъ, покупку *саваба*.

„Творящіе милостыню, и творящіи милостыню, — они даютъ въ заемъ Богу хорошій заемъ, — получаютъ сугубую оплату: имъ будетъ щедрое вознагражденіе“).

Выше мы упомянули о томъ, что въ прежнее время наблюдались случаи устройства частными лицами, съ благотворительной яко бы цѣлью, мостовъ, переправъ и рѣже дорогъ.

Дѣянія этого рода совершались главнымъ образомъ *ишанами*, подъ именемъ которыхъ разумѣются духовники, наставники и руководители въ сферѣ духовно-нравственной жизни туземца мусульманина.

Въ старину *ишаны* (иначе *пиры*), отличавшіеся особенно строгими правилами нравственности, строгимъ, аскетическимъ образомъ жизни и обширными познаніями въ области мусульманскаго вѣро и законоученія, зачастую обладали громаднымъ числомъ учениковъ или послѣдователей, такъ называемыхъ *мюридовъ*, на нравственной обязанности которыхъ, кромѣ возможно болѣе частыхъ собесѣдованій съ своимъ *ишаномъ* и слѣдованія указаннымъ имъ правиламъ, лежало еще и посильное приношеніе послѣднему всего того, что могъ привести ему въ даръ тотъ или другой изъ его *мюридовъ*.

Лѣтъ 10—15 тому назадъ въ Туркастанскомъ краѣ было еще нѣсколько такихъ *ишановъ*, которые составили себѣ цѣлыя состоянія изъ добровольныхъ приношеній, дѣлавшихся ихъ учениками и послѣдователями.

Поучая своихъ *мюридовъ* благочестію, призывая ихъ къ любви къ ближнему и къ благотворительности, нѣкоторые изъ *ишановъ* находили полезнымъ поучать не однимъ только разговоромъ, но и показомъ, при чемъ обыкновенно выбирали что либо относительно грандіозное и вмѣстѣ съ тѣмъ такое, что, будучи постоянно на глазахъ окружающаго ихъ люда, непрестанно напоминало-бы этому люду о славныхъ дѣяніяхъ того, кто потщился на пользу народа.

¹⁾ Коранъ. 57, 17.

При такого рода условіяхъ возникли, на примѣръ, несуществующіе уже нынѣ, но еще видѣнные нами, мостъ черезъ Нарынъ въ Наманганскомъ уѣздѣ, переправа черезъ Сыръ-Дарью (*Гумбаз-и-Мааруфъ-Ходжа - Ишанъ*) въ Кокандскомъ уѣздѣ и др.

Однако-же, прислушиваясь къ говору туземцевъ, большинство которыхъ теперь начинаютъ уже относиться къ *ишанамъ* не только съ малымъ довѣріемъ, но зачастую даже и съ совершенно нескрываемою ироніей, узнаемъ, что вышесказанные подвиги духовныхъ отцовъ туземнаго общества обставлялись такими условіями, которыя въ нашихъ глазахъ превращаютъ эти дѣянія въ довольно выгодную покупку *саваба* съ одной стороны и условной популярности съ другой.

Приступая, на примѣръ, къ устройству моста, *ишанъ* оповѣщалъ объ этомъ по возможности всѣхъ своихъ *мюридовъ* и приглашалъ ихъ принять посильное участіе въ предпринимаемомъ имъ богоугодномъ дѣлѣ.

Одинъ изъ *мюридовъ* доставлялъ лѣсъ; другой жертвовалъ нѣкоторую сумму денегъ; третій предлагалъ свой личный трудъ и т. д.

Въ концѣ концовъ участіе *ишана* въ постройкѣ моста, (или чего либо подобнаго), выражалось лишь въ пребываніи его на мѣстѣ работъ, для вящаго воодушевленія фактическихъ подвижниковъ, и въ доставленіи имъ, въ продолженіи работъ, питанія, въ видѣ чая, хлѣба, мяса, риса и пр., причемъ въ большинствѣ случаевъ даже и эти продукты, будучи въ данное время достояніемъ *ишана*, раньше были получены имъ въ даръ опять таки отъ его же *мюридовъ*.